

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ТЕШАЕВ ХАЁМ ИКРОМОВИЧ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЖИВОТНЫЙ МИР»
В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент

Шамбезода Хусрав Джамshedович

Душанбе 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Теоретические исследования лексики русского и таджикского языков.....	11
1.1. Лексика как система.....	11
1.2. Понятие о семантическом поле.....	32
1.3. Иерархическая классификация слов со значением «животные» ..	40
Выводы по первой главе.....	44
ГЛАВА II. Тематическая и семантическая характеристика слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках.....	46
2.1. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «животные, обитающие на поверхности земли».....	46
2.1.1. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «домашних животных, обитающих на поверхности земли».....	46
2.1.2. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «диких животных, обитающих на поверхности земли».....	62
2.2. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «птицы».....	71
2.2.1. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «домашних птиц».....	71
2.2.2. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «диких птиц».....	79
2.3. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «животные, обитающие в воде, на воде».....	84
Выводы по второй главе.....	90
ГЛАВА III. Словообразовательная характеристика слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках.....	93
3.1. Общие сведения о словообразовании.....	93
3.2. Морфологический способ образования названий животных в русском и таджикском языках.....	94

3.2.1. Аффиксация в русском и таджикском языках.....	95
3.2.2. Суффиксальный способ в русском и таджикском языках.....	96
3.2.3. Префиксальный способ в русском и таджикском языках.....	101
3.2.4. Префиксально-суффиксальный способ в русском и таджикском языках	102
3.2.5. Сложение в русском и таджикском языках	103
3.2.6. Сложно-суффиксальный способ в русском и таджикском языках	112
3.3. Морфолого-синтаксический способ образования названий животных в русском и таджикском языках.....	114
3.3.1. Лексико-синтаксический способ образования названий животных в русском и таджикском языках.....	115
3.3.2. Лексико-семантический способ образования названий животных в русском и таджикском языках.....	116
3.4. Стилистическая характеристика слов со значением «животные» в русском и таджикском языках.....	117
Выводы по третьей главе.....	125
Заключение.....	129
Список условных сокращений.....	139
Список использованной литературы.....	140

ВВЕДЕНИЕ

Все что находится вокруг человека, было в центре его внимания еще с давних времен. Результатом этого является формирование лексико-тематических групп: названий предметов и явлений природы, явлений окружающего мира. В русском и таджикском языках слова, обозначающие животный мир: рыб, птиц, водоплавающих, насекомых, диких и домашних животных - постоянно занимали особое место среди исследуемых тематических групп.

Актуальность сравнительно-сопоставительного анализа вызвана широкими возможностями сопоставительного изучения языков, в выявлении особенностей функционирования языковой системы.

В современном языкознании не утрачивается интерес к изучению и анализу терминологической лексики. К числу специальных слов можно отнести и слова со значением «животный мир». В русском и таджикском языках зоолексика как языковое явление заслуживает особого внимания, потому что, подчиняясь действующим законам языка, она образует свою специфическую подсистему, в которой возникают свои закономерности, требующие специального изучения. Специфика зоологической лексики заключается в том, что она состоит: во-первых, из общенародных слов; во-вторых, из специальных терминов, обозначающих животных.

В современном русском и таджикском языках зоолексика является одним из наиболее интересных пластов словарного состава языка, так как включает в себя разнообразные **тематические** группы, обозначающие млекопитающих, птиц, насекомых, водоплавающих и т.д. Зоолексика имеет свои особенности в обогащении словарного состава языка производными словами и при создании переносных значений слов. Характерно, что название животных в разных языках основывается на разных качествах и признаках, отражающих мировоззрение конкретного народа. Это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что является сложным ассоциативно-психологическим процессом, а

также свидетельствует о различиях в ценностной картине мира различных этносов. Еще больший простор имеется в языке художественных произведений, когда писатель или поэт придает тем или иным зоонимам и зоологизмам свое понимание признаков тех или иных животных, служащих для создания образа. На основе подобного подхода мы можем определить, какие зоологические лексические единицы используются в прямом или переносном значении при описании природы, артефактов и особенно внешнего облика человека, его физических свойств и манеры поведения.

Названия животного мира можно изучать как с точки зрения способов возникновения номинаций, так и с точки зрения их системных отношений. Зоолексике посвящено не малое количество статей, монографий и диссертаций [Сетаров 1971, 1992]; [Тлехатук 2001]; [Гафарова 2007]; [Мирзоев 2013] и др. Начиная со второй половины XX столетия, зоолексику интенсивно изучают русские и зарубежные лингвисты, такие, как О.Б. Абакумова [1994]; С.Л. Акопова [1983]; Н.В. Бухтий [1991], Е.А. Косильщук [1999]; А.В. Моргун [1998]; И.Ю. Пуйо [1980]; О.Н. Трубачёв [1960, 1994] и др.

Лингвисты в основном уделяли внимание этимологии слов со значением «животный мир». Этимологию отдельных слов подробно изучает О.Н. Трубачев. Он заложил основу этимологического исследования названий одомашненных животных [Трубачев 1960]. Н.С. Арапова, исследуя зоолексемы, подвергает этимологическому анализу слова со значением «животный мир» на материале толковых словарей [Арапова 1979]. Некоторые исследователи рассмотрели зоолексику в сопоставлении с соответствующей лексикой других языков [Абакумова 1994; Тлехатук 2001; Сетаров 1971, 1992].

Диссертация Е.А. Косильщук [1999] посвящена изучению зоолексем в русской народной речи. Автор в своей работе рассматривает зоологизмы с точки зрения их физического, физиологического состояния на материале Костромской и Ярославской областей.

Аналізу скотоводчеської і овцеводчеської лексики посвящені роботи І.Ю. Пуїо [1980] і Н.В. Бухтій [1991], виконані на матеріалі українських діалектів.

В началі ХХІ століття появилось большое количество работ, посвященных различным аспектам зоолексики: С.Р. Тлехатук [2001], О.В. Григоренко [2003], О.И. Блинова [2006], Р.Д. Сетаров [2008], Мирзоев [2013], А.В. Балабанова [2008] и др.

В своей работе А.В. Балабанова рассматривает и анализирует свойства, качества, присущие животному миру. В ее работе термины «зоологизм», «зооним» и «зооморфные слова» не разграничиваются, также не выделяются способы образования зоолексики, типы мотивационных отношений.

В вышеотмеченных работах зоонимами называют все разряды зоолексики, в них в основном рассматриваются лексемы, часто классифицируемые как зоонимы и без различения их разрядов: зоонимов, зоологизмов, зооморфных слов и т.д. В большинстве работ дифференциация между лексемами - зоонимами, представляющими собой собственные имена животных (*Каштанка, Шарик, Вороной, Рекс* и др.), и зоологизмами (названия животного как биологического существа: *корова, овца, козел* и др.) не отмечается.

С собственно лингвистических позиций необходимо различать несколько разрядов слов, содержащих сему «животный мир»: *зоологизмы, зоонимы, зооморфизм* и *зооморфные слова* как основные единицы, выражающие зоопонятия. Термин *зооним* употребляется как термин ономастики (*Шишка, Белка, Рыжий, Цек, Рекс, Тузик, Чайбур* и т.д.), а *зоологизм* используется для именованя любого существа животного мира (*корова, бык, муха, собак, гов, буққа, пашиа, саг* и т.д.). Третье наименование – *зооморфизм* – специализировать для именованя мира человека, растений или природы, используя свойства, признаки животного мира (*собака «о злом грубом человеке», гов «нодон, аблах, ахмак»*). Под термином *зооморфное*

слово мы понимаем такую сложную единицу, один из компонентов которой содержит зоологическую сему [Карам 2010: 80]. Примером *зооморфного слова* могут служить такие русские слова, как *собаковод*, *звероферма*, *рыбоохрана* («охрана рыбных запасов в водоёмах»), такие таджикские слова, как *бузкаш*, *аспсавор*, *говдуш*, *сагбоз*, *говбон* («нигохубинкунандаи гов; подабон») и т.д.

Сравнительно-сопоставительное исследование зоолексикологии неоднократно привлекало внимание лингвистов. Однако сопоставительный анализ русских и таджикских зоолексем не был предметом специального исследования, хотя некоторые исследователи касались отдельных вопросов данной проблемы.

К.Т. Гафарова в своей кандидатской диссертации проводит сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, русском и немецком языках. Она рассматривает фразеологические зоонимы и фитонимы в немецком, таджикском языках в сопоставлении с русским языком. Исследование тематических групп и словообразование зоонимов и зоологизмов ею не проводилось.

Выделению тематических групп слов со значением «животный мир» специального внимания в исследованиях не уделяется, хотя зоолексика обладает разнообразными тематическими группами и свойствами.

Настоящая работа посвящена описанию тематических групп зоологизмов в русском и таджикском языках, также в данной работе рассматриваются способы словообразования слов со значением «животный мир».

Характерно, что слова со значением «животный мир» в разных языках вмещают разные качества. Это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, о различиях в ценностной картине мира различных этносов. Зоолексика русского и таджикского языков как объект исследования заслуживает особого внимания потому, что образует

специфическую подсистему, внутри которой возникают свои закономерности, требующие специального изучения.

Изучение семантических полей, исследование тематических групп и подгрупп различных слоев лексики даёт хороший материал для различных направлений современной лингвистики. В сопоставляемых нами языках исследование семантических полей и тематических групп способствует развитию учения о лексико-семантической системе языка. Слова со значением «животный мир» являются показательными в этом плане, поскольку этот пласт лексики в первую очередь становился объектом номинации и применялся носителями языка. Зоологизмы являются одним из значимых компонентов основного словарного фонда исследуемых языков.

Изучение языкового материала показывает, что, несмотря на определенную универсальность зоонимической лексики в языках мира, также выявляются определенные различия между ними (в семантическом аспекте). Все изложенное выше обуславливает **актуальность** нашей работы, в которой отмечается проникновение зоологизмов в общенародный язык и продуктивность деривационных процессов в последние десятилетия, что представляет собой массовый и интенсивный характер словотворчества.

Надо отметить, что названия животных связаны с историей, этнографией и мышлением народа, поскольку внешний мир и внутреннее его осмысление – это те факторы, которые порождают языковую картину мира любого национального языка, т.е. одной из составляющих языковой картины внешнего мира является и природная среда [61, 3].

Объектом исследования нашей работы является зоолексика русского и таджикского языков в сопоставительном плане.

Предметом исследования является выявление структурно-семантических особенностей названий животных, извлеченных из толковых словарей, выделение тематических групп названия животных и способы образования слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках.

Целью нашего исследования является анализ функционирования тематической группы слов со значением «названия животных» в русском и таджикском языках, установить сходства и различия значений русских и таджикских зоологизмов, определить причину несовпадения значений (у некоторых зоолексем), а также выявить продуктивность и непродуктивность способов словообразования в образовании зоолексем.

Из данной цели вытекают следующие **задачи**:

- дать семантическую характеристику словам указанной группы;
- сопоставить прямые значения зоологизмов анализируемых языков и выявить их сходство и различие, установить причину;
- сравнить переносные значения русских и таджикских слов со значением «животный мир», определить их сходство и различие;
- провести словообразовательный анализ зоолексем;
- выделить продуктивные и непродуктивные способы словообразования;

Для решения указанных задач нами использовались следующие **методы**: описательный, сопоставительный, структурный с использованием компонентного анализа и метод наблюдения.

Материалом и источниками исследования служили толковые, словообразовательные и отраслевые словари русского и таджикского языков, русско-таджикские и таджикско-русские словари, специальная зоологическая литература, русская и таджикская художественная литература. Основу исследования составила картотека зоологизмов.

Новизна нашего исследования заключается:

- 1) в выявлении отсутствия соответствий у некоторых слов со значением «животный мир» в сопоставляемых языках;
- 2) в установлении причины несоответствия зоологизмов в сопоставляемых языках;
- 3) в определении семантических отличий зоолексем, несовпадение переносных значений и количество значений у зоологизмов сопоставляемых

языков;

4) в выделении тематических групп зоолексем русского и таджикского языков;

5) в выявлении продуктивных и непродуктивных способов словообразований зоолексем в русском и таджикском языках.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в теоретическую разработку проблем функционирования тематических групп русских и таджикских зоологизмов, определяя место и роль зоолексем в обогащении лексической системы современного русского и таджикского языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на лекционных и практических занятиях, семинарах и спецкурсах по лексикологии и словообразованию сопоставляемых языков, при изучении тематических групп слов со значением «животный мир», при написании диссертационных исследований аспирантами. Материалы исследования также могут быть использованы при изучении продуктивных способов словообразований зоолексем и при составлении терминологических и толково-словообразовательных словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Исследование зоологизмов в семантическом аспекте позволяет разделить их по тематическим группам.

2) Сопоставительный анализ русских и таджикских зоолексем позволяет выделить отсутствие эквивалента (или соответствия) у некоторых русских зоологизмов в таджикском языке и наоборот.

3) Анализ семантической структуры слов со значением «животный мир» на основе толковых словарей позволяет установить перечень имен животных, переносное значение которых фиксирует положительные или отрицательные качества человека, но не дает полного представления об «образе человека» в русской и таджикской лингвокультуре.

4) Некоторые зоолексемы обладают качествами, которые в русском и таджикском языках имеют крайне негативную оценку. С помощью подобных зоолексем можно оскорбить человека. При актуализации данной группы слов со значением «животный мир» в речи они становятся частью инвективных высказываний.

5) Слова со значением «животный мир» в сопоставляемых языках представляют собой особый пласт лексики, в которой имеются как общенародные, так и терминологические единицы, созданные в соответствии с законами и строем русского и таджикского языков.

6) Зоологизмы играют важную роль в художественном тексте для описания художественного образа и характеристики героев.

7) Русские и таджикские зоолексемы созданы при помощи различных способов словообразования.

8) Слова со значением «животный мир» связаны с эмоциональной стороной субъекта. Они обладают семантическими и стилистическими особенностями и играют значительную роль в коммуникативной речи.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационной работы были изложены в виде докладов на Международной межвузовской научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях» (Душанбе, 2015г.). «Русский язык в межкультурном диалоге: проблемы функционирования и преподавания русского языка в персоязычных странах» (Душанбе, 2015г.), на ежегодных апрельских конференциях кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета. Результаты исследования систематически докладывались на заседаниях кафедры, а также использовались в учебном процессе при преподавании в Таджикском национальном университете. По материалам исследования опубликовано 7 статей, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список литературы и условных сокращений.

ГЛАВА I. Теоретические исследования лексики русского и таджикского языков

1.1. Лексика как система

Лексикой называют словарный состав языка, причём, когда говорят о словарном составе языка, имеют в виду слова в их индивидуальных лексических (в противоположность грамматическим) значениях [158, с. 8].

Лексикология представляет собой раздел науки о языке, изучающий словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии. Так как лексика в том или ином языке является не простой суммой слов, а определенной системой соотносительных и взаимосвязанных фактов, то лексикология предстает перед нами наукой не об отдельных словах, а о лексической системе языка в целом [154, с. 4].

В задачи лексикологии входит исследование стилистической дифференциации словаря, отдельных тематических и лексико-семантических группировок слов, их соотношения друг с другом и соотношения единиц внутри этих группировок. Кроме того, лексикология включает в себя ряд семасиологических проблем, т.е. проблем, связанных со смыслом, со значениями слов, их способностью обозначать те или иные явления внеязыковой действительности [158, с. 11].

Объектом изучения в лексикологии являются слова. Общеизвестно, что слова изучаются в морфологии и словообразовании. Однако если в морфологии и словообразовании слова оказываются средством для изучения грамматического строя и словообразовательных моделей и правил языка, то в лексикологии слова изучаются для познания самих слов, словарного состава языка как такового.

Слово является основной единицей языка, поэтому многие аспекты его изучения оказываются до некоторой степени общими для лексикологии и синтаксиса, для лексикологии и словообразования, для лексикологии и морфологии. В лексикологии, однако, слова изучаются, прежде всего, как единицы номинации, т. е. как языковые единицы, служащие для называния

предметов и явлений окружающей действительности, их выделения и формирования соответствующих понятий, утверждает Д.Н. Шмелёв [158, с. 3].

В русском и таджикском языках слово как единица языка имеет своё определенное место в языковой системе, где все единицы взаимосвязаны, одинаково важны для языка.

Благодаря своим признакам и функциям слово занимает важное место. Все слова состоят из морфем и фонем и существенно от них отличаются. В отличие от фонемы, не имеющей своего значения, слово имеет значение и представляет собой двустороннюю значимую единицу, т.е. имеет план выражения, или внешнюю форму (фонемный состав) и план содержания, или внутреннюю форму (значение). Например, русское слово *воробей* состоит из семи фонем и имеет значение «маленькая серая птичка из семейства вьюрковых», таджикское слово *гунчишк* состоит из семи фонем и имеет значение «парандаи хурди маъруф, чумчуқ» (маленькая известная птица, воробей).

В лексикологии слово изучается не только само по себе, но и в определенной связи с другими словами, образующими систему лексических единиц [143, с. 4].

Есть разные определения понятия слова. В истории науки было выдвинуто более 70 различных критериев определения слова, в основе которых лежали графические, фонетические, структурные, грамматические, семантические, синтаксические, системные принципы. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой дано такое определение: «Слово - основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка» [79, с. 782]. Системный подход к языку поставил в изучении слова новые задачи: определение слова как единицы языка, критерии его

выделения, изучение содержательной стороны слова, методов его анализа; исследование системности лексики; изучение слова в языке и речи, в тексте. Особую сложность представляет выделение слова как единицы языка и речи.

В трудах Н.М. Шанского обнаруживается следующее определение слова, в котором лингвист наиболее подробно выделяет признаки слова: «Слово – это лингвистическая единица, имеющая в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью, непроницаемостью и воспроизводимостью» [154, с. 158]. Надо отметить, что Н.М. Шанский в этом определении выделяет основные признаки слова: а) воспроизводимость (употребление слова в готовом виде); б) непроницаемость (все слова имеют определенный звуковой облик и недопустимость включения внутрь слова других фонем без изменения его значения); в) лексико-грамматическая отнесенность (принадлежность слова к какой-то части речи); г) недвуударность (наличие одного основного ударения); д) наличие индивидуального лексического значения (большое количество слов указывает на какой-либо предмет или явление действительности). Конечно, помимо этих признаков основными признаками слова как лингвистической единицы являются целостность, изолируемость, номинативность, фразеологичность.

В одной из последних статей Л.В. Щербы отмечается следующее: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого следует, что понятие слова вообще не существует» [161, с. 90]. Другой языковед, А.И. Смирницкий, в своей статье «К вопросу о слове» утверждает, что «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловaя единица вообще языка» [160].

Исходя из вышесказанного, надо отметить, что правильное определение слова можно дать в том случае, когда в нем будут отражены все основные различительные признаки слова, достаточные для отграничения его от других лингвистических единиц. При объединении слов в группы, в

семантической структуре слов важным критерием служит наличие или отсутствие как сходных, так и дифференциальных признаков.

В.В. Виноградов отмечает, что лексическим значением слова является его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [44, с. 165]. Лексическое значение является основой семантической структуры слова. Для определения лексического значения слова необходимо, во-первых, выяснить его предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание; во-вторых, установить, как связана называемая словом реалья с теми, которые объективно существуют в окружающей действительности; в-третьих, выявить, как определяемое лексическое значение соотносится с другими значениями; в-четвертых, найти такой различительный признак, который позволил бы вычленить именно это лексическое значение из ряда подобных, утверждает В.В. Виноградов [45, с. 15].

Лексическое значение слова – историческое явление. Оно изменчиво, в нем содержится отражение тех существенных признаков, которые характерны для каждого периода развития лексики как наиболее открытого уровня языковой системы.

Таким образом, представляется правомерным отметить, что в современной лингвистике лексическое значение слова рассматривается как сложная многоуровневая структура, включающая в себя целый ряд составляющих: 1) вещественное содержание: денотативный и сигнификативный аспекты; 2) коннотативный аспект; 3) прагматический.

Как писал А. Лосев, слово «поднимает вещь в сознание», и таким образом рождается обобщённое понятие – «предмет вообще» [82, с. 127]. «Предмет вообще», или класс предметов, - это денотат. Денотат (лат. *denotatum* от *denotare* – обозначать, указывать) – это обобщенный образ названного предмета, это предмет-тип, под которым могут подразумеваться разные виды обозначенного предмета. Именно на денотативном подходе

основано выделение таких семантических классов слов (лексико – семантических и тематических групп), как названия животных, рыб, птиц и т.п.; термины родства, различных обрядов и т.п.; лексико – семантические группы. Употребляется также термин предметная отнесенность. Ср.: *Домашнее животное/хайвони хонагӣ*, где слово *животное/хайвон* может означать и *собаку/саг*, и *корову/гов*, и *курицу/мурғ*, и *овцу/гӯсфанд*. Обобщаются не только предметы, но и действия, причем степень обобщения может быть неодинаковой в разных языках, например, глаголы *ехать*, *идти* различающиеся в русском языке по способу передвижения, в таджикском языке не различаются, предстают обобщенно и обозначаются одним словом (глаголом) *рафтан*. Обобщая объекты в единый класс, слово выполняет дифференцирующую функцию.

Термины денотат и референт отличаются. Если денотат - это класс предметов, к каждому из которых потенциально приложимо данное слово, то референт - это конкретный предмет, называемый данным словом в данном конкретном высказывании. Например, в предложении - *Нельзя выгнать эту собаку/ин сагро рондан мумкин нест* слово *собака/саг* относится не к целому классу собак, а к конкретной собаке, которую в данном случае просят не выгонять и которая в данном высказывании является референтом слова *собака/саг*. Когда речь идет о собаке в целом или о собаках, а не об определенной собаке, то это же слово будет указывать на иные собаки, то есть на другие референты. Например, в предложении *Собака – это животное/саг ин хайвон аст* слово *собака/саг* употреблено нереперентно, то есть оно не относится к какой-либо определенной реально существующей собаке.

Денотату противопоставлен сигнификат как идеальное образование – материальному. Выражаемое словом понятие называется сигнификатом (обозначаемое). Слова могут соотноситься с одним и тем же денотатом, но выражать разные сигнификаты. Так, в качестве примера рассмотрим слова *палач* и *киллер*. Эти слова называют одну и ту же профессию, но по-разному

ее представляют. *Палач* как жестокая и бессердечная профессия, например: *Кутон, говорит Леногр, Кутон-диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Аттила, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем не повинных душ...* [Бунин. Жизнь Арсеньева], а *киллер* представляет собой профессию. Также, в качестве примера можно привести следующие таджикские слова: *ҷосус* (шпион) и *разведкакунанда* (разведчик), которые обозначают одну профессию, только *ҷосус* – чужой, а *разведкакунанда* – свой. Таким образом, эти слова, являясь синонимами по денотату, различаются по сигнификату, то есть с понятийной стороны. Таких примеров, то есть такая синонимия по денотату с расхождением сигнификатов наглядна и во многих словосочетаниях. Например: *без пятнадцати пять/понздахта кам панҷ* и *четыре сорок пять/чору чилу панҷ* называют одно и то же время, но представляют его по-разному, через разные понятия.

Кроме предметной отнесенности и понятийного содержания, со словом могут быть связаны некоторые устойчивые смысловые ассоциации, или коннотации (лат. *cum - con* – вместе, *c + notare* – отмечать, обозначать (букв. со-значения)). Коннотация – 1. (добавочное значение, окраска, окрашенность) дополнительное содержание слова консеквативный (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.; 2. Значение как инвариант (сигнификация, интенциональное значение и т. п.) в противопоставлении денотации, мыслимой как экстенциональное значение, соотнесение с данным референтом и т.д. [110, с. 198]. Следует отличать денотацию и коннотацию, термины, описывающие отношения между знаком и его референтом. Денотация используется как определенное или «буквальное» значение знака, коннотация указывает на его социокультурные и персональные

ассоциации (идеологические, эмоциональные и т.д.). Например, в русском и таджикском языках слово *лиса/рубоҳ* ассоциируется с хитростью (*ҳилагар, фиребгар*), а слово *лакей/косалес* с услужливостью (*хушомадгуй*) и т.д. *Свинья/хуқ* ассоциируется с грязью, что проявляется в переносном употреблении этого слова, а также в производных словах: *свинство (чиркини), свиный (ифлос), по-свински, просторечное свинячить* и т.д. Надо иметь в виду, что коннотации связаны именно со словами, а не с обозначаемыми предметами.

Вслед за Е.Л. Григоряном, можно отметить, что русские слова *осёл* и *ишак*, которые обозначают одно и то же животное, имеют разные коннотации: с *ослом* ассоциируется глупость и упрямство (ср. переносное значение слова *осел*), а с *ишаком* – способный много работать (ср. *ишачить*). Надо отметить, что в таджикском языке эти слова обозначаются одним словом - *хар*, которое в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (Словарь таджикского языка) под редакцией М.Ш. Шукурова имеет следующие значения: 1. Чорпои боркаш (четвероногое животное, которое способно много работать). 2. Аҳмақ, аблаҳ (о глупом человеке). 3. Дар қисми аввали калимаҳои мураккаб омада маънии калон, дағал, дурушт ва зиштро ифода мекунад, мас. 'хармуш - муши калон' (в начале сложных слов дает значение большой или грубость, например: хармуш – большой мыш); 4. Он пахлуи камбари бучул, ки нисбатан хамвор буда, дар бучулбозӣ нисбат ба дигар пахлуи камбар, ки асп ном дорад, бурдӣ камтаре меорад. [139, с. 463]. Однако в таджикском языке есть выражение *хар барин кор кардан* (дословно - *работать как осёл*), значение которого близко к значению русской зоолексемой *ишак* (ишачить). Слово *хар* в этом выражении ассоциируется с человеком и выражается в сочетании с другими словами.

Коннотации одного слова в разных языках (особенно в сопоставляемых нами языках) могут быть одинаковыми: например, слово *лиса/рубоҳ* в русском и таджикском языках и во многих европейских языках имеет одну коннотацию. Но могут быть и неодинаковыми (различными):

например, коннотация слова слон в русском языке - «неуклюжесть», а в санскрите - «грациозность», или слово *змея/мор* в русском и таджикском языках ассоциируется с коварством и злобой (ср. *Не человек – змея!*), а в китайском языке слово *змея* ассоциируется с красотой, если сравнить женщину со змеей значит указать на ее красоту. В разных языках сходные коннотации могут связываться со словами с разными лексическими значениями. Например, в русском и таджикском языках *лиса/рӯбоҳ* ассоциируется с хитростью, а в болгарском языке те же коннотации связываются с волком.

Если коннотации одного слова - *лиса/рӯбоҳ* в сопоставляемых языках одинаковый, то со словом *волк/гург* имеет разные коннотации в русском и таджикском языке. Слово *волк* ассоциируется с жадностью, а в таджикском языке слово *гург* ассоциируется с шустростью, т.е. у этого слова отмечается разные коннотации.

Каждому народу свойственно своя культура и менталитет, которая определяет мировидение того или иного народа. Каждый народ по своему видит мир (предмет) и оценивает его. На один и тот же предмет отмечается разные понимания, т.е. разные мировоззрения.

Единицы языка связаны между собой и зависят друг от друга. Они образуют систему - множество элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом. Такие отношения единиц, лежащие в основе категории многозначности, синонимии, антонимии, конверсии, семантического поля, буквально пронизывают лексику русского и таджикского языков, организуя их как систему.

Однако как в русском, так и в таджикском языке системность лексики проявляется не только в том, что ее единицы могут быть распределены по семантическим полям, категориальным классам, оппозициям типа исконное - заимствованное, активное - пассивное, общеупотребительное - ограниченное, нейтральное - стилистически маркированное и т. п., но и в самом характере употребления лексических единиц, где есть свои закономерности.

Говоря о языке, как о системе Фердинанд де Соссюр отмечал в ней две особенности: 1) то, что все члены системы находятся в равновесии; 2) система является замкнутой по своей сути. Он также утверждал, что в системе «все взаимосвязано, взаимозависимо и взаимно обусловлено» [113, с. 157]. Язык существует, как система подсистем. В системе каждый элемент имеет свое место. Системная организация наблюдается на всех уровнях языка, но лексическая система устроена иначе, чем фонологическая и морфологическая, и обнаружить ее не так просто. Если в любом языке набор фонем относительно невелик (не более 80) и набор грамматических показателей также ограничен, то лексический состав языка полностью не известен никому: ни один носитель языка не владеет его словарным запасом в полном объеме. В отличие от фонологии и грамматики, лексика быстро меняется. Говоря о лексике нельзя забывать, о том, что это самая подвижная часть языка. Это подтверждается тем, что любой человек в своей жизни может стать свидетелем появления и исчезновения слов. Однако нельзя считать, что каждое из таких изменений перестраивает всю лексическую систему.

Лексическая система представляет собой множество подсистем, то есть более мелких систем, объединяющих группы слов, связанных по значению.

Рассмотрим далее основные типы подсистем и связанных с ними внутрисистемных отношений в лексике.

Системность в первую очередь проявляется в иерархических и парадигматических отношениях. Иерархические отношения – это отношения более простой языковой единицы с более сложной. Иерархические отношения между единицами языка позволяют говорить о наличии в системе языка нескольких уровней. Исходя из единиц, на которые можно членить язык, выделяют следующие уровни: фонемный, морфемный, уровень слова, уровень словосочетания и уровень предложения.

Синтагматические отношения связаны с линейностью речи, последовательностью появления во времени элементов (единиц) в речевой цепи. Она в соответствии с установленными уровнями может быть членами предложения, словосочетания, слова, морфемы или фонемы. Если иерархические отношения связывают единицы разных уровней, то синтагматические и парадигматические отношения существуют между единицами одного уровня.

Парадигматические отношения - это отношения по вертикали, возникающие между противопоставленными языковыми единицами - членами вертикальных рядов. Каждая парадигма позволяет выделить общие и дифференциальные семантические признаки входящих в нее языковых единиц. Парадигматические отношения между словами, зависят от отношений, существующих между явлениями действительности [158, с. 189].

Парадигматические классификации лексики осуществляются путем выделения в значениях слов тождественных и дифференциальных компонентов.

По этому принципу задаются основные классы предикатов с инвариантными значениями действия, состояния и отношения [22, с. 51].

Парадигматические отношения проявляются в таких явлениях как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия.

В семантической системе русского и таджикского языков значения превосходят слова. Другими словами большинство слов являются многозначными. Простой пример – слово *мышь/муш*. В сопоставляемых языках эти слова имеют более одного значения и их значения совпадают. С одной стороны *мышь/муш* это животное - небольшое млекопитающее отряда грызунов, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, а с другой стороны *мышь* – это устройство, позволяющее вводить команды в компьютер помимо клавиатуры. Это слово имеет и третье значение - название года в восточном двенадцатилетнем календаре, предполагающем соответствие каждому году тотемического животного. Такие слова называют многозначными

(полисемичными), а явление – полисемией. Полисемия – это наличия у слова более одного значения или это способность слова обозначать разные предметы, и является действительности. Многозначность - наличие у единицы языка более одного значения - двух или нескольких [79, с. 427]; ср. *слон* - 1. Крупнейшее млекопитающее с длинным хоботом, двумя бивнями и очень толстой кожей. 2. О высоком и толстом человеке. 3. Название шахматной фигуры, передвигающейся на любое число клеток по диагонали, иначе – офицер [128, с. 227]. *Вожак*; 1. Тот, кто водит за собой кого-н. 2. Животное, идущее впереди стада, указывающее ему дорогу. 3. Руководитель [128, с. 152]. Таджикское слово *гамбуск* также является многозначным. Это слово в Толковом словаре таджикского языка (Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ) под редакцией Сйфиддина Назарзода имеет следующие значения: 1. Номи калонтарин гурӯхи ҳашароти маъруф аст. 2. Киноя аз одами мисли гамбуск зишти зараррасони дар гирди чизе чамъшуда ва ба он часпида гирифта [140, с. 297]. Или другое таджикское слово *сирка* тоже является многозначным: 1. Бузи куҳи. 2. Бузе, ки пеш пеши рама рохро нишон медиҳад» [140, с. 249].

От многозначных слов, т.е. слов, которые в различных контекстах имеют различные значения, принято отграничивать слова-омонимы. Омонимы (равнозвучащие слова) - две (или более) разные языковые единицы, совпавшие по звучанию (т. е. в плане выражения) [110, с. 274]. В отличие от значений многозначных слов отношения омонимов являются нерегулярными, изолированными, непропорциональными и непредсказуемыми, например, *рак/харчанг* - животное и *рак/саратон* - болезнь или *ласка/миримушон* - животное и *ласка/навозиш* - проявление нежности. В таджикском языке можно отметить следующие слова-омонимы: *майна/индийский скворец* - животное и *майна/мозг* - центральный отдел нервной системы животных и человека, или *маймун/обезьяна* – животное и *маймун/благополучный* – счастливый, благословенный [140, с. 746] и т.д.

Как в русском, так и в таджикском языке омонимы появляются вследствие разных причин. Во-первых, в связи с пополнением словарного состава языка заимствованиями из других языков, например, *скат* - откос, пологий спуск и *скат* - хищная, морская рыба, из исландского языка, *тур* - часть какого-либо состязания, из французского языка, *тур* - дикий бык, или *такса* - собака, из немецкого языка и *такса* - тариф, из латинского языка через польский язык и т. д. В таджикском языке *ток* - токи ангур и *ток* - токи электрик, из русского языка. Во-вторых, в связи со звуковыми процессами, с изменениями в фонетической системе языков, например, *рысь* - рысь лошади и *рысь* - хищная кошка. Так появились слова-омонимы *бар* - бари хона (рядом с домом) и *бар* - от глагола бурдан (везти, возить) в таджикском языке. В-третьих, омонимы могут быть следствием распада многозначного слова, например, *лист* - дерева и *лист* - бумаги. В таджикском языке присутствуют такие слова-омонимы, которые появились в результате перехода диалектных слов в общенародный словарный состав языка. Примером омонимов такого происхождения могут быть слова *дарак* – хабар (весть), овоза и *дарак* - кӯраи металгӯдозӣ (плавильная печь) и т. д.

Омоформами являются в отличие от омонимов слова как одного и того же, так и разных грамматических классов, совпадающие между собой в звучании всего лишь в отдельных формах [154, с. 43]. Так, слово *стих* – стихотворение и *стих* от стихать или же слова *три*, *трём* – числительные и *три*, *трём* – формы от глагола *тереть* и т.д. А в таджикском языке можно отметить следующие слова-омоформы: *хар/осёл* – животное как существительное и *хар/покупать* – глагол (от глагола харидан) или же слова *гӯй* - мяч для игры в конное поло, как существительное и *гӯй* как глагол (от глагола гуфтан) и т.д.

К омонимам и омоформам примыкают омофоны, представляющие собой слова и формы разного значения, которые произносятся также одинаково, но изображаются на письме по-разному [154, с. 44]. Омофоны могут быть как омонимного характера (*костный*

– *косный, компания – кампания* и т. п.), так и омоформного (*плот – плод, везти – вести* и т.п.). В таджикском языке слова *баррагов* и *баррагов*, *дотор* и *ду тор*, *тӯб* и *тӯп* можно отметить как слова-омофоны. Слова *тӯб* и *тӯп* произносятся одинокого (как *тӯп*) и что самое важное, в таджикском языке в отличие от русского языка редко звонкие согласные оглушаются в конце слов.

От омонимов, омоформ и омофонов, представляющих собой разные по значению, но одинаково звучащие слова и формы, следует отличать омографы – слова и формы, разные по значению, но одинаково изображаемые на письме, например: *мукá* – *мúка*, *мою́* – *мо́ю* и др. Примерами из таджикского языка могут быть слова *сӯзон* (коғазро сӯзон, глагол) и *сӯзон* (офтоби сӯзон, прилагательное).

Слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи называются паронимы [110, с. 300]. Например, паронимы-названия животных: *мамурач* (карач.) «медвежонок» - *мамучар* (уст.) «волкодав»; *тайпа* «большой жеребенок» - *тайпан* «молодой конь»; *тайпан* «молодой конь» - *тарпан* «дикая лошадь». И в русском, и в таджикском языках среди паронимов значительное место занимают существительные. Например, в русском языке слова *ящер* – *ящур*, в таджикском языке слова *саг* – *санг*, *асп* – *аст* и т. п.

Синонимы (равнозначные слова, равнозначные слова) - те члены тематической группы (ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю), которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств [110, с. 396]. Называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному – или, выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или

характеризуя эту вещь с различных точек зрения [154, с. 52]. В русском языке примером синонимов среди терминов, обозначающих животных могут служить слова *конь – лошадь, осёл – ишак* и т.д., а в таджикском языке слова *андалеб – булбул - ҳазордастон, мурғ – мукиён, ғажгов - қутос* и т.д. Как правило, синонимы относятся к одной и той же части речи и обычно заменяют элементы высказывания. Синонимия (синонимика) – это совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т.д. [110, с. 397]. Другими словами, синонимия – способность языка выражать одно и то же содержание разными средствами – проявляется на лексико-семантическом уровне в том, что язык располагает большим количеством слов, тождественных или близких по значению.

Синонимические ряды в исследуемых языках могут быть образованы как из однокорневых, так и из разнокоренных слов. Например, в русском языке слова *волчица – волчиха* образованы от одного корня «волч» с помощью разных суффиксов. Слово *волчица* с помощью суффикса *-иц*, а слово *волчиха* с помощью суффикса *-их*. В таджикском языке подобными примерами могут быть слова *бузича – бузгола*. Эти слова образованы от одного корня «буз». Слово *бузича* образован способом прибавления суффикса *-ича* к корню, а слово *бузгола* с помощью суффиксов *-го* и *-ла*. Примером разнокоренных синонимов могут быть такие русские слова, как *собака – сука – гончая, агнец – ягнёнок* и т.п. Слова *гӯсфанд – тагал – қушқор, маймун – бузина – ҳамдуна, курра – хутик – той (тойча)* могут служить примером разнокоренных синонимов таджикского языка и т.д.

В синонимический ряд вместе со словами могут объединяться так же словосочетания разных типов. Например, в русском языке *зоолексемы – названия животных*, в таджикском языке *ҷамал – шутури нар, калгов – гови кал* и т.п.

Синонимы различаются способностью вступать в сочетания с другими словами, способностью к словопроизводству и образованию форм субъективной оценки.

Основываясь на различиях в семантике и стилистической окраске, можно выделить три наиболее общих разряда синонимов: 1. Синонимы семантические: *конь - лошадь; кабу́тар – кафтар, қуббара – худхуд – шонасарак – сўфитургай – чаковак*; 2. Синонимы стилистические: *петух – кочет; каргас – лошахӯр*; 3. Синонимы семантико-стилистические: *собака – псица – сука – сучка; хар – маркаб – модахар – моча – мочахар* и т.д.

Некоторые языковеды относят к разновидностям синонимов так называемые эвфемизмы. Эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими [158, с. 199]. Например, *не сочиняйте* вместо *не врите*, в таджикском языке *фалони аз дунё чашим пушид* вместо *фалони мурд* и др.

В лексической системе современного русского и таджикского языков многие слова связаны между собой не только синонимическими отношениями, но и антонимическими. В этом случае слова объединяются друг с другом по противоположным значениям, которые для них характерны, в замкнутые пары. Например, *самка - самец, нарина – модина* и т. д.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дано такое толкование антонимы: 1. Слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. 2. Слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (русск. брат - сестра), как обозначающие противоположно направленное действие (русск. уходить - приходиться) и т.п. [110, с. 47].

Антонимия в языке представлена уже, чем синонимия: в антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-либо признаку - качественному, количественному, временному, пространственному - и принадлежащие к одной и той же категории

объективной действительности как взаимоисключающие понятия: *домашние - дикие* (о животных), *хонагӣ – ваҳшӣ* (хайвонот). Слова иных значений обычно не имеют антонимов; ср.: *птица, рыба, собака* и т.д. Большинство антонимов характеризуют качество. Существуют и такие антонимы, которые указывают на пространственные и временные отношения (*детёныш - взрослый*); меньше антонимических пар с количественным значением.

Добавление приставок *не-, без-*, чаще всего придают словам значение лишь ослабленной противоположности (*молодой – немолодой*), так что контрастность их значения в сравнении с бесприставочными антонимами оказывается «приглушенной». Поэтому к антонимам в строгом значении этого термина можно отнести далеко не все приставочные образования, а только те, которые являются крайними членами антонимической парадигмы.

Антонимы, обычно составляют в языке парную корреляцию. Однако это не значит, что то или иное слово может иметь один антоним. Ср.: *домашний – дикий – зверь, хонагӣ – ваҳшӣ – дарранда*.

Гипонимия, то есть отношение какого-либо значения как видового к другому, родовому. Например, в русском языке слова *утка, гусь, цесарка, фазан, голубь, павлин, попугай* являются гипонимами к слову *птица*, которое по отношению к ним является гиперонимом, то есть родовым названием. Слово *птица* в русском языке является гипонимом к слову *животное* и слово *паранда* в таджикском языке является гипонимом к слову *хайвон*.

В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева отмечается, что гипероним – слово с более широким значением (объемом понятия) по отношению к слову с менее широким значением. Например, таджикское слово *паранда* является гиперонимом по отношению к словам *мурғоби, қоз, кабутар, товус, тўтӣ*, эти слова являются гипонимами к слову *паранда*.

Гипо-гиперонимические отношения отличаются в разных языках и в пределах одного языка. Они исторически изменчивые. Согласно М.В. Никитину, гипо-гиперонимические отношения рассматриваются как иерархическая организация элементов семантического поля, основанная на

родо-видовых отношениях, как тип семантических отношений, связывающих лексемы с более конкретным и более общим значением, представляющих собой включение семантически однородных единиц в соответствующий класс наименований и базирующихся на отношении несовместимости - свойстве семантически однородных языковых единиц.

Известно, что в языках появляются, заимствуются новые слова и с развитием языка формируются новые родовые понятия, и таким образом достраиваются гипо-гиперонимические отношения. Примером может служить появление в русском языке в XVIII веке родовое название *мебель*, которое становится гиперонимом для слов *стол, кровать, диван* и т.д., позднее появляются названия *головной убор* (как гипероним слов *шляпа, шапка, кепка, берет* и др.); *торговая точка* (как гипероним слов *магазин, лоток, ларек* и т.д.).

Лексическая сочетаемость. Можно говорить о том, что в языке не все слова сочетаются друг с другом, даже если смыслы этих слов совместимы, иными словами не каждое слово языка может сочетаться с любым другим словом. Строго ограничена сочетаемость некоторых слов. Например, по-русски говорят *дождь идет, снег идет*, если перевести эти словосочетания, то они буквально переводятся так: *борон омада истодааст, барф омада истодааст*. Когда идет дождь или снег на таджикском языке говорят *борон борида истодааст (дождь идет)* или *барф борида истодааст (снег идет)*. Следовательно, отмечается отсутствие сочетаний слов *борон/барф* с глаголом *омадан (идти)* в таджикском языке.

Ограничение сочетаний слов в исследуемых языках отмечается и среди зоологизмов. Например, русское слово *вороной* сочетается только со словами, обозначающими лошадей; в русском языке невозможны сочетания типа *воронья кошка* или *воронья курица*. Допустимо сочетание *карие глаза*, но не *карие ресницы* или *карие птицы*, даже если они подходящего цвета; также возможно сочетание *стая птиц* или *стая волков*, но не *стая коз* и т.д.

В таджикском языке допустимо сочетания *як села паранда*, но нельзя сочетания *як села гӯсфанд*, также не допустимо сочетания *селаи гургон*. Слово *села* может сочетаться со словами *гунҷишк*, *зоғ*, *кабутар* и т.д., например, *селаи гунҷишкон*, *селаи зогон*, *селаи кабутарон* и т.п. Следовательно, таджикское слово *села* сочетается только со словами, которые обозначают птиц. В «Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка, далее ФТЗТ) под редакцией С. Назарзода данное слово - *села* имеет значение «гурӯхи парандагон», которое на русском языке переводится как *группа птиц*. Если хотим сказать *стая волков*, то в таджикском языке используем сочетание *тӯдаи гургон*. В Словаре таджикского языка под редакцией М.Ш. Шукурова слово *села* имеет такие синонимы, как *рама*, *галаи чорпоён*. Эти слова (*рама*, *гала*) используются со словами, обозначающими четвероногих животных, скотов, но не сочетаются с зоолексемами, обозначающими птиц.

Отметим, что таджикское слово *села* является однозначным словом, при этом используется только со словами, обозначающими птиц. Русское слово *стая* имеет и прямое, и переносное значение. В отличие от таджикского языка (слово *села* + только с названиями птиц), прямое значение этого слова – «группа мелких животных одного вида (обычно рыб, птиц, собак и т.п.) держащихся вместе» [25, с. 808], сочетается не только со словами, которые обозначают птиц, но и с другими словами, называющими представителей животного мира: *стая голубей*, *рыбья стая* и т.п. В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова переносное значение слово *стая* – «группа»: *Заунывный ветер гонит стаю туч на край небес...* [Некрасов. Перед дождем].

Таким образом, на основе вышесказанного можно утверждать о несходстве объемов лексического значения в русском и таджикском языках и различий в сочетательных возможностях слов.

Лакуны, то есть лексические пробелы. При изучении и сопоставлении языков можно заметить, что часто для слов одного языка не

обнаруживается соответствия в другом языке, то есть то, что имеет название в одном языке, может никак не называться в другом. Среди зоологизмов русского и таджикского языков есть много не только схожего, но и наблюдаются существенные различия. Эти различия называются лексическими лакунами (лат. *lacuna* – пробел, пропуск, пустота) и появляются в результате отсутствия эквивалента в виде слова слову другого языка.

Типология лакун и способы их элиминирования разрабатываются такими современными учеными, как Г.В. Быкова, Е.М. Верещагин, С.Г. Тер-Минасова и многими другими. В их трудах по-новому осмысливается одна из сложнейших фундаментальных проблем современного языкознания: соотношение языка и мышления – и делается вывод о том, что нет жёсткой связи между понятием и языковой формой его выражения, как считалось ранее. «Понятие не всегда вербализуется, оно может существовать и имплицитно в национальной культурной картине мира, но язык способен описать все» [120, с. 48]. В этой связи, изучение расхождений национальных лингвокультурных систем и способов преодоления подобных расхождений является приоритетным направлением в теории лакунарности.

«Одно и то же понятие, один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках – более полные или менее полные. Слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные кусочки реальности. Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык» [120, с. 44].

Несовпадения слов в языках различными авторами обозначаются в разных терминах, например, «безэквивалентная лексика» (Бархударов, Верещагин, Костомаров), «антислова» (Ю. Степанов), «темные места»

(Будаков). Для обозначения расхождений или пробелов, которые имеют место в языках, мы вслед за Степановым используем термин «лакуна».

В самом общем понимании лакуна - это несовпадение, которое возникает при сопоставлении двух или нескольких языков. Лакуны являются ощутимым препятствием взаимопонимания носителей разных языков.

Отдельные русские слова со значением «животный мир» не имеют соответствующих лексем в таджикском языке, и наоборот. В русском языке отсутствуют слова, соответствующие таджикским словам *хачир*, *тайлоқ*, *симурғ* и т.д. Такие русские слова, как *рогач*, *пеликан*, *рысак* и т.п. не имеют соответствующих лексем в таджикском языке.

Лакунами для русского языка являются такие таджикские слова со значением «животный мир», как *тагал*, *тайлоқ* и др. Такие слова из одного языка на другой могут быть переданы при помощи словосочетаний или описательно: *тагал* – не кастрированный баран с закрученными рогами, *тайлоқ* - молодая, ещё ни разу не телившаяся корова. Представляется правомерным также привести примеры из русского языка, которые передаются в таджикском языке таким же способом. Например: *пеликан* – мурғи саққо, *козерог* – бузи кухӣ, *рысак* – аспи резачорпо и т.д.

Материал нашего исследования показывает, что многие слова, обозначающие животных, обитающих в воде/на воде, особенно в океане или море, не имеют соответствий в таджикском языке. На наш взгляд, причиной данной проблемы является то, что на территории Таджикистана очень мало мест, где могут обитать водные животные (рыбы) и соответственно некоторые из зоологизмов не имеют своего названия в таджикском языке. Существует не мало слов, которые так же объясняются через толкование, и не имеют определенного перевода (эквивалента). Примерами подобных слов со значением «животный мир» могут быть такие слова, как *единорог*, *нарвал*, *ёриш*, *лоцман*, *налим*, *линь*, *краснопёрка* и т.д. Слово *единорог* в «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.С. Осими имеет такое толкование:

«ҳайвони нодири баҳрӣ аз чинси делфин, ки дар фукаш як шох дорад» [106, с. 248]. *Нарвал* - «ҳайвони баҳрӣ аз оилаи делфинҳо» [106, с. 532].

Кроме того, есть такие русские слова со значением животных, обитающих в воде/на воде, которые не отмечаются в (русско-таджикских) словарях. К таким словам относятся такие зоологизмы, как *снеток* и *паляя*, которые не имеют перевода и толкования в таджикском языке. Слово *снеток* в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова имеет значение «небольшая рыбка, водящаяся в северной Европе, озерная корюшка», слово *паляя* обозначает «пресноводная рыба из рода лососей» [128, с. 79].

В русском языке есть такие зоолексемы, которые обозначают морских животных, и не имеют перевода и толкования в таджикском языке. Например, слово *мирон* - «речная рыба из семейств карповых, водящая на юге России» [25, с. 1048].

Надо отметить, что лакуны, будучи национально-специфичными, в наибольшей степени отражают особенности менталитета. Лакуны зоонимического фонда указывают на несовпадения, расхождения в системе понятий, которым владеют представители различных языков.

Сопоставление лексикологии разных языков имеет целью выявление путей пересечения или расхождения лексических явлений. Сопоставление может касаться любых аспектов лексики. Сопоставляться могут и отдельные слова, и группы слов (или полей). Больше значение имеет сопоставление групп слов, например, названия животных (зоологизмов), терминов родства и др., которые способны показать, как по-разному в языках членится поле обозначения (объективная реальность), какие аспекты объектов фиксируются в значениях слов разными языками. Большой интерес для сопоставительной лексикологии представляет сопоставление функционирования в двух языках широких лексикологических категорий: синонимии, антонимии, видов полисемии, соотношения в значении слов общего и частного, логического и эмоционального и т.п.

Как показывают наши наблюдения, в лексике русского и таджикского языков обнаруживается много общего. Например, на материале нашего исследования много схожего встречаются в лексикологических категориях (синонимии, антонимии, полисемии) этих языков, в лексической сочетаемости и во многом другом. Но, следует также отметить несовпадения, отсутствие эквивалента у некоторых слов-зоологизмов, которые не имеют перевода или толкования в том или ином языке. Также, в исследуемых нами языках отмечаются слова, которые сочетаются не со всеми словами. Несовпадение отмечалось среди слов, которые, в одном языке используются только с отдельно взятым видом животных (*селаи парандагон*), а в другом языке не только с разными видами животных (*стая волков*), но и с другими словами (*стая галок, стая мальчишек, ребячья стая*). Необходимо отметить, что у некоторых слов не совпадает количество значений, в одном языке имеют и прямое, и переносное значение (*стая*), а в другом языке наоборот, только одно значение (*села*).

1.2. Понятие о семантическом поле

Одним из важных направлений исследования лексической системы языка является подробное описание отдельных семантических полей. В языкознании основоположником идеи исследования лексики по семантическим полям является Й. Трир, но в лингвистике данный термин впервые был введен Г. Ибсенем, который определял поле как совокупность слов, обладающих общим значением. Следует отметить, что Й. Трир под понятийным семантическим полем понимает структуру определенной сферы или круга понятий, он также отмечает, что понятийному полю соответствует в языке лексическое поле, которое вычленяется из словарного состава, будучи соотношенным с каким-либо понятийным полем.

Семантическое поле - это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением [15, с. 233]. В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (далее БСЭЯ) дается такое определение поля: «поле – совокупность языковых (главным

образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [27, с. 380].

«Семантическое (словесное) поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых различительных признаков», утверждает Э. Косериу [69, с. 95].

По словам Городецкого, «семантическое поле - это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями. Для сигнификативного слоя упомянутое сходство трактуется как связь с некоторым (одним и тем же) набором понятий, для денотативного слоя - как связь с одним и тем же набором объектов внешнего мира, для экспрессивного слоя - как связь с одним и тем же набором условий речевого общения, для синтаксического слоя - как связь с одним и тем же набором синтаксических отношений между частями речевых отрезков. Таким образом, в каждом семантическом слое имеются семантические поля» [55, с. 173].

Г.С. Щур определяет понятие «поле» как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [163, с. 135]. Основным составным элементом лексико-семантического поля являются лексико-семантические группы слов. Согласно Л.М. Васильеву «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [34, с. 100].

И.В. Сентенберг утверждает следующее: «в лексико-семантической системе языка вычленяются следующие основные типы лексико-

семантических парадигм, находящихся в семантических отношениях иерархии: 1 – лексико-семантические поля; 2 - лексико-семантические группы; 3 - тематические ряды (лексико-семантические подгруппы); 4 - многозначные слова, синонимические ряды, антонимические ряды, конверсивы» [108].

Единицей семантического поля является чаще всего лексико-семантический вариант слова (далее ЛСВ). Элементарным семантическим полем является лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) - относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой. Например, семантическое поле 'животный' как класс наименований делится на ряд подклассов: «части тела животного», «внешность животного», «органы чувств животного» и т. д. В каждом из таких подклассов можно выделить более элементарные микрополя – лексико-семантические группы, например: *детёныш/бача, взрослый/калон, дикий/вахий, домашний/хонагй* и др.

В словаре «Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография» под редакцией Т.В. Жеребило дано такое определение ЛСГ – это обширная организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений [60, с. 159]. Например, базовый семантический компонент ЛСГ «животные» включает в смысловую сферу следующие гиперсемы: а) птицы; б) рыбы; в) насекомые и т.д.

Особенности ЛСГ заключается в следующем: 1) она состоит из нескольких гиперо-гипонимических парадигм; 2) интегральная и дифференциальные семы противопоставлены; 3) в состав ЛСГ могут входить различные по семантике парадигмы: а) синонимические; б) антонимические; в) тематические парадигмы и т.д.

Также, ЛСГ обладает следующими признаками: 1) представляет собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим

значениям; 2) складывается исторически, т.е. она динамична по сути; 3) близка к тематической группе, но существенно отличается от неё.

Лексико-семантические группы, объединяют слова, связанные по значению, то есть относящиеся к одной предметной или понятийной области. Согласно Л.М. Васильеву, термином «лексико-семантическая группа» можно обозначить любой семантический класс слов, объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем [34]. Примерами таких групп могут быть названия животных, названия овощей, термины родства, глаголы движения и т.д.

Обычно в лингвистике сравнивают отдельные подсистемы (поля) в разных языках, а не отдельные слова и не лексические системы в целом. В семантике, то есть в исследовании значений также используется термин поле. В лексикологии полем называется любая группировка слов, связанных по значению. Всякое слово, является элементом нескольких подсистем. К примеру, слово *овца* может рассматриваться как элемент подсистемы, куда также входят слова *баран, ягненок, отара, бляеть* и т.п.; это же слово является элементом другой подсистемы – «названия самок животных», наряду со словами *корова, медведица, слониха*, и т.д.; это же слово входит в ЛСГ «домашние животные». Также в таджикском языке можно выделить слова, которые являются элементом многих подсистем. Например, слово *буз (модабуз)* может рассматриваться как элемент подсистемы, куда входят слова *така, серка, бузгола* и т. д.; данное слово также является элементом другой подсистемы – «названия самок животных», куда входят слова *модахирс, байтал, модахук* и т.п.; это же слово входит в ЛСГ «домашние животные».

Лексические единицы входят в семантические поля на основании того, что у них есть общая, объединяющая их сема. Например, *звери/даррандаҳо, птицы/парандаҳо, рыбы/моҳиҳо* и т.п. – входят в семантическое поле названий животных. Их объединяемая сема является то, что они животные. В зависимости от научных целей и задач исследования,

объемы поля могут быть более широкими или наоборот более узкими, и что самое важное, одни и те же слова могут попасть в разные группы.

Довольно часто в составе лексико-семантических группах осуществляются родовидовые связи денотатов. Например, в русском языке *собака – борзая, пудель, гончая* и т.д., а в таджикском языке *асп – айгур, този, юрга, бидав* и т.д. Компоненты лексико-семантических групп могут быть связаны как целое и его часть. Например, *лицо – нос, щека, глаза*.

Согласно Д.Н. Шмелеву, группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря, многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами. В его работах также указывается на факт неоднородности совокупностей лексем. «Внеязыковые» моменты во многом оказываются тесно переплетенными с «собственно языковыми» и «изолированное рассмотрение последних по существу и невозможно», утверждает он [159, с. 105].

Когда говорят «слова, близкие по семантике», то надо иметь в виду, что в сравниваемых словах обязательно отмечаются одинаковые семы, которые называют интегральными. Говоря об интегрирующих свойствах, необходимо вспомнить о том, что во всякой группе, помимо архисемы поля, есть и инвариантная сема, которая дает название всей группе. Нельзя забывать о том, что наряду с интегрирующей семой есть дифференциальная сема, которая обозначает конкретные дифференциальные признаки сравниваемых слов. По словам Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельса, «достоинство анализа по семам состоит в том, что он дает возможность четко и полно представить весь объем значения и смысловую структуру языковых единиц, и установить смысловые связи между разными значениями одной единицы, а также между разными единицами» [57, с. 2].

И в русском, и в таджикском языке возникновение или развитие каждого семантического поля обусловлено, как собственно языковыми, так и

экстралингвистическими факторами. В исследуемых языках одно из доказательств системной организации лексики - это возможность распределения ее по семантическим полям.

Собранный нами материал исследования «наименования животных» может быть разбит на поля и микрополя следующим образом:

1. Группы, которые выделены по характеру денотатов.
2. Группы, формируемые по лингвистическим признакам.

По денотативному аспекту названия животные делятся на следующие семантические группы: а) домашние и дикие животные; б) животные, обитающие на поверхности земли; в) птицы; г) животные, обитающие в воде/на воде; д) земноводные. По территории обитания выделяются такие подгруппы: лесные, болотные, полевые и т.д. Также можно выделить такие подгруппы как млекопитающие, пресмыкающиеся, грызуны и т.д. Таким образом, по денотативному признаку названия животных можно разбить на несколько группировок (их количество почти не ограничено).

Когда речь идет о лингвистических признаках зоонимов и зоологизмов, то их можно разделить по происхождению. В русском языке можно выделить следующие группы слов со значением названия «животный мир»: - общеславянские, - восточнославянские, - собственно русские и заимствованные наименования животных. В таджикском языке выделяют такие группы слов, как - собственно таджикские слова, - восточно-иранские (пашто, осетинский, памирские языки и др.), - западно-иранские (фарси, курдский, белуджский и др.), - заимствованные.

Чтобы выявить дифференциальные семантические признаки исследуемых слов надо использовать их словарные толкования. Разбиение зоологизмов служит для того, чтобы определить дифференциальные элементы, по характеру которых выделяются подгруппы в общей группе. Разделение слов со значением «животный мир» на домашнее и дикие животные является правильным, и оно позволяет установить дифференциальные семантические признаки домашнего и дикого животного.

Надо отметить, что интегральным признаком домашнего и дикого животного является то, что они животные, а дифференциальным признаком данных слов является то, что одни домашние, а другие дикие. Домашнее животное – это прирученное животное и живет при доме [25, с. 961]. Домашние животные, виды животных, разводимые человеком [27, с. 1978]. Дикие животные – это не прирученные животные, живущие на воле в отличие от домашних [38, с. 398]. Другими словами, дикие животные – это животные, естественной средой существования которых является дикая природа.

Интегральной семой является сема «животное», дифференциальной семой является сема «дикое/домашнее». Инвариантные и дифференциальные признаки (пол, возраст, приплод) зоологизмов являются тем связующим началом, которое определенным образом организует лексические единицы данной ЛСГ. Например, названия *заяц/харгуйш*, *курица/мург*, *собака/саг*, *коза/буз*, *кот/гурба* объединяет то, что они выражают один и тот же признак понятия домашнего животного.

Семантический компонент «Домашнее животное» считается инвариантным компонентом в структуре ядерных слов этого поля, соотнося его с названиями других домашних животных: *лошадь – асп*, *осёл – хар* объединяет их по признаку того, что они обозначают понятие домашнего животного, различаясь разными отличительными семантическими признаками. Внутри каждой группы слова интегрируются по одному из присущих им дифференциальных признаков в целом однородных для названий всех домашних животных.

Следует отметить, что у большинства слов со значением «животный мир» имеется только три слова, объединенных по одному видовому признаку, например, *верблюды – верблюдица – верблюжонок* или *шер – модашер – шербача*, но есть зоологизмы, которые представлены более широко. Примером может служить «корова/гов». Ядерное положение в строении ЛСГ занимает лексема «корова/гов»; далее идет «букқа» - бык,

потом «наввас, навбаст, чавона» - бычок, затем есть слово ғуночин – «телка», затем «тайлок» - годовалая телка, затем «гусола» - теленок. Также, к более широко представленной группе относится «лошадь».

Говоря о домашних животных, можно выделить такие ЛСГ, как домашние птицы (*курица/мурғ, лебедь/мурғи қу, гусь/қоз, павлин/товус, утка/мурғобӣ* и т.д.), домашние млекопитающие (*собака/сағ, овца/гусфанд, кошка/гурба* и т.п.) и т.д. Когда разбиваются слова на более мелкие группировки: по признаку пола или возраста. Например: *осёл - ослиха - ослёнок, хар – модахар (мочахар) – курра, гусь – гусыня – гусёнок, қоз – кози мода - қозчуча, слон - слониха - слонёнок, фил – модафил - филбача* и т.д. В этом случае одно и то же слово может оказаться в разных группах. Например, по виду – в одной группе, по полу – в другой, по возрасту – в третьей. Это можно рассмотреть на примере слово *осёл/хар*. Это слово входит в группу животных, обитающих на поверхности земли, и когда речь идет о группе домашних животных, то данное слово можно отнести и в группу домашних животных. Это же слово входит в группу млекопитающих. Таким образом, слово *осёл/хар* может оказаться в разных ЛСГ.

И в русском, и в таджикском языке в ряду семантических подклассов широко представлена лексико-семантическая группа существительных, называющих птиц. К этой группе относятся следующие слова со значением «животный мир»: *соловей/булбул, орёл/уқоб, перепел/бедона, селезень/мурғоби нар, гусь/ғоз, вальдишнен/курпатак, колибри/колибри, марабу/бутимор, касатка/досак, куропатка/кабк, ласточка/фароштурук* и др. В исследуемых нами языках из данной ЛСГ лексема «гусь» входит не только в ЛСГ домашних животных, но и в ЛСГ диких животных, то есть еще раз подтверждение того, что одно слово может входить в разные ЛСГ.

Что касается ЛСГ животных, обитающих в воде/на воде, то данная группа занимает особое место в ряду семантических групп. В эту группу входят такие слова со значением «животный мир», как *акула/наҳанг,*

сельдь/шурмоҳӣ, губка/исфанч, кашалот/вол, кит/кит, омар/харчанги баҳрӣ, рак/саратон, рыба/моҳи, краб/харчанг и т.д.

Состав лексико-семантической группы существительных, называющих рыб формируется за счет названий рыб по родо-видовому признаку: *лещ/симмоҳӣ, плотва/чумчумамоҳӣ, уклейка/загорамоҳича, окунь/аломоҳӣ, щука/шуртан, сом/лаққамоҳӣ, вьюн/мормоҳӣ.*

Таким образом, метод поля самым лучшим образом отвечает пониманию языка как «продукта» сферы сознания этноса. Вследствие чего этот метод (поля) не снижает своей актуальности и в настоящее время, так как позволяет рассматривать лексику в свете концепции языковой картины мира. Такая плодотворность теории поля связана с тем, что в понятии «поле» лингвисты нашли ту структурную величину, в которой слово существует как член лексико-семантической системы.

Конечно, стоит акцентировать внимание и на том, что принцип выделения слов по семантическим полям давно уже подтверждал свою плодотворность в теории языкознания, и то, что данный принцип положен в основу учебных пособий и идеографических словарей не вызывает никакого сомнения. Поле определяет связи слов друг с другом, также задаёт определённый круг слов и их значений. Следовательно, поле как принцип образования группировки языковых компонентов даёт возможность представить лексический состав языка не как беспорядочное образование, а как налаженное составление, у которого существуют свои принципы и законы.

1.3. Иерархическая классификация слов со значением

«ЖИВОТНЫЕ»

В современном русском и таджикском языках зоолексика является одним из наиболее интересных и необходимых пластов словарного состава языка потому, что они включают в себя разнообразные семантические группы, обозначающие млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, насекомых, водоплавающих, земноводных и т.д. Зоолексика исследуемых языков

отличается многообразием и самобытностью, богатством семантических значений, активностью употребления. Слова со значением «животный мир» играют важную роль в обогащении словарного состава языка производными словами и при создании переносных значений слов.

Типично, что зоолексемы в разных языках вмещают разные качества. По И.В. Куражовой, это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что является собой сложный ассоциативно-психологический процесс, а также о различиях в ценностной картине мира различных этносов [68, с. 3]. На основе подобного подхода мы можем определить, какие зоологические лексические единицы используются в прямом или переносном значении при описании природы, артефактов и внешнего облика человека, его физических свойств и манеры поведения. С помощью зоолексем мы можем охарактеризовать также интеллектуальные и моральные качества человека, что связано с антропоцентричностью языка.

Животные населяют весь земной шар: сушу, озера, водоемы, моря и океаны. Соответственно и условия существования в них различаются.

Стоит отметить, что обычно вопрос о разграничении тематических групп (ТГ) и лексико-семантических групп (ЛСГ) стоит перед исследователем семантики.

В ТГ объединяются слова различных частей речи, связанные с определенной темой «безотносительно к тому, в каких отношениях находятся слова по их лексическим значениям» [141, с. 527]. Например, тема «животное» объединяет слова: *земноводные/обхокихо, птицы/парандахо, пресмыкающиеся/хазандахо* и т.п., то есть на основе внеязыковых параметров.

Лексико-семантическая группа - совокупность слов «одной части речи», объединенных «категориально-лексической семой» на основе собственно языковых критериев (парадигматических и синтагматических отношений) [78, с. 177]. Лингвисты отмечают, что в ЛСГ объединяются слова одной части речи, которые имеют общие, интегральные, семы и занимают в

предложении общие синтаксические позиции. Например, к ЛСГ «пресмыкающиеся» относятся существительные (*черепаха/сангунит, змея/мор, ящерица/калтакалос, крокодил/тимсох* и др.), у которых есть одна общая категориально-лексическая сема (далее КЛС) - 'животные, способ передвижения которых – ползание, пресмыкание по земле'. В отличие от ЛСГ, тематическая группа не имеет КЛС; слова в ТГ объединяются на основе экстралингвистических признаков. В одну ЛСГ объединяются ЛСВ с однородными, сопоставительными значениями. Многозначное слово разными своими значениями может входить в разные ЛСГ.

В сознании человека слова выступают в ассоциативные связи, в результате чего определяются разные тематические группы, семантические группы и семантические поля. В семантической полевой структуре раскрываются связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, выявляются особенности языкового сознания, его национальные черты.

В исследуемых нами языках при классификации слов в совокупности зоологизмы объединяются в различные тематические группы на основе «семантической общности» и с помощью логического отношения «род–вид». Чаще всего определяется общее значение той или иной группы близких слов - «значение более высокого уровня». Вокруг «слова-доминаты» располагаются некоторые группы (далее подгруппы) слов («тождественных или подобных»), организуя синонимические ряды [40, с. 274].

Выделить точные и ясно различимые границы между сферами употребления зоологизмов (зоонимов) зачастую не удается. Следовательно, существуют и такие слова со значением «животный мир», которые могут соотноситься с двумя или несколькими тематическими группами. К примеру, слово *гусь*, который может входить в разные тематические группы. Так, в значении «дикого гуся» относится к тематической группе диких птиц (животных), а в значении «домашнего гуся» может относиться к тематической группе домашних птиц (животных).

Иерархическая классификация это разделение каких-то объектов на более крупные группы, а каждую из этих групп - на более мелкие и т.д. Этот принцип классификации используется при разделении зоологизмов на группы. Такой принцип удобен тем, что позволяет быстро найти нужный объект среди сотен тысяч и миллионов других.

Как в русском, так и в таджикском языке названия животного мира можно классифицировать по семантическим и тематическим признакам. Этот экстралингвистический признак дает основание для выделения следующих тематических классов слов: 1) названия животных, обитающих на поверхности земли: *кот/гурба, лошадь/асп, козёл/буз, осёл/хар, заяц/харгӯш, баран/гӯсфанд, бык/буққа, кошка/пишак, монс/саги хонагӣ, черепаха/сангпушт, дикобраз/чайра, кабан/нархук, козерог/бузи кӯҳӣ, слон/фил, жираф/заррофа, обезьяна/маймун, суслик/юрмон, мышь/муш, мураш/мурча, оса/ору, анаконда/анаконда, муравей/мурча, зерновка/митта* и т.д.; 2) названия птиц: *ястреб/пайғу, сокол/боз, фазан/тазарв, лебедка/модақу, соловей/булбул, орёл/уқоб, гусь/қоз, филин/бум, чугз, утка/мургобӣ, курица/мург, королёк/саъба, журавль/турна, коршун/чуҷабарак, кобчик/боша, ворон/зог, сова/бум, иволга/заргилдоқ (заргулдор), зяблик/саъва, жаворонок/чур, павлин/товуси нар, пеликан/мурги саққо, дятел/эзорсурхак, галка/зогча, выпь/даканг, ворона/зоги ало, щеголь/саъба, чирок/чирак, чиж/саъва, чибис/шорак, страус/шутурмург* и т.д.; 3) названия животных, обитающих в воде/на воде: *акула/кусамоҳӣ, сельдь/шурмоҳӣ, жаба/гук, губка/исфанч, кашалот/вол, кит/наҳанг, омар/харчанги баҳрӣ, рак/саратон, краб/харчанг, навага/симмоҳӣ, шемая/воламоҳӣ, аллигатор/аллигатор, анчоус/хамса, вьюн/мормоҳӣ, горбунок/аспакмоҳӣ, жерех/загорамоҳӣ, горбуша/озодмоҳӣ, карась/карас, креветка/креветка, минога/мормоҳӣ, нельма/сафедмоҳӣ, нутрия/сагоби* и т.д.

Выводы по первой главе

В сопоставляемых нами языках зоолексемы используются в целях номинации специального понятия. Они являются эффективными единицами языка для обозначения, номинации зоологического объекта, однако употребляются и как метафора при обозначении реалий других сфер.

Зоолексика состоит из общенародных лексических единиц и отраслевой терминологии. С собственно лингвистических позиций необходимо различать несколько разрядов слов, содержащих сему «животный мир»: *зоологизмы*, *зоонимы*, *зооморфизм* и *зооморфные слова* как основные единицы, выражающие зоопонятия. Термин *зооним* употребляется как термин ономастики (*Шишка*, *Рекс*, *Тузик* и т.д.), а *зоологизм* используется для именованя любого существа животного мира (*корова*, *бык*, *собака*, *гов*, *буққа*, *сағ* и т.д.). Третье наименование – *зооморфизм* – специализировать для именованя мира человека, растений или природы, используя свойства, признаки животного мира (*собака* «о злом грубом человеке», *гов* «нодон, аблах, ахмақ»). Под термином *зооморфное слово* мы понимаем такую сложную единицу, один из компонентов которой содержит зоологическую сему. Примером *зооморфного слова* может служить такие русские слова, как *собаковод*, *звероферма*, *рыбоохрана* («охрана рыбных запасов в водоёмах»), такие таджикские слова, как *бузкаш*, *аспсавор*, *говдуш*, *сағбоз*, *говбон* («нигохубинкунандаи гов; подабон») и т.д.

Исследование слов со значением «животный мир» показывает, что среди названий животных русского и таджикского языков можно выделить лакуны. Немало русских слов со значением «животный мир», которые не имеют эквивалента в таджикском языке и наоборот. Лакуны, будучи национально-специфичными, в наибольшей степени отражают особенности менталитета.

Таким образом, в русском и таджикском языках, можно обнаружить много расхождений, несовпадений среди зоонимов и зоологизмов. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что и в одном и в другом

языке существует и такие лексемы с семой «животный мир», которые не имеют эквивалента.

Названия животного мира на основе дифференциального признака «сфера обитания животных» можно разделить на следующие группы: 1) названия животных, обитающих на поверхности земли, которые подразделяются на названия домашних и диких животных; 2) названия птиц: домашние птицы, дикие птицы; 3) названия животных, обитающих в воде, на воде.

ГЛАВА II. Тематическая и семантическая характеристика слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках

2.1. Семантическая характеристика

тематической группы слов со значением «животный мир»

Дифференциальный признак «животные, обитающие на поверхности земли» учитывает способ обитания животного. К данной группе относятся такие слова, как *верблюд/шутур, корова/гов, слон/фил, телёнок/гусола, лиса/рӯбоҳ, кролик/харгӯш, заргӯш, обезьяна/маймун, кабан/хуки нар, лошадь/асп, собака/саг* и т.п.

В данной тематической группе по дифференциальному признаку «способ существования животного» можно выделить две тематические группы: 1) домашние животные, 2) дикие животные. К первой группе относятся слова типа *рысак/аспи резачорпо, аргамак/аргумоқ, телёнок/гусола, пёс/саг, корова/гов, козёл/буз, верблюд/шутур, кот/гурба, конь/асп, козлёнок/бузгола, коза/модабуз, ишак/хар, заяц/харгӯш, баран/гӯсфанд, бык/буққа, осёл/хар*, и т.п. Ко второй группе относятся такие лексические единицы, как *черепаха/сангпушт, дикобраз/чайра, свинья/хуқ, козерог/бузи кӯҳӣ, слон/фил, горилла/горилла, жираф/заррофа, обезьяна/маймун, суслик/юрмон, мышь/муш, анаконда/анаконда, питон/питон* и т.п.

2.1.1. Семантическая характеристика названий

домашних животных, обитающих на поверхности земли

К словам, обозначающим домашних животных, обитающих на поверхности земли, относятся такие слова, как *кошка/гурба, лошадь/асп, мопс/мопс, овца/гӯсфанд, пони/тоту, малодойка/гови камшир, молодка/мурзак, мустанг/мустанг, коняга, ищейка/саги бугир, буйвол/говмеш, волкодав/саги гурггир, саги чӯпони, барбос/барбос* и т.п. Среди них выделяются однозначные слова *аргамак/аргумоқ, битюк/битюг, бульдог/булдог, верблюд/шутур, козлёнок/бузгола, ослица/моичахар, телёнок/гусола* и т.д. и многозначные слова *баран,*

осёл, щенок, асп, гов, бузак и т.д. На основе выделения в значениях слов тождественных и дифференциальных компонентов данный разряд лексики (обозначающей животных, которые имеют только одно лексическое значение), номинирующей «домашних животных, обитающих на поверхности земли», можно классифицировать по возрасту и по полу.

По дифференциальному признаку «возраст» зоолексемы данной группы разделяются на взрослых животных и их детёнышей. Примерами слов, обозначающих взрослых животных, может служить слово *мопс*. Это слово в анализируемых нами языках называется одинаково: *мопс* - «комнатная собака особой породы с большой круглой головой, курносая, с плотной шерстью» [128, с. 690]. *Конечно, не титулом, - была же старейшая сожительница Иван Ивановича, маленькая дама с мопсом, тоже особой титулованной* [Бунин. Далекое]. Слово *мопс* в таджикском языке имеет то же самое значение «саги хонагй (зоти каллакалон, бинипучук ва кутоҳпашм)» [106, с. 496].

Другим примером может служить слово *аргамак* «порода быстрых и легких верховых лошадей»: *Но старина в нём все же очень чувствовалась, сказывалась в крепких нравах купеческой и мещанской жизни, в озорстве и кулачных боях его слобожан, то есть жителей Чёрной Слободы, Заречья, Аргамаки, стоявшей над рекой на тех жёлтых скалах, с которых будто бы сорвался некогда вместе со своим аргамаком какой-то татарский князь* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]. В «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.С. Осими слово *аргамак* имеет такой перевод: «арғумоқ - як зоти аспҳои даванд» (порода быстрых верховых лошадей) [106, с. 37], но в «Словаре таджикского языка» под редакцией М.Ш. Шукурова и в «Толковом словаре таджикского языка» под редакцией С. Назарзода это слово не зафиксировано.

Надо отметить, что значение этих слов (аргамак/арғумоқ, мопс/мопс) в русском и таджикском языках совпадает.

Слова *ослёнок/курра, верблюжонок/шутурбача, козлёнок/бузгола* и т.п. можно отметить как лексические единицы, обозначающие детенышей домашних животных, обитающих на поверхности земли. Например, в русском языке слово *ослёнок* имеет значение «детеныш осла» [25, с. 560], в таджикском языке слово *курра* означает «бачаи хар, ки хануз ба савори нарасидааст, хутик, той, тойча» [140, с. 637]. Русское слово *козлёнок* обозначает «детеныш козы», таджикское слово *бузгола* обозначает «бачаи буз, бузича» [140, с. 242]. То же самое слово *верблюжонок* – «детеныш верблюда» [128, с. 185], *шутурбача* – «бачаи шутур, шутурча» [140, с. 660] и т.д.

Если значение этих лексем, обозначающих детенышей домашних животных, в обоих сопоставляемых языках совпадает, то переносные значения русского слова *щенок* и таджикского *сагбача*, которое так же обозначает детеныша домашнего животного, не совсем совпадают. По данным Толкового словаря современного русского языка Д.Н. Ушакова, слово *щенок* имеет следующие значения: 1. детёныш собаки (а также волка, лисы и др.). 2. (перен. простореч.) несовершеннолетний, молокосос, мальчишка [25, с. 839]. *Он перед ним мальчишка и щенок. «Досуг мне разбирать вины твои, щенок!»* [Крылов. Волк и ягненок]. В ФТЗТ слово *сагбача* имеет такие значения: 1. бачаи саг (детёныш собаки). 2. *тахқ. калимаи қабех нисбат ба одами бадзот (ругательство по отношению к плохому человеку)* [140, с. 191]. Прямое значение этих слов – «детёныши животных» - не имеет расхождения. Переносное значение данных слов используется для характеристики людей: *щенок* (грубо) – говорят молодому человеку, когда хотят подчеркнуть его неопытность. Следует отметить, что русское слово *щенок* используется в отношении молодых людей, а таджикское *сагбача* используется, как правило, к невоспитанному человеку. Таджикские слова *сагча* и *сагбача* являются синонимами, но слово *сагча* не имеет переносного значения, т.е. имеет только одно значение – «бачаи саг» (детеныш собаки).

По дифференциальному признаку «пол» зоолексемы данной группы можно разделить на две подгруппы: 1) самка животных, 2) самец животных.

Основу содержания понятия «самка животных» составляет семантический компонент 'самка'. К первой подгруппе можно отнести слова *овца/меш*, *ослиха/модахар*, *верблюдица/ноқа* и т.д. Например, русское слово *овца* в словаре имеет значение «самка барана» [128, с. 173]: *Очумеет, закружится «круговая» овца, он зальет ей в ухо горячего масло* [Бунин. Хороших кровей]. В таджикском языке слово *меш* имеет то же самое значение, что и в русском «гӯсфанд, гӯсфанди мода» (баран, самка барана) [140, с. 796]. Русское слово *ослиха* обозначает «самка осла», таджикское слово *модахар* имеет такое значение - «хари мода, мочахар (гуфт.)», то же самое слово *верблюдица* – «самка верблюда», слово *ноқа* – «шутури мода, модашутур». Как видим, значение этих слов в данной тематической подгруппе – «самка домашних животных» совпадает.

Однако в исследуемых нами языках не все слова, относящиеся, к данной тематической группе, обозначаются одинаково. Так, русское слово *кот* обозначает самца кошки: *То корова чесалась боком о стену избы; то крыса пробежала по отрывисто звенящим клавишам фортепиано и, сорвавшись, с треском падала в черепки, заботливо складываемые тетей в угол; то старый черный кот с зелеными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лениво просился в избу; или же прилетал вот этот филин, криками своими пророчивший беду* [Бунин. Суходол]. Слово *кошка* обозначает самку кота: *...а её любимая шелковисто-белая с розовыми глазами кошка мурлыкала в её полных, слегка расставленных коленях* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. Самец и самка данного животного в русском языке обозначаются разными словами.

Если в русском языке самец и самка данного животного обозначаются разными словами, то в таджикском языке они определяются одним словом – *гурба*. В толковых словарях таджикского языка слово *гурба* является однозначным словом и имеет значение «чонвари машхур аз чинси ширхӯрҳои даранда, пишак» (известное животное из семейства хищных млекопитающих) [140, с. 347]. В таджикском языке и *кота* называют *гурба*, и *кошку*. В качестве примера можно привести строки из «Гулистан»-а Саади Шерозӣ:

Гурбаи мискин агар бол дошти,

Тухми гунҷишк аз замин бардошти [С. Шерозӣ. Гулистан].

Если бы у кошки (кота) были крылья,

Не осталось бы на земле ни одного воробья.*

В этом тексте невозможно определить пол данного животного, здесь слово *гурба* может обозначать и *кота* и *кошку*.

По данным Русско-таджикского словаря, слову *кот* соответствуют такие слова и словосочетания, как *гурбаи нар, пишаки нар, гурба, пишак*, а слову *кошка* – *гурбаи мода, гурба, пишак* [106, с. 415].

Слова *гурба* и *пишак* являются синонимами. Как видим, в таджикском языке нет отдельных лексем для разграничения самки и самца этого животного. Только с помощью определенных словосочетаний *гурбаи нар* (самец кошки) и *гурбаи мода* (самка кота) можно обозначить пол данного животного. По нашему мнению, расхождение подобного рода связано с тем, что в таджикском языке нет категории рода. Общеизвестно, что в русском языке грамматическая категория рода присуща различным частям речи: существительному, глаголу, числительному, прилагательному и местоимению. В единственном числе имена существительные всегда оказываются отнесенными к одному из трех родов - мужскому, женскому или

* Здесь и далее стихотворные примеры приведены в подстрочном переводе автора диссертации

среднему. В таджикском языке категория рода отсутствует не только у имен существительных, прилагательных или глаголов, она отсутствует вообще. Надо отметить, что только некоторые заимствованные слова (существительные) отличаются по родам (муаллим – муаллима, раис – раиса).

Сравнительный анализ зоолексем таджикского и русского языков по дифференциальному признаку «пол» показал, что они не всегда абсолютно совпадают. Например, если значение слов *овца/меш*, *ослиха/модахар*, *верблюдица/ноқа* адекватно в этих языках, то в словах *кот/кошка/гурба* наблюдается диспропорция: в таджикском языке отсутствует специальная лексема для обозначения самки кота.

Примером подгруппы «самцы домашних животных» может служить слово *борзая/саги тозӣ* – «порода охотничьих собак с острой длинной мордой и длинными тонкими ногами, специально тренируемых для охоты на волков, лис, зайцев»: *Черная борзая, любимица Арсения Семеныча, залезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом.* [Бунин. Антоновские яблоки]. Если в выше приведенных нами примерах, где речь идет о взрослых домашних животных и детенышах домашних животных, значение слов в сопоставляемых языках полностью совпадало, то со словом *борзая* картинка несколько иная. Слово *борзая* в таджикском языке дословно переводится как «тозӣ» (борзая, борзой), а в значении существительного как «саги тозӣ» [106, с. 72], но слово *тозӣ* в таджикском языке является многозначным: 1. «мансуб ба араб, арабӣ; аспи тозӣ» (относящийся к арабам, арабский); 2. «саги шикорӣ, саги даванд» (охотничья собака) [140, с. 348]. Как видим, в таджикском языке нет определенного слова, с помощью которого можно было обозначить русское слово *борзая*. Это слово передается на таджикский язык с помощью сочетания *саги тозӣ*.

Слово *верблюд*, которое имеет значение «вьючное одногорбое или двугорбое животное из породы жвачных, очень большого роста, чрезвычайно выносливое» [128, с. 122] так же может служить примером «самцов

домашних животных». *Несколько старых верблюдов в грязно-рыжей сухой шерсти загораживают дорогу на повороте* [Бунин. Пустыня дьявола]. В таджикском языке слово *шутур* (верблюд) имеет значение «хайвони ахлии калончуссаи кухондори боркаш» (вьючное животное, которое имеет горб и большой рост) [140, с. 660].

Следует отметить, что основанием для выделения указанных групп или подгрупп, прежде всего, служат семантические различия в содержательной структуре зоологизмов. Общий семантический признак класса, категориальный для всей группы, в каждой из подгрупп находит свою реализацию в особых семантических признаках, дифференциальных для них.

Надо подчеркнуть, что по характеру связи значения слова (способу номинации) с предметом объективной действительности значения слов делятся на 2 типа: 1. первичное (прямое, основное, главное); 2. вторичное (непрямое, переносное). М.И. Фомина отмечает, что «прямым значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т.д.), т.е. непосредственно соотнесено с понятием или отдельными его признаками» [143, с. 36]. По мнению Е. Куриловича, «самое важное – главное – значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста» [75, с. 246]. «Непрямым (или переносным) называется такое значение слова, появление которого обусловлено возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим» [143, с. 37].

Как было отмечено выше, среди слов, обозначающих «животный мир», помимо однозначных зоолексем, в русском и таджикском языках существует немало многозначных лексем. Говоря о многозначности слова, следует отметить, что среди слов со значением «животный мир» русского и таджикского языков, относящихся к тематической группе «домашние животные, обитающие на поверхности земли», помимо однозначных слов, выделяются и многозначные слова. Как показывает материал, большинство

лексем этой тематической группы характеризуется коннотативной окрашенностью, обозначая разные понятия.

Когда речь идет об определении значений слов, то Д.Н. Шмелев отмечает, что «мы, как правило, не задумываясь и без всякого труда узнаем, в каком из своих значений употреблено в той или иной фразе многозначное слово, именно потому, что контекст указывает на это значение» [158, с. 130].

Многозначные зоологизмы этой тематической группы составляют такие русские зоолексемы, как *кобыла, корова, бык, конь, осёл, пёс, козёл* и др. В таджикском языке семантика данной тематической группы представлена в содержании следующих зоолексем: *байтал, гов, буққа, асп, хар, саг* и др.

К примеру, слово *осёл*, которое имеет следующие значения: 1. «животное из семейства лошадиных, высокого роста с большой мордой и длинными ушами»: *Грязь была непролазная, телега маленькая, еле живая, лошаденка – ушастая, как осёл, слабосильная* [Бунин. Деревня]; 2. «глупец, дурак, тупой упрямец» [Ушаков, т. III: 216]. *Как же назвать человека, не чувствующего этого восторга?*

- *Он осёл...* [Бунин. Тень птицы].

В таджикском языке слово *хар/осёл* так же имеет два значения. Первое значение этого слова - «чорпой боркаши маълум» (известное вьючное животное):

*Мискин хар агарчи бетамиз аст,
Чун бор ҳамекашад, азиз аст* [С. Шерозӣ].
*Если даже бедный осел и нечистоплотен,
Но дорог тем, что возит он поклажу.*

Второе значение слова *хар* - «одами аҳмақ, аблах» (глупый человек). Это значение можно наблюдать у Хафиза Шерози:

*Аспи тозӣ шуда маҷруҳ ба зери полон,
Тавқи заррин ҳама бар гардани хар мебинам* [Ҳ. Шерозӣ].
Беговой скакун изранен под вьючным седлом,

Вижу на шее у осла золотой ошейник.

Здесь поэт имеет в виду не *животное (осла)*, а глупого, бестолкового человека. Слово *хар* в этом значении отмечается и в таджикской поговорке - *хар бошӣ, харигарӣ кун, хар набошӣ, одамгарӣ*. В русском и таджикском языках с этим словом ассоциируется глупость (ахмак, аблах, ср. переносное значение слова *хар/осёл* в обоих языках). В «Словаре таджикского языка» под редакцией М.Ш. Шукурова у слова *хар* отмечается значение «он пахлуи камбари бучул, ки нисбатан хамвор буда, дар бучулбозӣ нисбат ба дигар пахлуи камбар, ки асп ном дорад, бурдӣ камтаре меорад» (сторона игровой кости, которая приносит чуть меньше выигрыша, чем конь) [139, с. 463]:

Он ки намешиносад у чиккаю пуккаи бучул,

Аспу хари насибааш рост гирифта чоқро [А. Савдо].

Тому, кто не знает правил игры в кости,

Безразлично положение костей в виде осла или коня.

Следует отметить, что в подобном значении лексема «осел» в русском языке не используется, в то время как в таджикском языке она связана с игрой, распространенной в Таджикистане.

Отметим, что в денотативных значениях зоологизмов анализируемых языков в основном отражается сходство предметов с внешними признаками животных. Примером могут служить слова *осёл* и *хар*. Русское слово *осёл*, употребляемое в значении «глупец, дурак, тупой упрямец», и таджикское слово *хар* (осел), имеющее значение «одами ахмак, аблах». Денотативные значения этих лексем в таджикском и русском языках совпадают. В них интенционал названного животного включает негативное понятие, значение, которое унижает достоинство человека. Как показывают примеры, способы образования денотативных значений зоологизмов определяются мотивировочными признаками.

Русские зоологизмы *осёл* и *ишак* являются синонимами, т.е. обозначают одно и то же животное. Однако эти слова имеют разные

коннотации. Со словом *осёл* связано «дурак, тупица», а со словом *ишак* «трудяга».

В таджикском языке слова *хар* и *маркаб* являются синонимами, но слово *маркаб* является моносемным словом. Слово *хар*, имеющее значение «одами ахмак, аблах» (дурак, тупица), используется в выражении *хар барин кор кардан* (досл. работать как осёл, ишак). В данном выражении слово *хар* используется не в вышеприведенных значениях, а в значении «ишачить», т.е. много работать. Таким образом, у слова *хар* отмечаются разные коннотации русских зоологизмов *осёл* и *ишак*.

Следует отметить, что склад ума и национальная психология определяют символизацию, ассоциативные связи и коннотативную окрашенность при возникновении переносных значений зоологизмов.

Как в русском, так и в таджикском языке механизм возникновения коннотаций у зоологизмов связан с усилением отдельных аспектов их значения. Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу, а прямое значение зоологизма выступает как внутренняя форма по отношению к переносному значению.

Согласно Л.А. Закировой, закрепление ассоциативных признаков в значении зоонима и зоологизма, т.е. возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный. В свете проблемы культурной коннотации наименований особый интерес представляет образная характеристика людей через обозначения животных. Причиной их частого и продуктивного использования в этой функции является особое место, которое они традиционно занимают в сознании языковой личности [64].

В таджикском языке есть еще одно слово, которое пишется и произносится так же, как и слово *хар* (т.е. является омонимом к данному слову), но имеет другое значение – «лой, гили часпанда; ботлокзор» (глина, липкая глина, болотистые леса) [140, с. 424].

Если эти слова (*осёл* и *хар*) в сопоставляемых языках в семантическом аспекте совпадают, т.е. имеют одинаковое производное и производящее

значение, то в других примерах совпадают производящие значения, а их производные значения не всегда одинаковы.

Согласно М.И. Фоминой, по способу номинации, т.е. характеру связи значения слова с предметом объективной действительности, выделяются два типа лексических значений – прямое (основное) и непрямое (переносное) [142].

Некоторые зоологизмы в русском языке имеют больше производных значений, чем в таджикском языке, и наоборот. Рассмотрим некоторые многозначные слова, обозначающие животных, обитающих на поверхности земли.

Лексема *кобыла* только в семантическом варианте '*самка лошади*' реализует данный семантический признак. Например, *... и отец выберет из бывших бабушкиных лошадей и подарит мне верховую кобылку, которая так полюбит меня, что будет прибегать ко мне куда угодно, только я свистну ей* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. В другом тематическом варианте она реализует семантический признак '*здоровая молодая женщина, девушка*', например: *Я хорошо знаю, - неприятно сказала она мне, - что тебя это огорчило: ещё бы, так отлично «постукивает» башмаками по комнатам эта, как ты говоришь, «кобылка» ...* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. Если слово *кобыла* в русском языке является многозначным словом, то в таджикском языке, наоборот, является моносемным: *байтал* – «аспи мода, модийён» (кобыла) [140, с. 123].

Названия животных, зафиксированных в словаре, чаще всего используются как прямые наименования представителей животного мира, но могут использоваться и в переносных значениях. Например, слово *корова/гов*, которое в русском языке имеет два значения. Первое его значение - «самка крупного домашнего рогатого скота, домашнее молочное животное, самка быка». *Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, были кучер, староста, стряпухи, скотницы, няньки, мать и отец, гимназисты-братья, сестра Оля, еще качавшаяся в люльке...* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. Второе

значение этого слова - «о толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине» [128, с. 567]. Вторым смысловым вариантом можно зафиксировать у И.А. Гончарова: *Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними – все ухмыляется, как лошадь на овёс* [Гончаров. Обломов].

Что касается таджикского языка, то это слово - *гов/корова* - в таджикском языке имеет пять значений. Его прямое значение - «чорпой шоху сумдори ширдеҳи маъруф, гав» (четвероногое, рогатое, копытное и известное животное) совпадает с первым значением русского слова *корова*. Слово *гов* в этом смысле зафиксировано у Саади Шерозӣ:

*Он ду шохи гов агар хар дошти,
Одамиро пеши худ нагзошти* [С. Шерози. Гулистан].
*Если бы рога коровы были у осла,
То не подпустил бы к себе близко человека.*

Это слово, кроме значения животного, обладает также дополнительной семантикой: «қадах, суроҳӣ, чом, зарфи шароб, ки ба шакли гов сохта шудааст» (чаша, которая по форме похожа на корову). Таким образом, в таджикском языке на основе сходства данного предмета (қадах/бокал, чаша) с другим предметом, имеющим прямое, или основное, значение (*гов/корова*) возникает дополнительная семантика исходного слова:

*Он лаъли луб аз дахани гов фуру резад,
То мурғи суроҳӣ кунадат нагмасарой* [Ҳоконӣ].
*Когда рубиновая жидкость истечет из чаши,
Тогда птица, находившаяся в графине, пропоет тебе.*

В данном стихотворении лексема *гов* использована в значении «чаша». Другое значение, т.е. третье значение, слова *гов* – «пахлавон, мубориз, далер» (силач, борец, отважный). Слово *гов* в данном значении можно наблюдать у А. Фирдавсӣ:

*Биёмад ба майдон яке гов Гур,
Ки афзун буд ўро зи сад гов зўр* [А. Фирдавсӣ].
Вышел на майдан вол по имени Гур,

У которого сил было больше чем у ста быков.

Четвертое значение слова *гов* - «бузург, калон, муътабар» (великий, большой, уважаемый):

Кардам равону дилро бар ҷонӣ ӯ ниғаҳбон,

Ҳамвора гирдаш-андар гурдон буванду говон [Дақиқӣ].

Я отдал сердце и душу, чтоб защитить его,

Богатыри и великие люди вокруг него.

Пятое значение данного слова – «нодон, аблах, аҳмақ» (глупый, бестолковый, тупой) зафиксировано у Фахриддини Гургони [140, с. 327]:

3-у говтар надидаму нашнидам одами,

Дар давлаташ аҷаб галате карда рӯзгор [Фахриддини Гургонӣ].

Не встречал я человека глупее чемон,

Чтоб ошибся во ведении хозяйство своего.

Надо отметить, что в отличие от русского языка, где переносное значение данного слова используется только для обозначения лиц женского пола, в таджикском языке эту лексику (в последнем значении) можно использовать в отношении и мужчины, и женщины, то есть независимо от пола.

На основе примера с *гов/корова* мы можем утверждать, что нередко вторичные значения зоологизмов в анализируемых языках не совпадают или же не имеют одинакового количества переносных значений.

Если лексема *корова* используется для обозначения преимущественно лиц женского пола, то слово *бык* - для метафорического обозначения мужчин.

Слово *бык* имеет следующие значения: 1. «самец коровы». *Пишут, будто лев может хвостом быка убить...* [Бунин. Белая лошадь]. 2. «устой моста» [128, с. 108]: *Путешественники были пойманы у самого каменного быка, подпиравшего конец моста, и выбрались на берег* [Успенский. Кой-про-что]. Слово *бык* используется и в значении «волевой человек, по виду которого можно понять, что он может постоять за себя»: *Показался ей*

чудаком, трусом, который только и заботится о себе, беспокоится о своем здоровье, когда сам здоров, как **бык** [Аксаков. Наташа]. Данное значение в словаре Д. Н. Ушакова не зафиксировано. Единственное значение слова *бык/буққа* отмечается в ФТЗТ: «говни нари ахтанокарда» (самец коровы) [140, с. 244], но, в таджикском языке это слово, как и в русском, имеет значение «человек, который может постоять за себя»: *Ман буққаи ҳамин маҳалам* [Таджикский анекдот]. *Дар шаҳри Питер қисми дигари муҳоҷироне во мехуранд ки ҷое қор намекунанд, фақат ба «ёмбош» машғуланд. Аммо аз пул танқисие намекашанд. Чунки онҳо «буққа» ба ҳисоб мераванд. Ин буққаҳои тоҷики аз як шаҳр ба шаҳри дигар сафар карда разборҳои пулиро ҳал мекунанду «доляшонро» мегиранд* [Дардрезаҳои шаҳри мардум. Марги «даруни об». Шахлои Н.]. В ФТЗТ производное значение этого слова не зафиксировано.

В целом, еще раз можно отметить несовпадение количества производных значений зоолексем в анализируемых языках. Например, слово *бык/буққа* в русском языке имеет два производных значения (устой моста и волевой человек), в то время как в таджикском языке - только одно (человек, который может постоять за себя).

Следует добавить, что если содержания слов *корова/гов* в таджикском и русском языке не совпадает полностью, поскольку второе значение русского слова *корова* употребляется только для обозначения в отношении лиц женского пола, а последнее значение таджикского слова *гов* (аблах, аҳмақ) используется как для мужчин, так и для женщин, то метафорический смысл слов *бык/буққа* для лиц мужского пола в исследуемых языках тождествен. В обоих языках слово *бык/буққа* в значении «человек, который может постоять за себя» используется для обозначения лиц мужского пола.

Другим примером многозначных зоологизмов, относящихся к тематической группе «домашних животных, обитающих на поверхности земли», является слово *конь/асп*. Лексема *конь* в русском языке имеет три значения: первое значение - «то же, что лошадь»

(обл.): *В темную, бурную ночь, достигнув большой реки – переправы в полное отчуждение от мира, - царевич сошел с коня, снял с себя богатую одежду, обрезал свои длинные волосы – знак своего высокого достоинства – и, отдав коня конюху, сопровождавшему его до реки, ушел на поиски «священного спасения» ...* [Бунин. Освобождение Толстого]. Второе значение - «детская игрушка, изображающая лошадь». Третье значение - «шахматная фигура с изображением конской головы» [128, с. 562]. Действительно, слово *конь* больше всего используется в первом (основном) из выделенных значений. Во втором смысле оно применяется по отношению к детской игрушке, которая изображает лошадь. Последнее значение данного слова - «шахматная фигура с изображением конской головы». Такое расширение семантики происходит благодаря различным ассоциациям, возникающим при конкретном использовании слов.

В таджикском языке слово *асп/конь* тоже имеет три значения, и в первом значении – это животное - «чорпой хонагӣ, сумдори савори ва боркаш», которое обозначает животного: *Асп чаҳор пой дошта бошад ҳам, пешпо мехӯрад* (таджикская поговорка). Второе значение - «мухраи аспшакл дар бозии шоҳмот» (шахматная фигура), и третье значение - «пахлуи чуқурчаноки бучул, ки дар бучулбозӣ бурдро ифода мекунад» (сторона игральной кости, которая приносит выигрыш) [140, с. 86]. Первое приведенное нами значение слова *асп* является прямым (основным), а второе значение данной лексемы совпадает с третьим толкованием этого же слова в русском языке (шахматная фигура с изображением конской головы). Таджикское слово *асп* не имеет второго значения русского слова «конь» (детская игрушка, изображающая лошадь), а третье значение таджикского слова *асп* отсутствует в русском языке, поскольку оно связано с игрой, распространенной в Таджикистане и о которой не знают в России (поскольку там не играют в эту игру). Как видим, одни производные

значения этих слов совпадают, другие - нет. Но надо подчеркнуть, что второе значение русского слова *конь* совпадает со вторым значением таджикского *аспак*, которое имеет три толкования в таджикском языке: 1. «шакли тасғири асп» (уменьшительно-ласкат. к слову *асп*). 2. «аспи чубин, ки бачаҳо бози мекунанд» (игрушка). 3. «номи ҷонварест мисли мӯрча, ки дар руи об метозад» (название животного, которое похоже на муравья, бегающего над водой): *Аспак* *обӣ* [140, с. 86].

Следует отметить, что в сопоставляемых языках несовпадение отмечается у большинства многозначных слов-зоологизмов, обозначающих домашних животных, обитающих на поверхности земли. У этих слов не совпадает либо количество значений, либо их производное значение. Если дифференциальный признак не отмечается у слов *осёл* и *хар* в русском и таджикском языках, то русские слова *кобыла* и *бык* имеют больше значений, чем их эквиваленты (*байтал*, *буққа*) в таджикском языке. Или, наоборот, таджикское слово *гов* имеет больше (пять) значений, чем русское слово *корова*, которое имеет два значения. Слова *конь* и *асп* в сопоставляемых языках имеют одинаковое количество значений, также у них отмечается значение «шахматная фигура с изображением конской головы», но другое значение русского слова *конь* не отмечается у таджикского слова *асп*. Одно значение слова *асп* - «пахлуи чукурчаноки бучул, ки дар бучулбозӣ бурдро ифода мекунад» (сторона игровой кости, которая приносит выигрыш) не имеется у слова *конь*. Таким образом, несоответствие имеет место в производных значениях зоолексем *конь* и *асп*.

Как показывает языковой материал, полисемию проявляют большинство слов со значением «животный мир» данной тематической группы. Надо отметить, что переносные значения появляются в слове в результате переноса определенного наименования с одного предмета, действия, явления на другие.

Таким образом, при анализе тематической группы «домашние животные, обитающие на поверхности земли» отметим, что интегральными

признаками данной тематической группы являются «животное», «домашнее».

2.1.2. Семантическая характеристика названий диких животных, обитающих на поверхности земли

Как уже было отмечено, в тематической группе «животных, обитающих на поверхности земли» нами выделяются две тематические группы. В отличие от первой группы, где рассматриваются «домашние животные», ко второй группе отнесена тематическая группа «дикие животные». К ней относятся такие зоолексемы, как *черепаха/сангпушт, дикобраз/чайра, кабан/хуки ваъши, нархук, козерог/бузи куҳӣ, мишка/хирсча, горилла/горилла, жираф/заррофа, обезьяна/маймун, суслик/юрмон, мышь/муш, мураш/мӯрича, анаконда/анаконда, питон/питон, ехидна/ехидна, муравей/мӯр, мӯрича, зерновка/митта, осляк/хари ёбой, ондатра/мушобӣ, жук/гамбуск, ушкан/қуян, хорёк/хаз, марал/марал, макака/макака, пантера/юз, павиан/ павиан, ягуар/юзи ало, шимпанзе/шимпанзе, тигр/паланг, слепыш/курмуш, онагр/гӯрхар, норка/вашақ, нерпа/нерпа, мустанг/мустанг, марал/марал, буйвол/говмеш, зебра/гӯрхар, гиена/кафтор, гадюка/мори афъи, волкодав/саги чӯпонӣ, бурундук/бурундук, барсук/қашқалдоқ, барс/паланг, антилопа/антилопа, газил* и т.д.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова и в «Энциклопедическом словаре» у слова *суслик* отмечается только одно значение – «небольшое животное из отряда грызунов, живущее в норах и приносящее большой вред посевам» [128, с. 346]:

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,

Иль по меже тушкан, таинственно, как дух [Бунин. В темнеющих полях, как в безграничном море].

Слову *суслик* в таджикском языке соответствует *юрмон*, которое в ФТЗТ имеет только одно значение (совпадающее со значением слова *суслик*) – «чонварест хурд аз хояндагон, зараррасони кишт» [140, с. 678]. Как видим, *суслик* и *юрмон* в обоих языках являются

однозначными словами и обозначают одно и то же животное, т.е. в семантическом аспекте они не различаются.

Совпадают значения не только у слов *суслик* и *юрмон*, но и у слов *жираф* и *заррофа*. Эти лексемы так же относятся в тематической группе «диких животных» и являются однозначными словами. Русское *жираф* означает «жвачное животное с очень длинной шеей и очень длинными ногами, имеющее шерсть песочно-желтого цвета, водящееся в тропической Африке» [128, с. 350]. *Все это - и верблюд, и финиковая пальма, и пирамида, и жираф под пальмой кокосовой...* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. Значение таджикского слова *заррофа* совпадает со значением русской зоолексемы *жираф* – «хайвони ширхӯри жовандаи бузургчусса (*ба монанди шутур*), ки гардандароз аст ва пойҳои пешаш баланд мешавад ва дар баданаш мисли паланг холҳои сиёҳу сафед дорад, шутурговпаланг» [140, с. 513]. Следует отметить, что в семантическом аспекте этих слов отсутствуют дифференциальные признаки.

Слово *ящерица*, которое имеет значение «небольшое пресмыкающееся с удлиненным телом и длинным хвостом, покрытое мелкой роговой чешуей», тоже можно отнести к этой тематической группе. Например: *Самоцветными камнями сверкали, скользя, ящерицы* [Бунин. Свет Зодиака]. Таджикское слово *калтакалос* (*ящерица*) как и в русском языке имеет одно значение – «навъе аз чонвари хазандаи борику дарозтанаи думдор, калпеса, чалпоса; сусмори хурд» [140, с. 584].

В выше рассмотренных словах и в русском, и в таджикском языке отмечается одинаковые семы.

Что касается количества значений, то надо отметить, что в обоих языках приведенные выше слова со значением «животный мир» имеют по одной семе, они не имеют переносных или неосновных значений, т.е. в семантическом компоненте они не отличаются.

В то же время следует отметить, что несоответствие между сопоставляемыми языками имеет место тогда, когда речь идет о словах, обозначающих диких животных. Например, русское слово *аргали*, имеющее значение «небольшое животное из отряда грызунов, живущее в норах и приносящее большой вред посевам», не имеет эквивалента в таджикском языке. Причиной подобного расхождения является то, что эти животные не обитают на территории Таджикистана.

Таджикские слова *гунгор* (мори ба тозагӣ пӯстпартофта), *бедастар* (чонвари ширхур аз хонаводаи хояндагон, ки ҷуссаи нисбатан калон ва пӯсти зебое дорад ва хуб шино мекунад) не имеют соответствий в русском языке.

Как свидетельствует языковой материал, в данной тематической группе есть зоологизмы, которые в том или ином языке не имеют своего эквивалента. Семантический признак, который объединяет зоолексемы данной ТГ, – это «дикие животные».

Слова со значением «дикие животные, обитающие на поверхности земли», по дифференциальному тематическому признаку «возраст» можно разделить на взрослых животных и их детёнышей.

Примером слов со значением «взрослые животные» могут служить слова *волк/гург*, *лис/наррӯбоҳ*, *медведь/хирс* и т.п. Лексема *волк* обозначает «хищное животное, одного рода с собакою»: *Большие охоты, ещё кое-где уцелевшие в уезде, травили волков, лисиц, далеко и надолго уходили в отъезжее поле, в места более прибыльные, чем наши* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]. Слово *волчонок*, наоборот, обозначает детёныша этого животного – «детеныш волка».

Таджикское слово *гург* обозначает «ҳайвони дарандае аз оилаи сагшаклҳо, зибъ, зайб» (совпадает со значением слова *волк*) [140, с. 374]:

Шунидам гӯсфандеро бузурге

Раҳонид аз даҳону дасти гурге [С.Шерозӣ].

Слышал, что мудрец барана

Спас от когтей и зубов волка.

Однако в таджикском языке отмечается и переносное значение этого слова, не зафиксированное в словаре. Слово *Гург* используется в качестве имени человека, т.е. является именем собственным и пишется с большой буквы.

Слово *гургбача/волчонок* – «бачаи гург», т.е. обозначает детёныша животного.

Слова *лис/рӯбоҳ* обозначают «взрослые животные»: *лис* - «самец лисицы» и его эквивалент в таджикском языке *рӯбоҳ* - «чонвари гуштхор аз навъи сағ, ки думи калони сермӯй дорад ва ба хилагари машхур аст» [140, с. 174]. А слова *лисёнок* и *рӯбоҳбача* обозначают детёнышей животных. *Лисёнок* – «детёныш лисицы», слово *рӯбоҳбача* – «бачаи рӯбоҳ».

По дифференциальному признаку «пол» слова, входящие в данную тематическую группу, можно классифицировать на самца животных и самку животных.

Такие русские слова, как *хорт, олень, кабан* и т.д., могут служить примером обозначения самцов животных. Например, *хорт* – «борзая собака, обычно гладкошерстая». Слова *хортая, оленуха, кабаниха, волчица, лисица, медведица* обозначают самок животных. Например, *хортая* – «самка породы борзых - обычно гладкошёрстных – собак».

Таджикские слова *нарсағ, гург, хирс* и т.п. можно отнести к группе самцов животных. Например, *нарсағ* – «саги нар» (самец собаки). Слова *модагург, модасағ, модахирс*, напротив, обозначают самок животных. Например, *модагург* – «гурги мода» (самка волка) или *модасағ* – «саги мода» (самка собаки).

В данной тематической группе выделяются и многозначные слова. Например, такие русские зоолексемы, как *черепаха, слон, кабан, обезьяна, змея, лиса, дикобраз* и т.д. являются многозначными. В таджикском языке слова *маймун, шер, арсалон, вашақ, вигон* и т.д. имеют более одного значения. К примеру, первое значение лексемы черепаха - «пресмыкающееся с телом, покрытым костным панцирем (состоящим из верхнего и нижнего

щитов, поверхность которых покрыта роговыми пластинками), очень медленно передвигающееся на коротких конечностях, которые, как и голова, могут втягиваться под панцирь; служит символом медлительности, мешкотности»: *Гриша посмотрел на ее плотную спину, на расставленные и приподнятые руки и почему – то вспомнил черепаху* [Бунин. На даче]. Второе значение этого слова – (только ед.) «роговые пластинки панциря некоторых черепах, идущие на поделки. Изделия из черепахи» [128, с. 586]. Следовательно, мы можем слово *черепаха* отнести к многозначным словам, так как она имеет два значения, прямое (первое) толкование которого – это животному.

Русскому слову *черепаха*, имеющее два значения в таджикском языке, соответствует слово *сангнушт*, которое обозначает только животное. Единственное значение слово *сангнушт*, которое отмечается в ФТЗТ – «чонвари хазандаи сустрадагоре, ки баданаш дар ғилофи устухоние чо гирифтааст» (пресмыкающееся с телом, покрытым костным панцирем) [140, с. 203]: *Лекин давидани ноиб аз давидани сангнушт ҳеҷ фарқ надошт, чунки ӯ ҳам монанди Қоришишкамба шикамкалон ва фарбех буда...* [С.Айни. Марги судхур].

Как и слово *сангнушт/черепаха*, слово *фил/слон* в таджикском языке является моносемным: *фил* – «хайвони (хушкигарди) калончуссаи хартумдор; пил» (крупное животное с длинным хоботом) [140, с. 401]. Эти таджикские слова не имеют добавочные семантические или стилистические оттенки. Слову *фил* в русском языке соответствует слово *слон*, оно также является многозначным, как и слово *черепаха*. В отличие от лексемы *черепаха*, слово *слон* имеет более одного производного значения. Первое, то есть прямое, значение слова *слон* – это «крупнейшее млекопитающее с длинным хоботом, двумя бивнями и очень толстой кожей»: ... *мелькая и по гладким, и по кольчатым, как хобот слона, стволам деревьев, так много реет и замирает на солнце огромных пышных бабочек ...* [Бунин. Братья]. Второе значение – «о

высоком и толстом человеке» (перен.) и последнее значение - «название шахматной фигуры, передвигающейся на любое число клеток по диагонали, иначе – офицер» [128, с. 227]. Нужно отметить, что второе и третье значение слова *слон* в таджикском языке отсутствуют, т.е. таджикское слово *фил* является однозначной лексической единицей.

Если выше рассмотренные слова в одном (таджикском) языке являются однозначными, а в другом (русском) многозначными, то слово *обезьяна/маймун* в обоих сопоставляемых нами языках является многозначным словом.

Семантическое содержание слова *обезьяна* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова раскрывается следующим образом:

1. Четверорукое млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела.

2. *перен.* Человек, склонный к подражанию другим или передразниванию других, т.е. тот, кто гримасничает, кривляется (разг. шутол.).

3. Очень некрасивый человек» (разг. фам.).

4. «употр., как бранное слово» [128, с. 130].

Надо отметить, что определение значения многозначного слова возможно с помощью контекста, то есть выделенные значения отчетливо проявляются в различных контекстах. Например, первое значение слова *обезьяна* является прямым значением данного слова, его можно определить в следующем контексте: ... *а спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна, старик и вместе с тем младенец, зверь с человеческими печальными глазами, глубоко запавшими под вогнутым лобиком, под высоко поднятыми облезлыми бровями* [Бунин. Чаша жизни]. Второе значение, которое является переносным, так же выделено в произведении И.А. Бунина «Мечь»: *Ну, конечно, музыка, несколько танцующих пар, - я уж больше просто*

видеть не могла без отвращения всего этого, нагляделась достаточно! – *однако сижу, ем пирожные, которые он заказывает для меня и для себя и все как-то странно смеется, - посмотри, посмотри, говорит про музыкантов, настоящие обезьяны, как топают и кривляются!* В данном случае переносное значение зоолексемы *обезьяна* проявляется в описании человека, склонного к подражанию другим или передразниванию других.

Третье значение слова *обезьяна* совпадает со (разг.) значением таджикского слова *маймун* «одами безеб» (некрасивый человек, данное значение в ФТЗТ не зафиксировано): *Нищий, сразу начавший песню о Темир-Аксак-Хане мучительным криком, сидит на глиняном полу. Это столетняя обезьяна в овчинной куртке и лохматом бараньем курпее, рыжем от дождей, от солнца, от времени* [Бунин. Темир-Аксак-Хан].

В обоих сопоставляемых языках некрасивого человека (иногда) называют *обезьяной/маймун*. Как видим, слова *обезьяна* и *маймун*, имеют переносные значения, что самое важное - они в обоих языках ассоциируются с некрасивостью, непривлекательностью.

Как и третье значение, четвертое толкование этого слова имеет негативный характер, то есть оскорбительное значение и применяется относительно к человеку: - *Ах ты обезьяна! Ты у кого спросился-то?* [А. Островский].

Однако в тексте может использоваться и переносное, окказиональное значение. Так, в толковых словарях слово *горилла* имеет значение «самая крупная обезьяна из семейства человекообразных» [128, с. 251]: *Помесь гориллы и медведя чуть не сбила ее с ног.* [Устинова. Подруга особого назначения]. А в языке произведений И. А. Бунина отмечается другое значение: *А ведь и до сих пор приходилось доказывать, что эти каторжные гориллы умирают вовсе не за революцию, а за Мартель* [Бунин. Одесса]. В данном случае имеются в виду не обезьяны, а люди, имеющие устрашающий вид.

Здесь в видовом слове *горилла* выступает одно из разговорных значений родового понятия *обезьяна*: очень некрасивый человек. Это значение у слова *горилла* словарем не зафиксировано, оно в нем представлено как однозначное. В словарях таджикского языка это слово тоже представлено как однозначное - «маймуни калони одамшакл, ки дар Авриқои Марказӣ зиндагӣ мекунад» (крупная обезьяна, которая похожа на человека и живет в Центральной Африке) [140, с. 330].

Что касается таджикского языка, то можно отметить, что семантическое содержание слова *маймун* в «Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ» следующим образом раскрывается:

1. Бузина, хамдуна.
2. *мач.* (*перен.*) Одами камфаросати муқаллид.

Первое значение слова *маймун* обозначает (как и в русском языке) животное. Например:

*Бисъёр дидаам бузу маймун ба дасти ӯ,
Хоқонӣ, эътибор чӣ бар гуфтугуи шайх?! [Хоқонӣ].
Много видел козлов и обезьян у него в руках,
Хокони, какое внимание к беседе шейха?!*

Это слово во втором значении используется по отношению к человеку, т.е. в таджикском языке недогадливого или малосообразительного (камфаросат) человека называют (иногда) «маймун».

Таджикское выражение «соли маймун» (год обезьяны) обозначает «соли нухум дар ҳисоби мулчар (мучал)» [140, с. 746], (название года в восточном двенадцатилетнем календаре).

Кроме того, в ФТЗТ отмечается еще одно слово, которое пишется и читается как слово *маймун*, но имеет совсем другое значение - «хучаста, муборак, саодатманд, масъуд» (благополучный, счастливый) [140, с. 746]. Таким образом, на основе материала, который

представлен в ФТЗТ, можно утверждать, что таджикские слова *маймун* и *маймун* являются омонимами.

В целом, прямое значение («животное») зоолексем *обезьяна* и *маймун* в сопоставляемых языках совпадают. Переносные значения тоже имеют сходства, но в русском языке данная лексема имеет больше значений, чем в таджикском языке.

Таким образом, отметим, что среди слов со значением «дикие животные, обитающие, на поверхности земли» нами были зафиксированы такие слова, которые в одном из исследуемых языков имеют одно значение, а в другом - несколько. Примером подобных слов может служить лексема *кабан*, у которой в русском языке имеется несколько (четыре) значений: 1. «дикая свинья, вепрь»: *У дверей вокзала толпился возле чего-то народ – я подбежал это лежал убитый на охоте дикий кабан, грубый, огромный, могучий, закоченевший и промёрзший, страшно жёсткий даже на вид ...* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]; 2. «самец домашней свиньи»: *Кабаны болезненно, настойчиво ныли, урчали в закуте* [Бунин. Деревня]; 3. «о грубом, грузном мужчине»: *А как же я того выродка узнать могу, если он здоровый, как той кабан? Насмешливо спросил Левченко* [Бунин. Петлистые уши]; 4. «глыба, куча, большой кусок необработанного материала в разных производствах»: *Кабан руды.* [128, с. 496]. А в таджикском языке у этого слова (*нархук/кабан*) отмечается только одно значение (которое является зоологизмом): – «хуки нар, гуроз» [140, с. 898].

У этих слов совпадает только прямое значение, поскольку в таджикском языке слово *нархук/кабан* не имеет переносного значения.

В целом, на основе вышерассмотренных примеров становится ясно, что, при возникновении коннотативных значений ярко проявляется национальная специфика языка, олицетворяющая национальную картину мира. Следует также отметить, что слова, относящиеся к тематической

группе «дикие животные, обитающие на поверхности земли», проявляют полисемию.

2.2. Семантическая характеристика

тематической группы слов со значением «птицы»

Названия птиц по характеру их обитания можно подразделить на наименования домашних (*цыпка/мурзак, цыпленок/чӯча, курица/мурз, гусь/қоз, индюшка/мокиени мурғи марҷон, петух/хурӯс* и т.п.) и диких птиц (*юла/чаковак, камышевка/парандаи хушхони найзор, кайра/кайра (навъи парандаи баҳрии қутб), воркун/гуррок, королек/саъба, журавль/қуланг, турна, коршун/калхот, чуҷабарак, кобчик/боша, ворон/зоғ, шӯрнӯл, сова/бум, ҷугз, ибис/гавдара, зяблик/саъва, дятел/эзорсурхак, галка/зоғча, выпь/даканг, ворона/зоғи ало, чирок/чирак (куланг), чиж/саъва, чибис/шорак, страус/шутурмурз, павлин/товуси нар (хурусии товус), пеликан/мурғи саққо, муха/мағас, аист/лаклак, воробей/гуунишк (чумчуқ), лунь/шабқара, дичь/сайд, иволга/зарғилдоқ* и т.п.).

Как показывает материал, в русском языке есть слова со значением «птица», которые не имеют эквивалента в таджикском языке. Например, слово *крячка* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова имеет значение «водяная птица из породы чаек». Как было отмечено выше, такие слова называются лакунами. Некоторые русские слова передаются на таджикский язык с помощью словосочетаний. К таким словам относятся такие русские слова, как *камышевка, пеликан* и т.п. В Русско-таджикском словаре под редакцией М.С. Осимй слово *камышевка* имеет такое толкование – «парандаи хушхони найзор» (певчая птица камыша) [106, с. 376].

2.2.1. Семантическая характеристика названий

домашних птиц

К тематической группе «домашних птиц» относятся слова *кура/мокиён, утка/мурғоби, гусь/ғоз, цесарка/мурғи фиръавн, голубь/кабӯтар,*

павлин/товус, попугай/тӯтӣ, какаду/какаду (навъи тӯтии тоҷдор), цыплёнок/чӯча и др. Рассмотрим русское слово *цесарка*. В словаре Д.Н. Ушакова оно представлено как однозначное - «домашняя птица из семейств куриных». Данная лексема в «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.С. Осими переводится как *мурғи фиръавн; мурғи шохдор*, но это понятие не зафиксировано словарем ФТЗТ.

Другое слово, которое может служить примером указанной группы, является слово *цыплёнок* – «птенец курицы» [128, с. 577]: «*Сей постоянный двор продается. «Взял с собой только клетку с цыплятами и, перекрестясь, тронулся домой»* [Бунин. Клаша].

Таджикское слово *чӯча* в ФТЗТ имеет одно значение – «бачаи мурғ, мурғбача, дурусташ чӯча» (детёныш курицы) [140, с. 570]. Слово *чуца* можно наблюдать у С. Шерозӣ:

*Занонро гар бубини ту ба куча,
Ба харсу покашон монанди чӯча.
Если увидишь женщин на улице,
Что ходят, еле передвигая ноги как цыплята.*

Как и слова тематической группы «животных, обитающих на поверхности земли», лексику данной тематической группы на основе выделения в значениях слов тождественных и дифференциальных компонентов можно классифицировать по возрасту и по полу.

По дифференциальному тематическому признаку «возраст» можно выделить такие тематические подгруппы, как «взрослые птицы» и «детёныши птицы».

Например, слова *курица/мурғ* или *петух/хурус* можно отнести к взрослым птицам, а слово *цыплёнок/чуца* - к их детёнышам. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова дается такое толкование слова *курица* – «домашняя птица – самка петуха»: ... *среди которых спокойно, по-домашнему ходит и поклевывает курица, осужденная мирно провести весь свой куриный*

век почему-то именно на этом полустанке и совсем не интересующаяся тем, куда и зачем едешь ты со всеми своими мечтами и чувствами, вечная и высокая радость которых связывается с вещами внешне столь ничтожными и обыденными... [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность].

Русское слово *голубь* (птица полудомашняя и дикая), и таджикские слова *кабутар* (парандаи зебои гуногунхел, ки ба одам зуд ром мешавад, кафтар – красивая птица, которая быстро приручается) и *кафтар* по семантике относятся к тематической подгруппе «взрослых птиц». Слова *кабутар* и *кафтар* являются синонимами.

Лексемы *голубёнок/кафтарча* (*чўчаи кафтар*) относятся к тематической подгруппе «детёныш птиц». Слово *голубёнок* (птенец голубя) в «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.С. Осимй переведено как «кафтарча, чўчаи кафтар» [106, с. 181], однако в ФТЗТ слово *кафтарча* не зафиксировано.

На основе дифференциального признака «пол» выделяются тематические подгруппы «самка домашних птиц» и «самец домашних птиц». Как было отмечено выше, одно и то же слово может входить в разные тематические группы (подгруппы). Так, рассмотрим вышеприведенные слова – *курица/мурғ* и *петух/хурус* как слова, относящиеся к самке и самцу животных.

К тематической подгруппе «самка домашних птиц» относится лексема *курица*, которая обозначает самку петуха: *Молодой человек кинул топор и направился к саду, а старостиха, поймав курицу, подошла к Кузьме* [Бунин. Деревня]. *Мурғ* - «мурғи хонагӣ, мокиён» (домашняя курица) [Назарзода, т.І: 840]: *Ва андар он ҷо ҷонварони обӣ бошанд ва дар ҷумлаи Хуросон он қадар мурғ ва моҳӣ ба ҳосил наёяд* [Таърихи Систон] (Там водные животные, именно в Хорасане нет до такой степени куриц и рыб).

К тематической подгруппе «самец домашних птиц», соответственно, относим лексему *петух*, которая имеет значение «домашняя птица, самец кур с красным гребнем на голове и шпорами на ногах»: *В саду поет иволга. Все прочее стихло, смолкло, даже петухов не слышно* [Бунин. Книга].

Нужно заметить, что среди слов, обозначающих домашних птиц, множество лексем имеют переносное значение, т.е. являются многозначными словами. К таким словам относятся: *утка/мурзобй, цыпка/мурзак, голубь/кабутар, гусь/қоз, курица/мурз, петух/хурус* и т.д.

Лексема *курица* и ее эквивалент в таджикском языке *мурз* являются многозначными словами. Помимо семы животного, у этих слов отмечаются и другие семы. Например, в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова слово *курица*, кроме отмеченного выше значения, имеет еще толкование «мясо курицы или петуха, как пища»: *Поглядывал поп на сторожку у церковной ограды: на крыльце сторожки стояла плетушка, обвязанная скатертью, а в плетушке той были «поповские харчи»: сытные пироги, жареная курица, бутылка водки — то, что полагается притчу за похороны, помимо денег* [Бунин. Веселый двор].

Таджикское слово *мурз* имеет ещё одно значение – «номи умумии парандаҳо, паранда, тайр» (общее название птиц, птица):

Чун аҳди дилам диди, аз аҳд бигардиди,

Чун мурз бипарриди, эй дуст, куҷо рафти?

Если увидел верных моему сердцу, изменил клятве,

Куда ты ушел друг, улетев как птица?

В этом стихотворении слово *мурз* используется не в значении *курицы*, а именно в значении *птицы*. Семантическое различие между словами *курица* и *мурз* проявляется в значениях «мясо курицы или петуха, как пища» и «номи умумии парандаҳо, паранда, тайр». Прямой смысл этих слов совпадает, и по количеству значений они тоже сходятся (поскольку у каждого имеется по два значения).

То же слово *петух*, помимо прямого значения («домашняя птица, самец кур»), оно имеет переносное, синтаксически обусловленное толкование. Как отмечает С.Л. Аكوпова, «синтаксически связанное значение становится понятным потому, что в предложении раскрываются аспекты поведения или характера человека, которые вызывают подобную характеристику. Переносные, синтаксически обусловленные значения зоологизмов обычны, когда последние выступают в качестве сказуемых» [3, с. 90]. Например: *Беда, Клавдия Васильевна, с молодым нашим поколением, беда! Не нравится мне оно, прямо говорю! ... Петухи! И тронуть их нельзя, прямо в область скачут!* [В. Розов].

В словаре Д.Н. Ушакова отмечается еще одно значение этого слова – только мн. «пение петухов, как признак определенного времени суток»: *Просидели всю ночь до петухов (до самой зари). Еще вторые петухи не пропели, и ночь еще стояла такая темная* [А. Тургенев]. Таджикское слово *хурӯс*, так же как и русское слово *петух*, является многозначным. В Толковом словаре таджикского языка под редакцией С. Назарзода слово *хурӯс* имеет только одно значение – «мурғи нари хонагӣ» (самец домашней курицы)[140, с. 463]: *Ва хар соле хар марде он чо як хурӯс бад-у бидушанд пеш аз баромадани офтоб* [Таърихи Наршахӣ], но в другом словаре (Словарь таджикского языка) это слово имеет два значения: 1. «мурғи хонагии нар» (самец домашней птицы); 2. «шоири хуштабъ» (талантливый поэт) [139, с. 510]:

Аз хурусони Хуросон чу мане нест, чӣ суд,

Ки гахи субх хурушон шуданам нагзоранд [Хоқонӣ].

Какая польза от того среди хорасанских талантов нет подобного мне,

Если рано утром не дают показать талант.

Слово *королёк* используется в нескольких значениях «сладкий апельсин с красной – мякотью». Отмечается использование лексемы

королёк в этом значении у Никиты Струве: *У кого «красное, как апельсин **королёк**, солнце», а у кого «расплюснутыми апельсинами просвечивало горевшее в вагоне электричество»?* [Никита Струве. Роман-загадка]. Другое значение данного слова - «петух или курица особо мелкой породы» - мы нашли в произведениях И. А. Бунина. *Это была, конечно, не сова, это был **королек**, - кажется, самая маленькая из всех существующих птиц* [Бунин. Маленький роман]. Слово *королёк* имеет еще одно значение - «небольшой слиток благородного металла, величиной с горошину, обычно получаемый при лабораторной обработке руды» [128, с. 567].

Данное слово в таджикском языке является моносемным, не имеет переносного или неосновного значения. *Саъва* – «парандаест хурдтар аз гунчишк» [140, с. 199]. Надо подчеркнуть, что таджикские слова *саъба* и *саъва* являются синонимами.

Слово *утка* в словаре Д. Н. Ушакова имеет четыре значения: 1. «водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и короткими широко расставленными ногами; самка селезня» [128, с. 498]. *Возле берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеркальная бездна подводного неба, на которой висели, чутким сном спали, спрятав под крыло голову и глубоко отражаясь в ней, **утки**; за прудом влево темнела вдали усадьба Уварова, того помещика, чьим незаконным сыном был Глебочка; за прудом напротив лежали в упор освещённые лунной глинистые косогоры, а дальше - по-ночному светлый деревенский выгон и ряд чернеющих за ним изб ...* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]; 2. «приспособление на борту судна для временного закрепления конца причального каната» (мор). 3. «посуда с длинным носом для приема мочи больных, не встающих с постели».

Обозначение утки как домашней или дикой птицы можно определить только по контексту: домашняя птица – *У Пахомки ни детей, ни тем более воспитанников никогда не было, он испытал*

чувство важности от порученного ему дела, терпеливо натаскивал "практиканта" не только по *утке* на пруду, но и по ближним покосам и полям на тетерю, на рябца, по первоотропу и на зайца [Виктор Астафьев. Пролетный гусь]; дикая птица – Порой казалось, что вернулась зима, белая, очень белая метель заносила в полях щетину рыжих жнивой и большие свинцовые лужи, где плавали дикие *утки*; но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много света, а на станциях чернели мокрые платформы и кричали в голых тополях грачи [Бунин. Казимир Станиславович]. Кроме того, в произведениях И. А. Бунина слово *утка* встречается в значении «мясо этой птицы»: *Именины Веры, завтрак с Самойловыми, они привезли жареную утку* [Бунин. Дневники]. В словаре Д. Н. Ушакова слово *утка* не имеет этого значения.

Так же, как и слово *саъва/королёк*, слово *мурғобӣ/утка* в таджикском языке имеет всего лишь одно значение – «мурғи хонагии обии аз қоз хурдтар, ки паҳннӯли гарданкӯтоҳи панҷаҳояш пардадор аст» (домашняя водоплавающая птица, чуть меньше гуся и имеет короткую шею) [140, с. 842].

В русском языке имеются разные по происхождению и значению омонимы: *утка* «птица» и *утка* «ложный сенсационный слух». В словаре Д. Н. Ушакова отмечается данный омоним *утка* – «ложный сенсационный слух» [128, с. 498].

Слово *гусь* используется в нескольких значениях: «крупная водяная птица, дикая и домашняя» и «самоедская одежда из оленьего меха» [128, с. 155]. Обозначение гуся как домашней или дикой птицы можно определить только по контексту: домашняя птица - *Зазывают - продают этих самых баснословных гусей, огромных, ледяных, в пупырчатой коже.* [Бунин. Жизнь Арсеньева]; дикая птица - *Гуси летят, - с удовольствием говорит Ростовцев, входя в дом в тёплой*

чуйке и тёплом картузе и внося особой зимний воздух. - Сейчас целый косяк видел... [Бунин. Жизнь Арсеньева].

В таджикском языке слово *қоз/гусь* имеет значение «як навъ мурғи обии ваҳши ва хонагии гардандарози калонтар аз мурғоби, ғоз» (дикая и домашняя крупная водоплавающая птица семейства утиных с длинной шеей) [140, с. 686]: *Амир эшонро ба сабру фараҷ хонда дилдорӣ меод, ки дар асно чамоате аз қоз ба хаво мерафт* [Ахмади Дониш].

В таджикском языке есть также фразеологизм «қоз чаронидан» (дословный перевод - пасти гусей), что означает «кори беҳуда кардан» (делать бесполезную работу).

В словаре Д. Н. Ушакова отмечается, что слово *гусь* может использоваться как неодобрительная характеристика человека. Но это значение не подается как отдельное или переносное значение, потому что используется в составе фразеологизмов – *хорош гусь! гусь лапчатый*. Связанное значение имеется и в свободном сочетании, когда используется в значении «мясо птицы»: - *Имейте в виду, тут всегда жареных гусей продают, дешёвка баснословная!* [Бунин. Жизнь Арсеньева]. В обоих случаях перенос значения осуществлен на основе метонимии. Следовательно, можно говорить об отдельном переносном значении «ненадежный или плутоватый человек». *Встретил адвоката Малянтовича. И этот был министром. И таким до сих пор праздник, с них все как с гуся вода* [Бунин. Москва 1918 г.].

Как мы уже отмечали, лексемы *утка* и *гусь* могут обозначать как домашних, так и диких птиц.

Как показывает материал, большинство зоологизмов, обозначающих домашних птиц, являясь многозначными словами в русском языке, в таджикском языке относятся к разряду однозначных слов (*утка/мурғоби, королёк/саъва, гусь/қоз*). Но есть такие таджикские зоологизмы, которые обозначают домашних птиц, при этом имеют более одного значения.

Например, *мурғ, кафтар* и т.д. Надо отметить, что эти зоологизмы в русском языке тоже являются многозначными.

2.2.2. Семантическая характеристика названий диких птиц

Большинство птиц живет в лесах и полях. Одни из них почти все время находятся в кронах деревьев (*синицы/фотимачумчуқҳо, корольки/саъваҳо*), другие - на стволах (*дятлы/эзорсурхакҳо, поползни*), третьи - на земле (*тетерева/титавҳо, рябчики/рябчикҳо, глухари/дурроҷҳо*). К названиям диких птиц можно отнести *аист/лаклак, альбатрос/уқоби баҳрӣ, витютень/харкафтар, воробей/гунҷишк, ворона/зоги ало, выпь/даканг, галка/зогча, гнездарь, гусак/қози нар, дятел/эзорсурхак, златогузка, зяблик/саъва, ибис/ибис, гавдара, иволга/зарғилдоқ, кайра/кайра, кобчик/боша, коршун/чўчабарак, крачка, кречет/шунқор, кулик/лойхурак, лазоревка/момочурзотак, фотимачумчуқ, листonos, лунь/шабкара, огнёвка/шапалак, ореховка, орлан, тукан/доркўб, фазан/мурғи даштӣ, филин/бум, чугз, чибис/шорак* и т.п.

Отметим, что некоторые русские зоолексемы данной тематической группы в «Русско-таджикском словаре» М.С. Осими не имеют ни перевода, ни толкования (*ангинга, атайка, атва, аулан, бажант, вирильдик, вихрун, вичугдан, гнездарь, листonos, орлан* и т.д.).

Слово *ворон* имеет только одно значение - «большая черная хищная птица из семейства вороновых» [128, с. 160]. *На ней сидел, черной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим моё воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил ещё при татарах...* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность].

Воробей – «маленькая серая птичка из семейства вьюрковых» [128, с. 164]. *На подоконник вдруг садился воробей, зорко и бойко оглядывался* [Бунин. Жизнь Арсеньева].

Гунцишк – «парандаи хурди маъруф, чумчук» (известная маленькая птица, воробей) [140, с. 346]. Семантический аспект слов *воробей* и *гунцишк* в анализируемых языках совпадает. Эти слова в обоих языках являются однозначными, и у них одинаковое количество значений.

Русское слово *фазан* имеет значение «крупная птица из отряда куриных с ярким оперением» [128, с. 510]. *Приветствует его теми словами, которые напоминают им обоим Крым, охоты на фазанов, ночевки в татарских саклях...* [Бунин. В поле]. ... *француз-метрдомель, явившийся, чтобы узнать, будут ли господа приезжие обедать, и в случае утвердительного ответа, в котором, впрочем, не было сомнения, доложить, что сегодня лангуст, ростбиф, спаржа, фазаны и так далее.* [Бунин. Господин из Сан-Франциско]. В таджикском языке слово *тазарв, титав/фазан* объясняется как «мурғи даштӣ» (дикая птица) [140, с. 193].

Ястреб – «хищная дневная птица с коротким изогнутым и крючковатым на конце клювом, с длинными острыми когтями, быстро и ловко ловящая добычу и приносящая большой вред сельскому и охотничьему хозяйству» [128, с. 665]: *Мирно-грустную перекличку индюшек, не следить за набегающей сверху жуткой тенью ястреба и не вскакивать, не кричать тонким протяжным голосом: «Шу-у»* [Бунин. Суходол].

Количество значений зоологизов, обозначающих птиц, в сопоставляемых языках не всегда совпадает. Например, русскому слову *ястреб* в таджикском языке соответствует слово *пайғу*, которое является многозначным: 1. *кит.* «номи парандаи шикорӣ аз чинси боша» (хищная, охотничья птица из семейства кречет). 2. «номи мулке дар Ҳиндустон; подшоҳи ин сарзамин» (название страны в Индии; царь этой страны). 3. «яке аз намудҳои хати ҳиндӣ» (один из видов индийской письменности) [140, с. 54]. Как видим, слово *пайғу*, кроме

основного значения, которое обозначает птицу, имеет еще два толкования. Эти два значения не имеют ничего общего с первым значением. Второе значение связано с местом (территорией, краем), которое находится в Индии, третье - с индийской письменностью.

Не только в выше рассмотренных тематических группах, но и в данной тематической группе выделяются многозначные слова. К многозначным словам, обозначающим диких птиц, относятся слова типа *воркун, глухарь, глупыш, древесница, камышевка, лебедка, сатир, синица, турпан, хохлатка, юла, дичь, соловей, сокол, жаворонок, журавль, куку, думчумбон* и т.п.

Слово *дичь* имеет несколько значений: 1. «дикие птицы»: *И, сразу забыв все свои думы, я со всех ног кинулся к нему – подбирать убитых, окровавленных и еще теплых, сладко пахнувших дичью и порохом дроздов* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]; 2. «мясо диких птиц и мелких животных»; 3. «вздор, нелепость, чепуха (разг. фам.)»: *Такую дичь понес, что уши вянут*; 4. «дикое глухое место» [128, с. 294]. *Большевик, йота в йоту повторяет дудочку «Новой жизни» и т. п. В головах дичь, тьма, - ужас вообще! В «Совете Российской республики» говорят больше всего «евреи»* [Бунин. Дневники].

Таджикская лексема *сайд/дичь* означает не конкретную птицу (животного), а птиц, на которых охотятся. Она является многозначным словом – 1. «шикор кардан, шикор» (охотиться, охота). 2. «он чи онро шикор мекунанд, чонвари шикоршаванда» (животное, на которого охотятся) [140, с. 194]. В отличие от выше рассмотренных слов-зоологизов, прямое значение слов *сайд* и *дичь* не совпадает.

Первое значение слова *орёл* - «крупная, очень сильная, с изогнутым клювом птица из семейства соколиных, живущая преимущ. в гористых и степных местностях»: *Тут в скором ли, в долгом ли времени хозяйка оказалась ею недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякого ответа собрала в ночное время*

все, например, самоцветные камни и брошки, какие ей надарили, завязала свое голландское белье в узелочек, да и удалилась в дремучий лес, где, может, только одни орлы скрыжат да рыси по дубам прядают [Бунин. Святые]. Второе значение этого же слова - «российский герб (двуглавый орёл, дореволюц.)» [128, с. 212]. *Но, покоряясь неизбежности, я принимаю за начало моего бытия этот августовский день, эти синие гербовые бумаги с орлами, тихую невыразимую радость, которую они дали мне, - и зеркало* [Бунин. У истока дней]. Кроме этих значений, в словаре Д. Н. Ушакова зафиксировано еще одно значение этого слова – переносное: «блестящий, талантливый, выдающийся человек». *Он до самых последних лет мечтал о совершенной независимости, о героической смелости, его восхищали времена «железных времен, орлов и великанов»...* [Бунин. Куприн].

Кроме выше упомянутых значений, слово *орел* является названием города. В языке произведений И. А. Бунина слово *орел* отмечается в этом значении, т. е. как название города: *Тут, кстати, тотчас же стали убирать со стола и накрывать его к завтраку, а хозяйке вдруг пришла в голову мысль, что уходить мне от завтрака совсем не след, как не след и вообще скоро уезжать из Орла, а Лица отняла у меня картуз, села за пианино и заиграла «Собачий вальс»...* [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность].

Если таджикское слово *пайғу* отличается от своего эквивалента в русском языке многозначностью, то между словами *ястреб/пайғу* несовпадение заключался в том, что Таджикское слово *уқоб/орёл* имеет одно значение – «парандаи чанголдори минқорсахти бузургчусса ва баландпарвоз, ки бо шикори чонварҳои хурд рӯз мегузаронад, бургут» (огромная птица, которая имеет сильный клюв и ногти, летает высоко и охотится на маленьких животных) [140, с. 366].

Как и лексемы *орёл* и *дичь*, *ворона/зог* имеет более одного значения. Прямое значение слова *ворона* – «птица с черным или серым оперением, родственная ворону», реализуется в том случае, когда оно выступает в роли подлежащего или дополнения. Например: *Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным.* Переносное значение – «рассеянный, невнимательный человек» – развилось у слова *ворона* в процессе его использования в явно не характерной для имени существительного функции – сказуемого. Это значение является синтаксически обусловленным: - *Ворона!* – *Перебил он вдруг себя.* – *Пропустил почтовый ящик* [Куприн]. Таджикское слово *зог/ворона* в ФТЗТ имеет только одно значение – «як навъ парандаи сиёхранги калон, ғуроб» (вид чёрных больших птиц, ворон), т.е. обладает только прямым значением, и в отличие от русского языка здесь отсутствует синтаксически обусловленное значение этого слова. Однако в таджикском языке есть имя *Зогак* (или фамилия *Зогаков, Зогакова*). Слово *зогак(ова)* образовано от слова *зог* с помощью суффикса –ак.

В целом, говоря о синтаксически обусловленном значении, надо отметить, что в своей работе «О зоонимической лексике» С.Л. Аكوпова пишет: «... это такое значение, которое реализуется только в тех случаях, когда слово выступает в предложении в определенной синтаксической функции. Почти все значения зоологизов, употребляемых в переносном смысле, являются синтаксически обусловленными» [3, с. 89-91]. К примеру, слово *сорока* в значении «о болтливом человеке» или выше рассмотренное слово *ворона* – «ротозей, зевака».

Подобные слова – названия птиц имеют ассоциативную мотивацию, при которой «значение производного базируется уже не на значении производящего, а на тех или иных ассоциациях, связанных с ним в языковом коллективе. Ассоциации актуализируют определенный

семантический признак, который, как правило, не фиксируется толковыми словарями у мотивирующего слова. Этот признак обычно связан с образными характеристиками и служит основой уподобления: *совет* – «пребывать в дремотном состоянии, как сова днем» [58, с. 497].

В таджикском языке слово *зог/ворон* обозначает то же самое, что и в русском – «як навъ парандаи сиёхранги калон, ғуроб; **зоғи ало** навъи зоғи рангаш алобуло, калоғ» (крупная всеядная птица с блестящим чёрным оперением) [140, с. 525].

В целом, говоря о многозначных зоолексемах, которые обозначают «птиц», отметим, что в русском языке такие зоологизмы, как *голубка, пава, ласточка, лебедушка, петушок*, имеют ласкательное значение и довольно часто употребляются при обращении к какому-либо лицу мужского или женского пола. А в таджикском языке такие слова, как *чуца, булбул*, имеют ласкательный оттенок, однако ласкательное значение этих слов словарем не зафиксировано (в отдельных (южных) диалектах эти слова имеют ласкательное значение).

2.3. Семантическая характеристика тематической группы слов со значением «животные, обитающие в воде, на воде»

Рыбы – постоянные обитатели водной среды. Они живут почти во всех водоемах Земли: в океанах, морях, реках, озерах. Названия животных, обитающих в воде/на воде, занимают особое место в ряду семантических групп. В группу животных, обитающих в воде/на воде, входят такие слова со значением «животный мир», как *акула/наҳанг, сельдь/шурмоҳи, губка/исфанч, кашалот/вол, кит/кит, омар/харчангибахри, рак/саратон, рыба/моҳи, краб/харчанг, навага/симмоҳӣ, плотва/чумчумамоҳӣ, анчоус/хамса, шемая/воламоҳӣ* и т.д.

Зоолексема *кашалот* имеет одно значение – «млекопитающее из отряда зубастых китов» [128, с. 545]: *Кряжистый мужик русских крепостных времен? Приап? Кашалот?* [Бунин. Волошин].

Слово *вол/кашалот* в ФТЗТ имеет несколько значений: 1. «навъе аз моҳиёни пулакчадор» (вид чешуйчатых рыб). 2. «наҳанг, кит» (акула, кит) [140, с. 281]. Следует отметить, что есть еще одно слово, которое пишется так же, как и слово *вол*, но имеет совсем другое значение: «навъе порчай ҳарири нозук ва марғуб», то есть является омонимом слову *вол*.

Со значением слово *кашалот* совпадает второе значение таджикского слова *вол* (наҳанг, кит).

Семантика лексем *нельма* и *сафедмоҳӣ* в анализируемых языках совпадает, эти зоологизмы имеют только прямое значение, т.е. у них не отмечается переносное значение. *Нельма* – «хищная рыба северных рек из семейства лососевых». *Сафедмоҳӣ* – «як навъ моҳии сафед, ки аслан дар дарёҳои кӯҳӣ зиндагӣ мекунад» (вид белых рыб, в основном обитает в горных реках) [140, с. 223].

Расширение семантики слов со значением «животный мир» связано с ассоциативным употреблением. И в русском, и в таджикском языке каждое слово с семой «животных» в переносном значении имеет свой смысловый объем, свой дифференциальный признак, свойственный данному слову.

В тематической группе «животные, обитающие в воде/на воде» отмечаются слова, которые имеют помимо прямого, основного значения еще и переносные, вторичные (неосновные) значения. К таким словам относятся: *акула/наҳанг*, *рак/харчанг*, *вьюн/мормоҳӣ*, *горбунок/аспакмоҳӣ*, *голец/моҳичаи обҳои ширин*, *жерех/зағорамоҳӣ*, *иваси/ивасӣ*, *камбала/камбала*, *карась/карас*, *креветка/креветка*, *минога/мормоҳӣ*, *единорог/нарвал*, *камса\камса*, *губка/исфанҷ*, *рыба/моҳӣ*, *краб/харчанг*, *полип/полип*, *аллигатор/аллигатор* и т.д.

Слово *акула/наҳанг* в русском и таджикском языках имеет и прямое значение, и переносное. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова семантическая структура зоолексемы *акула* описана так:

«крупная хищная морская рыба»; перен. «корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор» (газет., ритор.). *Акулы капитализма* [128, с. 38].

Таким образом, прямое (основное) значение этого слова - животное, морская рыба: *Ряды лавок, вернее, навесов, крытых черной черепицей, увешанных огромными связками бананов, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожих банщиков* [Бунин. Братья]. А в переносном (неосновном) значении данная зоолексема ассоциируется с корыстным человеком.

Семантическое содержание таджикского слова *наҳанг/акула* в «Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ» под редакцией С. Назарзода раскрывается следующим образом: «Як навъ ҳайвони баҳрии калон» (вид больших морских животных). У этой зоолексемы есть и переносное значение – «*кит*; . *кит. маҷ. Мубориз, паҳлавон*» (борец, богатырь) [140, с. 904]. Как и в русском языке, здесь прямое или основное значение данного слова связано с животным, обитающим в воде, а переносное или неосновное значение ассоциируется с отважным, смелым человеком.

В целом, в словах *акула* и *наҳанг* прямые значения вполне совпадают, а их переносный смысл в каждом языке ассоциируется по-разному: в одном случае с корыстным человеком, а в другом - с отважным человеком.

В словаре Д. Н. Ушакова слово *рыба* имеет и прямое значение «живущее в воде позвоночное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами, с холодной кровью и с кожей, покрытой обычно чешуей», - и переносное: «о человеке вялом, неэнергичном, равнодушном, бесстрастном» [128, с. 124]. Примером прямого значения слова *рыба* может служить следующий контекст из произведений И. А. Бунина: *Торговал только рынок на маленькой площади – рыбой и зеленью, и были на нем одни простые люди, среди которых, как всегда без всякого дела, стоял Лоренцо, высокий старик-*

лодочник, беззаботный гуляка и красавец, знаменитый по всей Италии, не раз служивший моделью многим живописцам... [Бунин. Господин из Сан-Франциско]. *Как пойманная рыба, затрепетало сердце Волги* [Бунин. Волга].

В таджикском языке слово *моҳӣ/рыба* обозначает «чонвари обӣ, ки баданаш бо пулакчаҳо пӯшида шудааст ва бо ғалсамаҳо нафас мегирад» (водное, чешуйчатое животное, которое дышит жабрами): *моҳӣ гирифта*, *моҳӣ доштан* [140, с. 818] и является однозначным словом.

Жук – «насекомое, имеющее жесткие надкрылья»: - *Ехал через лес Тургенева вечерней зарей: свежая зелень в лесу под ногами, звезды в небе, запахи цветущей ракиты, вянущего березового листа, звуки соловьев, шум жуков, кукушка, - кукушка, и уединение, и приятное под тобой, бодрое движение лошади, и физическое и душевное здоровье* [Бунин. Освобождение Толстого]. *Гамбуск* – 1. «номи калонтарин гурӯҳи хашароти маъруф аст» (название семейства известных насекомых).

Так, за зоолексемой *жук* в русском языке закрепилось значение «выпуклое металлическое украшение, напр. на книжном переплете» (спец. устар.).

В таджикском языке зоолексема *гамбуск/жук* имеет главным образом, переносное значение «киноя аз одами мисли гамбуск зишти зараррасони дар гирди чизе чамъшуда ва ба он часпида гирифта» (намёк на вредоносных людей, собравшихся вокруг чего-то) [140, с. 297].

Анализ вышеизложенного материала, показал высокую степень образности, сильное содержание номинативности, присущие большинству зоологизмам русского и таджикского языков. Эти признаки проявляют себя именно через семантическую деривацию, когда у общеизвестного слова появляется новый, дополнительный

смысл, находящий свое выражение в синтаксически связанных значениях наименованиях животных.

При анализе рассматриваемых таджикского и русского языков были выявлены слова, которые не имеют эквивалента в другом языке, то есть то, что имеет название в одном языке, никак не называется в другом. Среди зоолексем русского и таджикского языков есть не только множество сходств, но и существенные различия. Эти различия проявляются в результате отсутствия эквивалента в другом языке.

Как показывают языковые факты, в данном тематическом классе имеется значительное количество слов, которые не имеют соответствий в другом языке. Особенно это касается русских слов, обозначающих животных, обитающих в воде/на воде, которые не имеют эквивалента в таджикском языке.

На наш взгляд, (как было отмечено в первой главе) подобное положение обусловлено тем, что на территории Таджикистана очень мало мест, где могут обитать водные животные (рыбы), в связи с чем некоторые из зоологизмов не имеют своего названия в таджикском языке. Примером подобных лексем со значением «животный мир» могут служить *красноёрка*, *линь*, *нарвал* и т.д. Например, слово *нарвал* в «Русско – таджикском словаре» под редакцией М.С. Осими имеет следующее толкование: «ҳайвони баҳри аз оилаи делфинҳо» [106, с. 532]. Таким образом, в русском языке было обнаружено большое количество зоологизмов, которые не имеют соответствий в таджикском языке, например, *ерш*, *лоцман*, *налим* и т.д.

Особо следует подчеркнуть, что есть слова со значением животных, обитающих в воде/на воде, которые вообще не имеют ни перевода, ни толкования в таджикском языке. К ним относится, например, слово *мирон* - «речная рыба из семейств карповых, водящаяся на юге России» [25, с. 1048]. К этой же категории относятся русские зоологизмы, как *колюшка*, *подлещик*, *аргаш*, *бобырь*, *баланит* и т.д., которые не переводимы и не имеют толкования в таджикском языке.

Колюшка – «небольшая рыба с колючками перед спинным плавником и на брюхе». В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова слово *аргаиш* не отмечается, а в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля имеет значение «пестрая рыба, род форели или лосося».

Подобные слова называются лакунами. Лакуны, будучи национально-специфичными, в наибольшей степени отражают особенности менталитета того или иного народа. Лакуны зоонимического фонда указывают на несовпадения, расхождения в системе понятий, которыми владеют представители различных языков.

Следует иметь в виду, что немало зоолексем обладают оценочным (одобрительный или неодобрительный) компонентом. Отметим, что на основе образного представления о том или ином животном появляются оценочные компоненты того или иного зоологизма. Оценочные слова со значением «животный мир» свойственны для описания человека в обществе, они отражают национальную самобытность языков через систему оценочных образов, свойственных данному народу.

Эти слова (оценочные зоолексеммы) нередко передают иронию, неуважение, характеризуют определенные свойства человека. Например: русское слово *корова* – толстая, неуклюжая женщина, таджикское слово *гов* – нодон, аблах, ахмак (глупый, бестолковый, тупой); *обезьяна* – очень некрасивый человек, *маймун* – одами камфаросати муқаллид (неумный человек, кривляка) и т.д. Как показывают примеры, в сопоставляемых языках оценочный момент вызван специфическим смысловым содержанием, вложенным в зоологизм, т.е. эмоциональной окрашенностью, которая как бы накладывается на общее значение зоологизма, и сообщает ему оценочный оттенок, являясь неотъемлемой, объективно существующей и закрепленной частью смысловой структуры слова.

Таким образом, согласно Л.А. Закировой, экспрессивность зоологизмов есть усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы слова [62]. Все, что делает слово более ярким,

воздействующим, впечатляющим, есть экспрессия. Один из существенных признаков экспрессивности зоонимов состоит в том, что он всегда связан со своеобразным смысловым оттенком, который позволяет говорящему выражать свое отношение. Экспрессивный оттенок зоологизмов – презрительно-пренебрежительный.

В русском и таджикском языках зоолексемы довольно широко используются в профессиональной, фамиллярно-разговорной речи и в жаргонах. Контрастивный анализ семантики русских и таджикских зоологизмов показывает, что лексика играет непосредственную роль в формировании языковой картины мира, являющейся итогом познания человеком объективной действительности.

Выводы по второй главе

Вторая глава «Тематическая и семантическая характеристика слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках» состоит из 3 параграфов. Здесь рассматриваются тематические группы слов со значением «животный мир».

В этой главе выделены следующие тематические группы: 1) названия животных, обитающих на поверхности земли, которые подразделяются на названия домашних и диких животных; 2) названия птиц: домашние птицы, дикие птицы; 3) названия животных, обитающих в воде, на воде.

В каждой тематической группе рассматриваются однозначные таджикские и русские зоологизмы. В каждой тематической группе рассмотрены также многозначные таджикские и русские зоолексемы.

Сравнение семантики зоологизмов, денотатами которых являются одно и то же животное или животные одного класса, позволило обнаружить наличие параллелизма в образовании у них вторичных значений. Это свидетельствует о существовании живой связи между первичными и вторичными значениями зоологизмов, об обусловленности системы

вторичных значений реальными свойствами первоначального денотата зоолексемы.

Не только прямое, но и переносное (вторичное, неосновное) смысловое содержание слов со значением «животный мир» в каждом из анализируемых языков играет важную роль, обогащая словарный состав языка. Зоолексемы ассоциируются с людьми разного характера, разного поведения и т.д. Образные, экспрессивные устойчивые сочетания слов с зоологизмами часто используются в художественной и публицистической литературе.

Язык является компонентом культуры, важнейшим средством её формирования и сохранения. Единицы языка представляют собой «зеркало народной культуры, народной психологии и философии» [129, с. 72].

Во второй главе рассмотрены тематические группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках, характеризующих человека, действия человека и признаки человека.

Изучение языка, следовательно, позволяет увидеть мир изнутри этноязыкового сознания, сформированного соответствующей культурой [137].

Таким образом, в русском и таджикском языках слова со значением «животный мир» играют важную роль в обогащении словарного состава сопоставляемых языков производными значениями. Именно благодаря системности языковых значений возможно познание наивного образа мира того или иного народа, лежащего в основе его ментальности.

Кроме того, слова со значением «животный мир» часто используются для именованя людей. В таком случае они подбираются с точки зрения их силы, качества и умения. В сопоставляемых языках можно отметить большое количество таких слов: *Волков, Медведев, Быков, Баранов, Гург (Гургак), Зогак (Зогаков), Шеров* и т.д.

Компонент-зооним играет очень важную, определяющую роль и в семантической структуре фразеологизмов. Входя в состав фразеологизма,

благодаря своему символическому значению, первоначально соотнесённому с повадками того или иного животного, он жёстко формирует значение всего фразеологического ряда, в состав которого входит этот компонент.

Глава III. Словообразовательная характеристика слов со значением «животный мир»

3. 1. Общие сведения о словообразовании

Русский и таджикский языки, как и другие языки, находятся в постоянном изменении, развитии и динамике. Одним из главных факторов развития языка является обогащение словаря. Все изменения, которые происходят в социальной, культурной и остальных сферах жизни человека связаны с самым подвижным пластом языка - лексика, поскольку именно слово является «зеркалом жизни».

Неизменный интерес современного языкознания к различным аспектам словообразования объясняется тем, что слово является центральной единицей языка.

В лингвистической науке сам термин «словообразование» неоднозначен. Им принято называть разные лингвистические явления. Под словообразованием понимается процесс создания новых слов на базе существующих языковых единиц. В этом аспекте словообразование рассматривается как одно из важнейших средств пополнения словарного состава языка. Новые слова в языке образуются по определенным правилам, моделям, схемам – по определенным образцам, которые образуют определенный языковой механизм, который и называется словообразованием.

Термин словообразование обозначает раздел языкознания, изучающий процессы образования производных слов и их строение. В языке различают производные слова (*аистёнок, ящерка, яловица, ягнёнок, кабанчик, бузича, гунчишкак, харгушак*) и непроизводные слова (*скот, рысь, вошь, жук, чорпо, шабушк, гамбуск*).

Термин «словообразование» употребляется в двух значениях: В первом своем значении обозначает словообразовательный уровень языка, во втором - для выражения постоянного процесса образования новых слов в языке. Как русский, так и таджикский язык находятся в состоянии непрерывного

развития, включающего определенные языковые процессы, в том числе и создание новых лексических единиц. Структура каждого некорневого, а также многих в настоящее время корневых слов представляет собой итог процесса образования этих слов.

Главной задачей словообразования является изучение формальных, семантических, генетических и других свойств образования новых слов, которые появляются в процессе развития языка. Лексические единицы образуются по определенным словообразовательным схемам, исторически сложившимся в данном языке.

Словообразование составляет промежуточный ярус языка. Главным объектом словообразования являются производные слова. Словообразование изучает строение производных слов, а также средства, с помощью которых они образуются.

В широком понимании словообразование как наука включает и морфемику (не только словообразовательную, но и словоизменительную). В узком понимании словообразование представляет собой лишь учение о законах образования слов, их структуре, типах производных слов, средствах, используемых при создании слов, способах словообразования [121, с. 91]. Современный русский и таджикский языки располагают многими способами образования новых слов, к числу которых относятся словопроизводство, словосложение, конверсия, сокращения, лексико-семантический способ и т.д. Однако не все эти способы в одинаковой степени являются продуктивными в отношении тех или иных частей речи. Мы рассмотрим только те способы словообразования, которые нашли отражение при номинации животных, также рассмотрим их степень продуктивности.

3.2. Морфологический способ образования названий животных в русском и таджикском языках

Наиболее продуктивным в обогащении лексики современного русского и таджикского языков является морфологическое словообразование, т.е. создание новых слов на базе имеющегося в языке строительного

материала путем закономерного сочетания морфем в слове. Основные виды морфологического словообразования, действующие в современном русском и таджикском языках, следующие: сложение, безаффиксный способ словообразования и аффиксация.

3.2.1. Аффиксация в русском и таджикском языках

Как в таджикском, так и в русском языке аффиксация является одним из самых продуктивных способов словообразования. Она представляет собой способ образования слов при помощи аффиксов, т.е. присоединение аффиксов к корню или основе.

В сопоставляемых нами языках аффикс легко присоединяется и выделяется в словообразовательной структуре слова как словообразовательный элемент.

Аффикс обладает свойством частотности употребления, в зависимости от которого бывает продуктивным и непродуктивным. Он должен образовать новое слово от разных основ (имеющие другое происхождение), а не только от одного слова, первоначально первообразующим для него.

Как утверждает Никитин, аффикс - это морфема, которая в процессе своего развития получила абстрактное значение, свойственное определенному классу слов, и которая при присоединении к основе, изменяет значение [91, с. 33].

В лингвистике отмечается разные классификации аффиксов, соответственно принципам их анализа. Например, классификация аффиксов может основываться на значениях, которые они придают словам. Аффиксы также можно классифицировать по лексико-грамматическому принципу, т.е. к какой основе присоединяется суффикс. Одной из важных особенностей русской и таджикской аффиксальной системы является большая свобода в объединении аффиксов с основами.

Одним из важных классификационных признаков является принадлежность к определенной части речи словообразовательных баз, к которым примыкают аффиксы.

В словообразовательной системе таджикского и русского языков наблюдаются разные явления, когда в словах различных частей речи типы аффиксации – суффиксация и префиксация - представлены в разном количественном соотношении. Надо отметить, что в русской словообразовательной системе наблюдаются большая роль префиксации при образовании новых слов, но в образовании слов со значением «животный мир» данный способ словообразования непродуктивен. В таджикском языке префиксальный способ словообразования вообще ограничен.

Дальнейшая систематизация аффиксальной системы сопоставляемых языков связана с установлением инвентаря аффиксации и семантических признаков аффиксов, охватывающих типы и виды классификаций на основе учета анализа тех или иных характеристик аффиксальных морфем. Как известно, подобная классификация охватывает такие общие признаки аффиксов, как места аффикса отношению корневой морфеме, в зависимости от которого выделяются постпозитивные (суффиксы) и препозитивные (префиксы) аффиксы [152, с. 154].

Исследуя языковой материал можно говорить о том, что число аффиксальных морфем также можно рассматривать как один из признаков типологической характеристики производных слов.

В сопоставляемых языках аффиксальное словопроизводство в плане своей типологии имеет как сходные, так и различные черты. В анализируемых языках следует выделить такие типы лексем как: а) суффиксальный; б) префиксальный; в) префиксально-суффиксальный.

3.2.2. Суффиксальный способ в русском и таджикском языках

Суффиксальный способ словообразования осуществляется путем прибавления к производящей основе суффикса. С помощью суффиксов

образуются имена существительные от существительных, прилагательных, глаголов, числительных [32, с. 134].

Имя существительное русского и таджикского языков в словообразовательном отношении является самой богатой частью речи. Довольно значительно представлена суффиксация, которая позволяет производить существительные от основ различных частей речи.

На базе имен существительных возникают существительные, выражающие «отношение к предмету, названному в производящей основе» или обладающие модификационными значениями.

Эти отношения очень разнообразны. Они выражаются с помощью многочисленных суффиксов. При создании слов тематической группы «животных» использовались следующие словообразовательные типы и модели в русском языке.

При наименовании самок использовались следующие словообразовательные типы:

1. Основа названия животного + суффикс -иц(а): *волк - волч-иц-а, лев - лев-иц-а, тигр - тигр-иц-а, медведь - медвед-иц-а, осёл - осл-иц-а, верблюда - верблюд-иц-а, буйвол - буйвол-иц-а;*

2. Основа названия животного + суффикс -их(а): *еж - еж-их-а, морж-морж-их-а, слон - слон-их-а, осел - осл-их-а, зубр - зубр-их-а, рысь - рыс-их-а, бобр - бобр-их-а, воробей - воробь-их-а, лось - лос-их-а, медведь - медвед-их-а;*

3. Основа названия животного + суффикс -к(а): *перепел - перепел-к-а, голубь - голуб-к-а, лебедь - лебед-к-а, воробей - вороб-к-а, глухарь - глухар-к-а;*

4. Основа названия животного + суффикс -ын(я): *гусь - гусыня.*

Как показывает материал, в русском языке с помощью нескольких суффиксов (-иц(а), -их(а), -к(а), -ын(я)) образуются слова, обозначающие самки животных. В таджикском языке данный способ – образование слов, обозначающие самки животного не продуктивен, поскольку, как выше

отметили, в таджикском языке нет категории рода (в таджикском языке слова, обозначающие самок животных образованы способом основосложения, например: *модагов, модахар, модашер* и т.д.).

При наименовании детенышей животных в русском языке использовались следующие словообразовательные типы:

1. Основа названия животного + суффикс –к(а): *ящер – ящер-к-а*;
2. Основа названия животного + суффикс –онок/-ёнок: *орёл – орл-ёнок, грач – грач-онок, волк – волч-онок, тигр – тигр-ёнок, козел – коз-л-ёнок, индюк – индюш-онок, голубь – голуб-ёнок* и т. п.
3. Основа названия животного + суффикс –енец: *птица – птенец*;
4. Основа названия животного + суффикс –ок: *бык – быч-ок*;
5. Основа названия животного + суффикс –ёныш/ -оныш: *зверь – звер-ёныш, зме(я) – зме-ёныш, гусь – гус-ёныш, ут(ка) – ут-ёныш, уж – уж-оныш*.

В таджикском языке при наименовании детенышей животных использовались следующие словообразовательные типы:

1. Основа названия животного + суффикс –ча: *саманд – саманд-ча*.
2. Основа названия животного + суффикс –ича: *буз – буз-ича*.
3. Основа названия животного + суффикс –ак: *харгӯш – харгӯш-ак, хирс – хирс-ак*.

Надо отметить, что слово *хирсак* образованное с помощью суффикса – ак (от слово *хирс*) в Словаре таджикского языка М.Ш. Шукурова имеет 3 значения: 1. хирси майда, хирси хурд, хирсбача (детеныш медведья); 2. номи як навъ бозии бачагон, ки яке аз онҳо монанди хирс ба дасту по истода гавак мекашад:

Устоду муаллим чу бувад камозор,

Хирсак бозанд кӯдакон дар бозор [С а ь д й].

Если учитель и наставник беззаботный,

То дети играют на базаре (перевод аспиранта).

Третье значение этого слова – «як навъ қолини серпат»:

Токро аз баргҳо дар зери хеш пушти хуччат пора-пора ва сарвро аз торҳо дар пушти худ чули хирсак тикка-тикка (Тугро) [139, с. 1430].

Интересный пример встречается со словом *мӯрча*. По данным «Забони адабии ҳозираи тоҷик» суффикс –ча сначала как формообразующая морфема присоединилась к этому слову (*мӯр* + *ча*), потом по истечении времени терялось или ослабилось использование данного слова в значении «маленький», т.е. слово *мӯрча* перестала использоваться в своем значении и приобрело новое значение, которое обозначает животного – *мӯрча/муравей*.

В русском языке при создании уменьшительно-ласкательных наименований использовались следующие словообразовательные типы:

1. Основа названия животного + суффикс –к(а): *рыба* – *рыб-к-а*, *муха* – *муш-к-а*, *корова* – *коров-к-а*, *заяц* – *зай-к-а*, *змея* – *змей-к-а*, *кобыла* – *кобыл-к-а*, *лошадь* – *лошад-к-а*, *пчела* – *пчёл-к-а*, *собака* – *собач-к-а*;

2. Основа названия животного + суффикс –яг(а): *конь* – *кон-яг-а*;

3. Основа названия животного + суффикс –ок/ёк: *жук* – *жуч-ок*, *голубь* – *голуб-ок*, *кот* – *кот-ок* (народно-пожтич.), *петух* – *петуш-ок*, *гусь* – *гус-ёк*, *зверь* – *звер-ёк*;

4. Основа названия животного + суффикс –ек: *баран* – *бараши-ек*;

5. Основа названия животного + суффикс –ушек: *воробей* – *вороб-ушек*;

6. Основа названия животного + суффикс –ёнк(а): *лошадь* – *лошад-ёнк-а*;

7. Основа названия животного + суффикс –чик: *кабан* – *кабан-чик*;

8. Основа названия животного + суффикс –ушк(а): *зверь* – *звер-ушк-а*;

9. Основа названия животного + суффикс –ик: *ёж* – *ёж-ик*, *кот* – *кот-ик*;

10. Основа названия животного + суффикс –очк(а): *курица* – *кур-очк-а*;

11. Основа названия животного + суффикс –ич + -к(а): *птица* – *пт-ич-к-а*;

12. Основа названия животного + корень оч + суффикс –к(а): *телка – тел-оч-к-а*.

При создании уменьшительно-ласкательных наименований животных в таджикском языке использовался суффикс –ак.

Основа названия животного + суффикс –ак: *буз – буз-ак, гург – гург-ак, саг – саг-ак, каждум – каждум-ак, мурғ – мурғ-ак, гунчишик – гунчишик-ак, муш – муш-ак, харгушак – харгуш-ак* и т.д.

Как показывает материал, в русском языке отмечается больше суффиксов, с помощью которых образуются уменьшительно-ласкательные наименования животных, чем в таджикском языке.

В сопоставляемых языках отмечаются и другие зоонимы и зоологизмы, которые образуются с помощью разных суффиксов. Например, в русском языке слова *клячонка, иноходец* и т.п. образованы с помощью суффикса –онк (*кляч+онк+а*) и –ец (*иноход+ец*).

В таджикском языке с помощью суффикса –ка образуются слова со значением «животный мир». Например, некоторые существительные, которые называют птиц и других животных, образуются от существительных и глаголов в форме настоящего времени с помощью суффикса –ак:

Существительное + глагол (наст. вр.) + суффикс –ак: *шабпарак – шаб-пар-ак, тортанак – тор-тан-ак, моҳихӯрак – моҳи-хӯр-ак, лойхӯрак – лой-хӯр-ак, бодхӯрак – бод-хӯр-ак* и т.д.

Существительное + прилагательное + суффикс –ак: *эзорсурхак – эзор-сурх-ак*.

В таджикском литературном языке часто используются сложные слова, состоящие из трех частей (самостоятельных слов), но подобные сложные слова, которые обозначают животного, образуются редко (в основном с помощью суффикса –ак). Примерами таких слов могут служить лексемы *курушабпарак, сангобдавак*, которые образованы из трех самостоятельных слов и суффикса –ак:

Существительное + существительное + глагол (наст. вр.) + суффикс – ак: *курушабпарак* – *курушаб-пар-ак*, *сангобдавак* – *санг-об-дав-ак*.

Кроме того, в таджикском языке с помощью этого же суффикса от существительных и прилагательных образуются слова, обозначающие «животный мир». Например, от существительного *кирм* (*червь*) способом прибавления суффикса –ак образуется новое слово *кирмак* (*шелкопряд*), которое обозначает другое животное (*кирм+ак*). Слово *хомушак* (в значении животного) образовано с помощью суффикса –ак (*хомуш+ак*) и относится к суффиксальному способу словообразования.

Таким образом, отметим, что суффикс –ак в таджикском языке является высокопродуктивным суффиксом. Именно посредством этого суффикса создано немало количество зоологизмов.

Основываясь на сопоставительном анализе языкового материала, отметим, что в современном таджикском и русском языках слова со значением «животный мир» образуются с помощью различных словообразовательных суффиксов, однако не все они обладают одинаковой продуктивностью.

Анализ межъязыковых соотношений показывает, что суффиксальный способ словообразования зоонимической лексики и в таджикском, и в русском языке является продуктивным способом. В русском языке отмечаются больше суффиксов, с помощью которых образованы слова со значением «животный мир».

3.2.3. Префиксальный способ в русском и таджикском языках

При префиксальном способе словообразования новые слова образуются с помощью префикса, т.е. за счет прибавления префикса к производящей слове. В словообразовании префиксальный способ является высокопродуктивным способом (особенно при образовании глаголов). Но в сопоставляемых нами языках в образовании слов со значением «животный мир» данный способ является непродуктивным. Для таджикского языка не характерен образование существительных префиксальным способом. В

современном таджикском языке для образования существительных используется только один суффикс (хам-). Другие древние суффиксы перешли в состав основы.

3.2.4. Префиксально-суффиксальный способ

в русском и таджикском языках

Префиксально-суффиксальный способ словообразования заключается в одновременном присоединении к производящей основе и суффикса и префикса. В зоонимической лексической системе русского языка представлены лексемы, образованные различными словообразовательными моделями, основанными на присоединении префикса и суффикса к производящей основе.

В таджикском языке префиксально-суффиксальный способ словообразования является непродуктивным.

Как отмечается в «Забони адабии ҳозираи тоҷик» (современный таджикский литературный язык), префиксально-суффиксальный способ словообразования, т.е. к производящей основе одновременное присоединение и суффикса и префикса не характерно для таджикского языка.

Такие русские слова, как *выползень*, *беззубка*, *подлещик*, *накожник*, *наседка* образованы одновременным присоединением к производящей основе приставок *вы-*, *без-*, *под-*, *на-* и суффиксов *-ен*, *-к*, *-ик*, *-к*, *-ник*, *-к-*, т.е. префиксально-суффиксальным способом словообразования.

При наименовании животных использовались следующие словообразовательные типы:

1. Приставка *вы-* + корень + суффикс *-ен*: *вы-полз-ень*;
2. Приставка *без-* + корень + суффикс *-к(а)*: *без-зуб-к-а*;
3. Приставка *под-* + корень + суффикс *-ик*: *под-лещ-ик*;
4. Приставка *на-* + корень + суффикс *-ник*: *на-кож-ник*;
5. Приставка *на-* + корень + суффикс *-к(а)*: *на-сед-к-а*.

3.2.5. Сложение в русском и таджикском языках

Сложение – это такой способ морфологического словообразования, при котором путем объединения двух и более основ образуется новое слово, например: *шелкопряд, чернобурка, типограф, остронос, белорыбица, сафедмоҳӣ, мурғобӣ, сағобӣ, шутурмурғ, харғуш, харчанг, чорпо, чилпо, ҳазорпо, шутурговпаланг* и т.д.

Путем основосложения образуются сложные и сложносокращенные слова. Сложение основ в русском языке обычно производится посредством соединительных гласных *о* и *е* (*трясогузка, оленебык*), но нередко основосложение осуществляется и без соединительной гласной (*муравьед*) [32, с. 134].

В таджикском языке сложение основ с помощью соединительных гласных малопродуктивно (*барзагов*). В основном сложение производится без соединительной гласной (*сағбача, гурғбача, мормоҳӣ, эзорсурхак*).

Различают сложение слов и сложение основ. В русском языке при сложении слов образуются составные слова, которые пишутся через дефис, или полуслитно: *молот-рыба, ёж-рыба, луна-рыба, жар-птица, луна-рыба, игла-рыба*. Правописание этих слов регулируется правилами орфографии.

Основываясь на материале исследования, отметим, что образование зоологизмов при сложении слов, в результате которого образованные слова пишутся через дефис, или полуслитно не характерно для грамматического строя таджикского языка.

В русском языке данный способ в основном образуется при помощи соединительного гласного, а в таджикском языке без интерфиксов. Эти специальные названия отмечены не только в отраслевых, но и в общих толковых словарях: *тигрокот, овцебык, оленебык* и др. Компоненты такого типа сложных зоологизмов интегрируются сочинительными или подчинительными отношениями соответствующих словосочетаний. Деривационное значение данного типа определяется посредством отражения семантики производящих основ в производных, которые характеризуются

эквивалентными или взаимодополняющими отношениями, т.е. оба члена или логически равноправны (*овца + бык → овцебык*, *олень + бык → оленебык*), или семантически удалены друг от друга (*ворпчел → пчеловор* (дятел), *грызун листьев → листогрызун*, *вестник бури → буревестник*, *барз гов → барзагов*).

Некоторые слова со значением «животный мир» в сопоставляемых языках созданы интерфиксацией, осложненной суффиксации (*дуплогнездник* (птица)), а также мотивированы сочетанием существительного с другими частями речи (*однодневка* «насекомое, живущее один день; бабочка-однодневка», *осьминог* «морское животное из рода головоногих моллюсков, с мешкообразным телом и восемью длинными щупальцами с присосками» (устар. осьмь «восемь»), *двухвостка* «название отряда бескрылых насекомых с членистым телом, заканчивающимся парой членистых нитей» *двух* (*трех...*) *летка* «животное в возрасте двух (трех...) лет), *тортанак* «анкабут» (паук), *сороконожка* «наземное членистоногое животное с червеобразным телом и большим количеством ножек»).

В русском языке небольшую группу представляют сложные составные термины – билексемы (термин Р.И. Хашимова), образованные по образцу «слово+слово», для которых характерно не отсутствие нулевого интерфикса, который графически заменяется дефисом, а отношение интеграции, основанной на агглютинации, т.е. отсутствие в ретроспекции сочинительных или подчинительных отношений между компонентами сложного слова: *попугай-рыба* (рыба), *молот-рыба* (рыба), *лягушка-бык* (лягушка), *жук-олень* (жук), *жук-носорог* (жук), *воробей-сторож* (воробей), *муравей-вор* (муравей), *птица-носорог* (птица), *орел-могильщик* (орел), *орел-долгохвост* (орел), *лебедь-кликун* (лебедь), *лебедь-трубач* (лебедь), *лебедь-шипун* (лебедь), *пчела-плотник* (пчела) и т.д.

Данный словообразовательный тип является непродуктивным для исследуемого пласта лексики в таджикском языке.

Надо отметить, что с точки зрения семантической структуры производящей базы в русском языке выделяются такие типы билексем, как:

1) зооним + зооним типа *лягушка-бык* (ящерица), *жук-олень* (жук), *жук-носорог* (жук), *птица-носорог* (птица), *крабод-обезьяна* (обезьяна), *сом-касатка* (сом), *рак-богомол* (рак), *лягушка-вол*, *клоп-черепашка* и т.д., в которых каждый компонент обозначает животное, принадлежащее какому-либо другому типу.

2) интеграция зоонима и незооморфного слова (*жабы-долгожители*) или смешанные билексемы-зоологизмы, образованные сложением зоологизма и слова, обозначающего артефакт или субъект действия: *ремень-рыба* (рыба), *пила-рыба* (рыба), *молот-рыба* (рыба), *воробей-сторож* (воробей), *муравей-вор* (муравей), *лисица-мать* (лиса), *волк-отец* (волк).

3) объединение двух незооморфных слов: *толстоголовка-запятая* (бабочка). Метафорические билексемы-зоологизмы образованы сложением слов, не обозначающих изначально животных. Данный тип характеризуется сложением компонентов, не относящихся к таксономическому разряду «животные», а билексема-дериват в целом обозначает зоологический объект: *стрелка-девушка* (бабочка). В этом типе зообилексем слова строятся по модели «определяемое + определяющее», в котором оба компонента билексемы выражают единую, композиционную номинацию животного, для которого характерны признаки двух номинаций.

Наиболее большую группу слов со значением «животный мир» составляют единицы, образованные от сложных прилагательных при помощи нулевых или материально выраженных суффиксов: *обезьяна с долгой* (длинной) *пятой* → *долгопятая* (обезьяна) → *долгопят*; *утка с широким носом* → *широконосая* (утка) → *широконоска*; *бабочка с толстой головой* → *толстоголовая* (бабочка) → *толстоголовка*; *жук с долгим* (длинным) *носом* → *долгоносый* (жук) → *долгоносик* и др.

Семантическая структура сложного прилагательного, обуславливающего создание зоологизма при помощи нулевого суффикса, состоит из двух моделей. В первой модели производящее сложное

прилагательное создано из качественного прилагательного + соматизма, поэтому компоненты сложного прилагательного характеризуют:

а) облик животного, его внешний вид (размер, свойства) или часть тела животного: толсторогое млекопитающее → *толсторог* («дикое горное животное сем. полорогих»), *долгопят* (обезьяна), *широкорот* (птица), *косорот* (рыба), *большеног* (кура), *короткохвост* (барсук), *харгӯш* (заяц), *харчанг* (рак). Таджикское слово *хар* раньше имело значение «калон, бузург» (большой, крупный) и в слове *харгӯш* употреблено в этом значении, так как у этого животного большие уши, его так и называли *харгӯш* (дословно большие уши). Первая часть слово *харчанг* также обозначает «большой» (слово *хар* потеряло значение «калон, бузург» и преобрело новое значение, которое обозначает животного (осёл) «домашнее животное семейства лошадиных с длинными ушами»);

б) окраску тела или части тела животного: *желтобрюхая змея* → *желтобрюх* (змея), *красноклопы* (крупные клещи), *синекрыл* (жук), *краснотел* (жук), *кабутбол* (птица), *мушкдум* (куликчернокрылка), *сафедмоҳӣ* (белорыбица);

в) внутренние качества, свойства: *скрытоглавы жук* → *скрытоглав* (жук).

Во второй модели сложное прилагательное само образовано из соматизмов и названий предметного мира или признаков животных. Части компонентов деривата называют различные реалии, включая названия животных и обязательную номинацию части его тела – соматизм, который выполняет дифференцирующую семантическую функцию: например, *ногохвостое насекомое* → *ногохвост* (насекомое), *рогохвост* (насекомое), *щетинохвост* (насекомое), *шипоглав* (рыба), *клюворыл* (дельфин), *хвостокол* (рыба), *клювокрыл* (кит), *щетинозуб* (рыба), *иглошерст* (дикообраз), *лирохвост* (птица), *стеноглаз* (птица), *бочонкорот* (червь), *молотоглав* (аист), *щетинозуб* (рыба), *щетинохвост* (насекомое), *ядозуб* (ящерица), *лапчатоног* (цапля), *шерстокрыл* (животное, соединяющее в себе признаки

обезьян и летучих мышей) и др. В данном типе номинации животных присутствует скрытое сравнение: хвост, как рога; хвост, как щетина; хвост, как кол и т.д.

В таких русских и таджикских словах, как *мечехвост*, *трубкозуб*, *шоҳмор*, *гӯрасп*, *гӯрхар* обозначающих животных как биологических существ, первые компоненты метафоризованы, поскольку первые части русских слов со значением животных *меч-*, *трубк-* здесь не имеют значения «старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой» [26, с. 539] и «длинный, пустотелый, обычно круглого сечения предмет (преимущ. для провода чего-нибудь» [128, с. 422]. Первые части таджикских слов *шоҳ-*, *гӯр-* тоже не имеют значения «царь» и «чье, ки мурдаи одамро дафн мекунанд, қабр» (могила).

Модель «сложное прилагательное + суффикс -к-» характерна при создании специальных наименований животных (насекомых, пресмыкающихся, рыб и птиц). При помощи данной словообразовательной модели образуются слова женского рода. Образование наименований для крупных и хищных животных данным способом не является свойственным.

Элементы сложного прилагательного характеризуют:

а) цвет тела животного или части его тела: *зеленоглазка* (оса), *краснотелка* (паук), *пестрогрудка* (птица), *белоглазка* (птица), *черноголовка* (птица), *чернотелка* (жук), *пестрокрылка* (бабочка); *краснохвостка* (птица), *краснобородка* (рыба), *белорыбица* (рыба), *серокопытка* (птица) и др.;

б) облик, внешний вид, свойства, размер, силуэт тела животного и части его тела: *вуалехвостка* (птица), *веерохвостка* («птица, которая пообразу жизни имеет много общего с настоящими мухоловками, но отчасти напоминает и дронго). Когда она сидит, то играет хохлом и хвостом, которым медленно машет туда и сюда; полет ее быстрый и легкий» [29, с. 93]; *шилоклювка* (птица, которая «характеризуется средним ростом, высокими ногами, суживающимися к концу, и своеобразно изогнутым клювом; передние пальцы соединены наполовину плавательными

перепонками» [29, с. 215]; *нитекрылка* (птица, «задние крылья которой вовсе не плоские, а на протяжении крыла его отдельные участки повернуты вокруг продольной оси. Настоящие рули как у самолета»). *Понятно теперь, почему планирующий полет нитекрылок так прям* [95, с. 70]; *крупноглазка* (птица), *мягкохвостка* (птица), *широконоска* (утка), *мягкохвостка* (птица), *долгоножка* (комар), *вислокрылка* (насекомое), *мясогрузка* (птица), *мохоножка* (насекомое), *короткохвостка* (птица), *брюхоротка* (червь), *толстоголовка* (бабочка), *толстоножка* (оса), *острогрудка* (оса) и др.

Таким образом, основываясь на материале исследования, отметим, что именно прилагательные, способные выражать различные качественные и относительные признаки животного мира, являются важнейшей мотивационной базой создания многочисленного класса специальных номинаций животных, особенно насекомых, птиц и рыб.

На основе выше рассмотренного отметим, что при сложении основ образуются сложные слова, которые пишутся слитно. Правописание этих слов регулируется правилами орфографии. Основы могут соединяться с помощью соединительных гласных (интерфиксов) -о-, -е-, -а- *белорыбица, златогузка, буревестник, козерог*. С помощью интерфиксов могут соединяться не только основа, но и целое слово: *носорог, барзагов* (слово *барзагов* от сл. *барз* (*кишоварзӣ, кишт*)/*посев* и *гов/корова*).

Образование зоологизмов способом основосложения осуществляется не только с помощью интерфиксов (-о-, -е-, -а-), но и без этих соединительных гласных. Иногда сложение основ сопровождается нулевой суффиксацией: *гӯрасп, гӯрхар, равганмоҳӣ, почкоед, осьминог*. Данный тип словообразования высокопродуктивен в таджикском языке.

Довольно значительную группу и продуктивный словообразовательный тип в таджикском языке представляют сложные термины, которые образованы без интерфиксов, по модели «слово+слово» (небольшое количество слов «слово+слово+слово»): *харгушбача, наршутур*,

калбуз, модахар, гавазнбарра, говзанбур, белбинӣ, шутурговпаланг, куриабпарак и т.д.

С точки зрения семантической структуры производящей базы в таджикском языке можно выделить следующие типы слов со значением «животный мир»: 1) зооним + зооним типа *мормоҳӣ, шутурмурғ, шерпаланги, шутурпаланг, говзанбур, сагмоҳӣ, шутурмоҳӣ, говмоҳӣ, сагмоҳӣ* и т.д., в которых каждый компонент обозначает животное, принадлежащее какому-либо другому типу;

2) интеграция трех слов со значением «животный мир», т.е. зооним + зооним + зооним типа *шутурговпаланг*. Надо отметить, что данный тип словообразования в русском языке не продуктивен.

3) довольно значительную и продуктивную группу зоологизмов составляют зоолексемы образованные способом интеграция зооним + незооморфное слово: *мурғобӣ, сағобӣ, харғушбача, оҳубарра, гавазнбарра* и т.д. Эти зоологизмы образованы сложением слов со значением «животный мир» и слова, обозначающего детёныши животных (*барра*) и прилагательных (*обӣ*);

4) небольшая группа зоологизмов образована способом незооморфное слово + зооним: *калгов, калзоғ, кӯрпаиша, шоғмоҳӣ, лаққамоҳӣ, модабуз, шӯрмоҳӣ* и т.д.

5) соединение двух незооморфных слов: *эзорсурхак, ҳазордастон, бодхӯрак, ҳазорпо* и т.д. метафорические термины-зоолексемы – это такие единицы, которые образованы сложением слов, не обозначающих изначально животных. Как и в русском языке, этот тип характеризуется сложением компонентов, не относящихся к таксономическому разряду «животные». В данном типе слова-зоологизмы строятся по модели «определяемое + определяющее». Здесь оба компонента выражают единую, композиционную номинацию животного, для которого характерны признаки двух номинаций.

6) небольшое количество зоолексем создано соединением трех незооморфных слов: *курушабпарак, куликчернокрылка*. В этом типе

незооморфные слова сочетаясь, выражают единую номинацию животного. В сопоставляемых языках данный способ является малопродуктивным для анализируемого пласта лексики.

Основываясь на материале исследования, надо подчеркнуть, что в таджикском языке (в отличие от русского языка) способом сложение основ или самостоятельных слов образованы слова, обозначающие самец животных, самки животных и их детёныши.

Модель «существительное + существительное» присуща при образовании детеныши животных. Эти слова образованы по модели зооним + слово *бача* или *барра* (эти слова обозначают «молодой, детеныш»): *охубарра, охубача, гавазнбарра, сагбача, гургбача, шутурбача, морбача, рӯбоҳбача, шербача* и т.д. С некоторыми словами (которые обозначают верховых или выючных животных) соединяется слово *курра* (детеныш животных): *харкурра*.

Значительную и продуктивную группу составляют сложные слова-зоологизмы, обозначающие самец животных: *нархук, наршутур, нарбуз, наргов*, и т.д. Данные зоолексемы созданы путем соединения слово *нар*, которе в русском языке переводится как *самец* + зооним. Эта модель характерна при создании наименований животных, обитающих на поверхности земли.

В таджикском языке способ образования слов, обозначающих самки животных является продуктивным способом: *модахар, модагург, модасаг, модабуз, модагов, модашер* и т.д. Эти зоолексемы образованы способом интеграция слово *мода* (*самка*) и (+) зооним. Хари мода → *модахар* (ослица), гурги мода → *модагург* (волчица), саги мода → *модасаг* (сука), бузи мода → *модабуз* (коза), гови мода → *модагов* (корова), шери мода → *модашер* (львица).

Такой тип словообразования, т.е. способом основосложение образование слов, обозначающих самец животных, самки животных и их детеныши является непродуктивным в русском языке.

Анализ исследуемого материала показывает, что в таджикском языке небольшая группа зоологизмов образована способом прилагательное + зооним: *пирсаг*, *шӯрмоҳӣ*, *калбуз*, *калгов*, *калзоғ* и т.д. Первая часть этих слов характеризуют облик животного, его внешний вид, или возраст животного: саги пир → *пирсаг* (старая собака), бузи кал → *калбуз* (безрогая, комолая каза), гови кал → *калгов* (безрогая корова) и др.

Малое количество зоонимов образованы, моделью «зооним + прилагательное»: *мурғобӣ*, *сағобӣ*. Здесь зоолексемы *мурғ* (курица) и *сағ* (собака) соединяются с прилагательным *обӣ* (водяной, живущий в воде). В результате образуются новые слова, которые обозначают других животных *мурғобӣ* – утка, *сағобӣ* – выдра. Моделью «причастие + зооним» образованы слова со значением «животные»: *даррандасағ*, *гуррандашер*.

В таджикском языке сложением прилагательных и слов обозначающих животных, образованна, довольно значительная группа зоологизмов. В основном этим способом образованны наименований животных, обитающих на поверхности земли и рыб.

Большая группа зоологизмов в русском и таджикском языках образована с помощью прилагательных. Как в русском, так и в таджикском языке именно прилагательные способные, выражать различные качественные и относительные признаки животного мира, являются важнейшей мотивационной базой создания многочисленного класса специальных номинаций животных.

Надо отметить, что в данном способе (основосложение) словообразования отмечаются несоответствия, так как (как выше отметили) в таджикском языке зоологизмы не образуются через дефис, в русском языке зоологизмы образуются с помощью интерфиксов, а в таджикском языке этот способ является малопродуктивным.

Однако следует отметить, что между сопоставляемыми нами языками в данном типе словообразований существует больше соответствий, чем несоответствий. Например, помимо выше отмеченных соответствий

отмечаем совпадение в образовании зоонимов способом соединения числительное + существительное: *сороконожка* – *чилпо*, *хазорпо* – *многоножка* и т.д.

Таким образом, большая группа слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках образована данным способом словообразования.

3.2.6. Сложно-суффиксальный способ в русском и таджикском языках

Сложение основ может сопровождаться суффиксацией, такой способ часто называют сложноссуффиксальным: *острогрудка*, *уховертка*, *буревестник*, *шабпарак*, *тортанак*, *лойхурак*, *эзорсурхак* и т.д. Для отграничения сложения основ от сложноссуффиксального способа можно использовать следующие операции: мысленно отбросить суффикс и (затем, отдельно) первый компонент слова и, если слова не получится, мы имеем дело со сложноссуффиксальным способом.

Другим типом словообразования зоологизмов с глагольным компонентом является сложноссуффиксальный способ. Производящей базой является глагольное словосочетание, а в качестве словообразовательной морфемы выступает нулевой или материально выраженный суффикс.

Особенностью данного способа является то, что глагольный компонент превращается фактически в суффиксоид. Словообразовательный тип с нулевым суффиксом распадается на три словообразовательные модели в зависимости от семантики первого компонента зоологизма.

1) Первая словообразовательная модель характеризуется тем, что производящую базу составляет глагольное словосочетание + Ø суффикс в сочетании с интерфиксом *-o-*, *-e-*, одним из компонентов словосочетания является зоологизм: *змеяд* (птица), *пчелояд* (птица), *козодой* (насекомое, птица), *тлеед* (оса), *мухоед* (оса), *жукоед* (оса), *пчелоед* (оса), *волкодав*(собака), *муравьед* (зверек, питающийся муравьями), *птицеед* (паук), *лисогон* (собака), *птиценок* (еж) и др.

2) Вторая словообразовательная модель характеризуется тем, что производящую базу составляет глагольное словосочетание + Ø суффикс в сочетании с интерфиксом *-o*, *-e*, одним из компонентов словосочетания является зооморфное слово. При образовании данной группы дериватов первая часть компонента может обозначать реалии, продукты жизнедеятельности животных: *волосед* (насекомое), *кожеед* (жук), *пухоед* (насекомое), *медоед* (птица), *кровосос* (насекомое) и др. В таджикском языке без интерфикса *-o*-, *-e*-: *лошахӯр* (птица, которая питается мертвечиной, падалью). Обе части зоокомпозиции связываются межморфемной мотивацией.

3) Третья словообразовательная модель характеризуется тем, что производящую базу составляет глагольное словосочетание + Ø суффикс в сочетании с интерфиксом *-o*, *-e*, одним из компонентов словосочетания является незоморфное слово. При образовании данной группы дериватов первая часть компонента может обозначать предметы материального мира, пищу, среду обитания животных, способы движения и т.д. и т.п.: *клевать воду* → *водоклюй* (птица), *дровосек* (жук), *землекоп* (паук), *пескожил* (червь), *бокоход* (паук), *мешконос* (грызун), *трубкожил* (червь), *трубковерт* (жук), *пескорой* (оса) и др.

Производящей базой может служить глагольное словосочетание + материально выраженный суффикс в сочетании с интерфиксом *-o*, *-e* (в таджикском языке без интерфиксов). Словообразовательный тип с материально выраженным суффиксом распадается на несколько словообразовательных типов в зависимости от разновидности суффикса. В сложносуффиксальном создании зоологизмов принимают участие следующие суффиксы:

1) суффикс *-к-*: *сосать кровь* → *кровососка* (муха), *есть мясо* → *мясоедка* (муха), *мухоловка* (птица), *муравьеловка* (птица), *светоноска* (насекомое), *водомерка* (насекомое), *пескоройка* (личинка), *орехотворка* (оса), *шипаноска* (жук), *змеешвейка* (птица), *крысоловка* (собака) и др. Производные слова данного типа имеют мотивирующие

словосочетания: ловить мышей → *мышеловка*; нести свет → *светоноска*. Они обладают внешними мотивационными отношениями, так как обе части зоокомпозита соотносятся с прямым значением мотивирующей основы, но для них характерна и метафорическая мотивация, которая является результатом межморфемной мотивации. Суффикс *-к-* присоединяется к производному слову во время формирования и с его помощью определяется словообразовательное значение композита;

2) суффикс *-ец-* : носить хвост → *хвостоносец* (бабочка), иной ход → *иноходец* «лошадь, которая бежит иноходью (Евгеньева, т. I: 669), *рогоносец* (жук), *сенокосец* (паукообразное животное), *броненосец* (животное), *щитоносец* (зверек), *меченосец* (рыба) и др. Первая часть зоолексемы мотивируется либо основой зооморфного слова: *хвостоносец*, либо основой существительного незоологического происхождения: *сенокосец*, *меченосец*.

3) суффикс *-ак*: шаб паридан → *шабпарак* (ночная бабочка), тор танидан → *тортанак* (паук), лой хурдан → *лойхурак* (дождевой червь) и др. первая часть зоолексемы мотивируется либо основой зооморфного слова: *моҳихӯрак*, либо основой существительного незоологического происхождения: *бодхӯрак*.

3.3. Морфолого-синтаксический способ образования названий животных в русском и таджикском языках

Под морфолого-синтаксическим способом словообразования, являющимся, по своей сути, разновидностью лексико-семантического способа, понимается образование новых лексических единиц в результате перехода слов одного грамматического класса в другой.

Морфолого-синтаксический способ словообразования совершенно нехарактерен лишь для глагола и деепричастия. В некоторых лексико-грамматических категориях слов этот способ словообразования является по существу единственно эффективным средством, с помощью которого они обогащают свой состав (категория состояния, частицы, междометия). Наиболее заметным и интенсивным, хотя по сравнению с другими

способами явно второстепенным, является морфолого-синтаксический способ словообразования в сфере существительных и прилагательных, поскольку они относятся к наиболее «открытым» для новых единиц частям речи [156, с. 63].

Морфолого-синтаксическое словообразование осуществляется при переходе слов, принадлежащих к какой-либо части речи, в иную часть речи, например: в таджикском языке очень малое количество прилагательных перешли в имена существительные: *каждум, хорпушт, сангпушт*. В таджикском языке причастия (сифати феълӣ) *паранда, хазанда* перешли в имена существительные. В русском языке прилагательные *гончая, борзая* перешли в имена существительные, причастие *пресмыкающиеся* перешло в имя существительное и т.д.

Материал исследования показал, что в анализируемых языках данный способ словообразования является малопродуктивным для исследуемого пласта лексики.

3.3.1. Лексико-синтаксический способ образования названий животных в русском и таджикском языках

Под лексико-синтаксическим способом словообразования подразумевается возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более лексических единиц. Таким образом, слова лексико-синтаксического способа словообразования представляют собой слияние в одно словесное целое либо устойчивого словосочетания, т. е. фразеологизма, либо сочетания самостоятельного слова со служебным (в первую очередь с предлогом или отрицанием) [32, с. 133].

Лексико-синтаксическое словообразование имеет место в случаях образования слов из словосочетаний, объединенных в одно слово в процессе употребления в языке, например: *накожник* – «вид чесоточного клеща, паразитирующего на коже животных» (на коже).

Данный способ является непродуктивным для исследуемого пласта лексики.

3.3.2. Лексико-семантический способ образования названий животных в русском и таджикском языках

Лексико-семантическое словообразование выражается в том, что слово, уже существующее в языке, приобретает новое смысловое значение, как бы расщепляется на два или более слова-омонима, которые сосуществуют как слова с различным значением, например: *губка* – «уменьш.-ласк. к губа», *губка* – «тип низших многоклеточных животных, обитающих в морях», *губка* – «мягкий, пористый остов некоторых видов этих животных, хорошо впитывающий влагу и служащий для мытья» [111, с. 355]. *Гриф* – «в античной мифологии фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва», *гриф* – «крупная хищная птица, гнездящаяся на скалах, обрывах, одиночных деревьях и постройках, питающаяся падалью», *гриф* – «длинная пластинка из дерева или пластмассы у струнных инструментов, к которой во время игры прижимают пальцами натянутые вдоль нее струны для изменения высоты звуков», *гриф* – «надпись на документе или издании» [111, с. 348]. *Лебёдка* – «самка лебедя», *лебёдка* – «ласковое название молодой женщины, девушки», *лебёдка* – «машина для подъема и перемещения грузов» [111, с. 167].

В таджикском языке примером лексико-семантического способа образования названий животных могут служить следующие слова со значением «животный мир»: *боз* – «бори дигар, аз нав» (еще раз, снова), *боз* – «кушода, яла, во» (открытый), *боз* – «парандаи қавичанголи нӯлдароз, ки парандагон ва ҳайвоноти майдаро шикор мекунад, куш» (хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями) [140, с. 217]. *Куку* – «кабӯтари ёбой, фохта» (дикий голубь), *куку* – «мурғ, паранда» (курица, птица), *куку* – тухмбирени бо кабудиҳо пухташуда» (яичница, жаренная зеленью) [140, с. 632]. *Хар* – «чорпои боркаши маълум» (животное), *хар* – «одами аҳмақ, аблах» (глупый человек), *хар* – «лой, гили часпанда; ботлоқзор» (глина) [140, с. 424] и т.д.

Надо отметить, что в русском и таджикском языках довольно значительная группа слов со значением «животный мир» образована лексико-семантическим способом. Этим способом образованы наименования животных, обитающих на поверхности земли, насекомых, птиц и рыб.

Таким образом, лексико-семантический способ образования названий животных в сопоставляемых языках продуктивен.

3.4. Стилистическая характеристика слов со значением «животные» в русском и таджикском языках

Русский и таджикский языки, как и любой развитый язык с культурной традицией, предоставляют говорящим богатейшие выразительные возможности, в том числе стилистические. В исследуемых нами языках изучение стилистики представляет как теоретическую, так и практическую цель. Практическим значением дисциплины является повышение речевой культуры общества. Стилистика здесь играет большую роль, поскольку, по словам академика В.В. Виноградова, она «является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры» [43, с. 6]. Однако практические цели можем достигнуть, только если сможем овладеть теоретическими основами дисциплины.

Г.О. Винокур справедливо подчеркивал, что путь к практической стилистике лежит через теоретическую стилистику. Естественно, практика неотделима от теории.

Говоря о значении стилистики, Р.А. Будагов пишет: «...стилистика – «душа» любого развитого языка. Поэтому ей должно принадлежать важное место как в науке о языке, так и в науке о художественной литературе» [30, с. 101].

Стилистика – раздел науки о языке, изучающий стили литературного языка и языковые средства, создающие их особенности. Она также изучает использование языка.

Стиль (русс. и тадж.) языка – это совокупность языковых особенностей – лексических, грамматических, фонетических, предающих речи определенную окрашенность, делающую ее разговорной, научной и т.д.

Слово является основой для понимания речи. Одной из важнейших проблем стилистики является смысловая точность речи, то есть правильный выбор слова в конкретной речевой ситуации. Неправильное словоупотребление искажает смысл высказывания, вызывает различного рода речевые ошибки [116, с. 6].

Стилистические нормы - это исторически сложившиеся и вместе с тем закономерно развивающиеся общепринятые реализации заложенных в языке стилистических возможностей, значений и окрасок, обусловленные целями, задачами и содержанием определенной сферы общения [66, с. 84].

В русском и таджикском языках стилистика изучает нормы словоупотребления, сочетаемости слов, экспрессивные возможности лексических, фразеологических и грамматических единиц языка.

Для образования того или иного стиля используются языковые средства. Их можно разделить на две стилистические группы: на средства, используемые в сферах применения языка, и на средства, отражающие отношения к самим словам.

В анализируемых языках историзмы, диалектизмы, просторечия, жаргонизмы, профессионализмы относятся к стилистическим средствам, которые употребляются в узких сферах применения языка, т.е. как территориально и социально-ограниченные языковые средства. Их стилистическая роль заключается в придании речи местного (диалектного) или профессионально-производственного колорита. Примерами зоологизмов, которые используются в узких сферах или на определенной территории могут служить такие таджикские слова, как *руба* (рӯбох/лиса), *қъшқор* (кӯчқор/баран-производитель), *мочахар* (модахар/ослица), которые наблюдаются в «Словаре южных говоров таджикского языка» под редакцией М. Махмудова. Слово *кучкучак* в этом словаре имеет такое толкование –

«хашароти майдаест, ки ранги хокистарӣ дошта ба канача монандӣ дора два одатан дар хоки хушк ва ё рег лона мегузорад [138, с. 350]. Носителями этих слов являются жители южной части Таджикистана.

Примером русского языка является слово *пороз*, которое в «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера имеет значение «бык, бугай» и отмечается, что это восточно-русское слово [164, с. 330].

Как в русском, так и в таджикском языке некоторые слова-зоолексемы встречаются в двух и более стилях языка, поэтому нельзя установить полного соответствия между стилями языка и стилистическими группами лексики. Значительная группа зоолексем, свойственна всем стилям и поэтому является нейтральной в стилистическом отношении. Нейтральной лексика называется потому, что лишена особой стилистической окраски.

В лексике современного русского и таджикского языков по лингвистической традиции на фоне нейтральной лексики выделяются лексика 1) книжно-письменной речи и 2) устно-разговорной речи. Книжно-письменная речь в словарях отмечается пометой «книжное», а устно-разговорная речь – «разговорное».

Как отмечает М.Н. Кожина, «Книжной лексикой называются такие слова, которые употребительны исключительно или преимущественно в письменно-книжной сфере; введение их в разговорную речь придаёт ей оттенок книжности» [66, с. 114].

Обычно в книжной лексике выделяют следующие основные стили: научный, официально-деловой, публицистический и художественный.

В научно-терминологической лексике анализируемых языков, ограничено использование диалектных, жаргонных и просторечных слов. В этой лексике из исследуемого пласта лексики употребляются такие слова, как *зооним, зоолексема, волк/гург, собака/саг, лев/шер, тигр/паланг, корова/гов, птица/паранда* и т.д. Однако в профессиональной лексике порой

употребляются просторечно-диалектные слова, которые были преосмыслены как термины.

Официально-деловая лексика выделяется наибольшей функциональной четкостью. Данная лексика характеризуется особой лексической замкнутостью.

Публицистический стиль занимает особое место в книжной лексике. Лексика, принадлежащая данному стилю, употребляется в разных жанрах газетно-публицистического стиля (передовых статьях газет, очерках, в информационных сообщениях и т.д.).

Как отмечает М.Н. Кожина «художественная речь использует языковые средства всех других стилей, в том числе и типичные для них. Однако при этом – что очень важно! – в измененной функции – в эстетическо, образуют иную системность» [66, с. 196]. Особенность художественной лексики особенно хорошо видна при сопоставлении отрывков художественного, и например, научного текстов аналогичной тематики.

К разговорной лексике относятся слова, употребляемые в неофициальной и непринужденной беседе (непосредственное участие говорящих в разговоре), т.е. характерные по преимуществу для реализации устной формы языка. Употребление разговорно-бытовых слов в других стилистических группах (в научном или официально-деловом) было бы неуместным. К разговорному стилю относятся такие зоолексемы, как *лисонька/рубохча, кошечка, зайка/харгушак, собачка/сагак, цыпка/мурзак, козлик/бузак* и т.д.

От собственно разговорной лексики отличаются просторечные слова, которые по своей экспрессивно-стилистической окраске оказываются еще более сниженными.

Эмоционально окрашенные экспрессивные и стилистические окрашенные выражения относятся к стилистическим средствам, выражающим отношение к словам. Эмоционально окрашенные слова

выражают отношения к предметам: уменьшительно-ласкательное, пренебрежительное, бранное и др.

Надо отметить, что слова с экспрессивным отношением в любом языке служат для передачи эмоций, чувств-отношений, оценок, мнений говорящих о лицах, предметах, явлениях, признаках. Экспрессивные лексические единицы составляют значительный фонд в общей системе экспрессивных средств. Как отмечают Н.А. Лукьянова и Т.А. Трипольская, «экспрессивное слово имеет двойную соотнесенность с «предметным» рядом [135], так как оно отражает некоторое объективное свойство, некоторый признак, явление, действие, проявляющееся в значительной или незначительной степени, и со сферой чувств, эмоций, эмоциональных переживаний, эмоциональных оценок» [83, с. 117].

В таджикской разговорной речи можно услышать такие выражения (состоящие из разных слов и зоолексем), которые имеют эмоционально-экспрессивные окраски. Например такими выражений могут служить *хари ахмақ!* *Эй гов!* *Ҳайвон!* *Маймун!* и т.д., которые применяются в отношении к человеку. Выражение *хари ахмақ* обычно используется в отношении глупого человека, а выражение *эй гов* используется в отношении безтолкового, тупого человека (независимо от пола). Слово *хайвон* используется по отношению к грубияном, хамом. Слово *маймун* в эмоционально-экспрессивной окраски применяется по отношению к некрасивому (уродливому) человеку. Если буквально перевести эти выражения (слова) на русский язык, то получается: *хари ахмақ* – *глупый осёл*, *эй гов* – *эй корова*, *хайвон* – *животное*, *маймун* – *обезьяна*. Некоторые слова из этих зоолексем в русском языке (как и в таджикском языке) имеют эмоционально-экспрессивную окраску.

Надо отметить, что в русском разговорном языке лексема *корова* (которая является эквивалентом таджикскому слову *гов*) также применяется по отношению к человеку. Однако русское слово *корова* (в отличие от

таджикского языка) в эмоционально-экспрессивном значении используется только по отношению к женщине.

В толковых словарях русского и таджикского языков многие слова снабжены так называемыми стилистическими пометами: книжн./кит. (книжное слово, китобӣ), высок./мутантан, офиц./идоравӣ (официальное), разг./гуфт. (разговорное, гуфтугуи), прост. (просторечное, халкӣ) и др. Однако большинство слов в том или ином языке в любом толковом словаре не имеют стилистических помет. Эти слова являются нейтральными (межстилевыми) словами. Они употребляются в любом стиле речи, в любых стилях речи в художественной литературе и т.д. поэтому такая лексика называется межстилевой, т.е. обслуживающей все стили речи или нейтральной.

В русском и таджикском языках стилистическая характеристика слова определяется тем, как оно воспринимается говорящими: как закреплённое за определённым функциональным стилем или как уместное в любом стиле, общеупотребительное. Стилевой закреплённости слова способствует его тематическая отнесенность. Мы чувствуем связь слов-терминов с научным языком, относим к публицистическому стилю слова, связанные с политической тематикой, выделяем как официально-деловые слова, употребляемые в делопроизводстве.

Стилистическая характеристика слова предполагает описание особенностей слова, проявляющихся при реализации слова в речи.

Говоря о стилистической характеристике слов со значением «животный мир» нельзя забывать о том, что суффиксы в русском и таджикском языках придают этим словам различные оттенки. Суффиксы могут иметь различные значения и принадлежат к различным стилям речи: высокому (книжному) и сниженному (разговорному). Вот как раз суффиксы, используемые при образовании слов разговорного стиля, часто имеют стилистическую окраску. Часто используются суффиксы, имеющие уменьшительно-ласкательное значение. Например, в таджикском языке

суффикс –ак часто имеет уменьшительно-ласкательное значение. Например: *Кали Курбон духтараки нотавонро чун гунчишкак бардошту ба доду фареди у ахамият надода, ба дахлез баровард* [Ч. Икромӣ. Духтари оташ]. В данном примере суффикс –ак (с помощью которого от слово *гунчишк* образовано слово *гунчишкак*) дает слову уменьшительно-ласкательный оттенок. Слова *гунчишк* и *гунчишкак* являются зоолексемами, т.е. суффикс здесь придает только ласкательное значение, т.е. слово так и останется зоолексемой (не теряет своего значения). В примере: *Ягон мургаки содда пайдо шаваду маро ба зери каноташ гурад, магар намешавад?* [Садои Шарқ], суффикс –ак придает слову уменьшительно-ласкательное значение. Однако в этом примере имеется в виду не животное, а человек (но в таджикском языке также существует зоолексема *мургак*, которая имеет уменьшительно-ласкательный оттенок).

Онҳо аспҳошонро чорхез гардонданд, самандча бошад бо хамаи йўрғани хамвораи рох менаймуд [Садои Шарқ]. В этом случае суффикс –ча использован для обозначения ласкового оттенка.

« -Выехали мы только в сумерки и тащились всю ночь с ноги на ногу, - сколько позволяла малосильным **лошадёнкам** их стопудовая кладь» [Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]. В этом примере суффикс использован для обозначения пренебрежительного отношения.

« -Навстречу несло дождем, мглою, сверкали по водной равнине **барашки**, качалось, всплескивалась серо-зеленая зыбь, острая и бестолковая, а плоские прибрежья расходились, терялись в тумане – и все больше, больше становилось воды вокруг [Бунин. Сны Чанга]. В этом предложении зоолексема *барашки* имеет ласковый оттенок. Именно суффикс придает этому слову ласкового оттенка.

Помимо уменьшительно-ласкательных суффиксов очень большую роль в создании настроения произведения играют суффиксы с увеличительным значением, а также суффиксы, которые придают словам и

тексту в целом неодобрительную оценку, вызывают эмоции презрения, пренебрежения.

Рассматривая стилевые особенности лексики, необходимо отметить, что при определении стилистической принадлежности слов важно учитывать их многозначность, в связи с чем, в одном значении слово может относиться к одному стилю, а в другом – к другому. Например, слово *скотина* в значении «четвероногие домашние сельскохозяйственные животные» относится к художественной лексике. Например, «... *решительно пошел к лошади. «Чего он разозлился? - подумал семинарист, недоумевающе глядя ему вслед. - Вот нелепая и странная **скотина!**»* [Бунин]. В значении «о грубом, низком, подлом человеке» вызывает презрения. Например, «*А ты уж рад, **скотина**, сейчас пересказывать мне всё это*» [Н.В. Гоголь]. Суффикс придает слову оттенок грубости. Таджикское слово *хайвон* в значении «чондор, зинда, чонвар, чорпо» относится к научной лексике, а в значении «одами нофаҳм, бефаросат» относится к разговорной лексике. Или зоолексема *ворона* в значении «хищная птица с черным оперением» относится к научному стилю, а в значении «нерасторопный человек, ротозей, простофиля» относится к разговорному стилю. Примером первого значения слово *ворона* может служить предложение из произведения И.А. Бунина: *Он продул ее, пробил пистоном, зарядил утиной дробью, крепко забил палкой, вышел из избы и с час стоял среди острых сугробов и дымных вихрей, среди рыжего, гудящего леса, по колено в белейшем снегу, поджидая, не сядет ли где поблизости **ворона**.*

Таджикское слово *буз* в значении «хайвони чуфтсуми алафхӯри хонагӣ аз чинси гӯсфанд, ки дорои шох, риши дароз ва думи кӯтоҳ аст ва онро барои гӯшт, пашм ва шир парвариш мекунанд» относится к разговорной лексике, а в значении «хабаркаш» относится к просторечной лексике.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова (суффиксы), имеющие стилистическую окраску, придают литературному произведению то настроение или образ, которого добивается автор.

Великие таджикские и русские писатели очень умело использовали и используют неистощимые запасы таджикского и русского языков, активно используют возможности словообразования и стилистики. К таким мастерам относятся такие таджикские писатели, мыслители как А.А Рудаки, А. Фирдоуси, У. Хайям, С. Айни, Б. Гафуров, М. Турсунзоде и др. Говоря о стилистике таджикского языка, надо отметить, что в исследовании стилистики значительный вклад внес таджикский ученый, мыслитель Садриддин Айни. Он был не только великим писателем, мастером слова, но и безукоризненным литературоведом, языковедом и специалистом по стилистике. В его научных произведениях помимо анализа идеи Рудаки, Фирдоуси, Саади, Бедил и др. говорится и о научных стилях и языковых особенностях их произведений. Также к таким мастерам относятся такие русские писатели как А.С. Пушкин, И.А. Бунин, М. Горький, М. В. Ломоносов и др. В своих произведениях они с удивительной точностью при помощи языковых средств передают характер и даже, кажется, интонацию речи своих героев. М.В. Ломоносов стиль речи соотносит со стилем личности, образом оратора.

Выводы по третьей главе

Анализ словообразовательной структуры слов со значением «животный мир» показал, что при образовании *зоолексем*, особенно при наименовании самок (основа названия животного + суффикс -иц(а): *волк - волч-иц-а, лев - лев-иц-а, тигр - тигр-иц-а, медведь - медвед-иц-а*; основа названия животного + суффикс -к(а): *перепел - перепел-к-а, голубь - голуб-к-а, лебедь - лебед-к-а, воробей - вороб-к-а* и т. д.), при создании уменьшительно-ласкательных лексем (основа названия животного + суффикс -к(а): *рыба - рыб-к-а, муха - муш-к-а, овец - овеч-к(а), корова - коров-к-а*; основа названия животного + суффикс -яг(а): *конь - кон-яг-а*; основа названия животного + суффикс -ок/ёк: *жук - жуч-ок, голубь - голуб-ок*; основа названия животного + суффикс -ак: *буз - буз-ак, гурь - гурь-ак, саг -*

саг-ак, каждум – каждум-ак, мурз – мурз-ак и т. д.) используются суффиксальный способ образования слов. При наименовании животных используются такие словообразовательные типы как приставка *вы-* + корень + суффикс *-ен*: *вы-полз-ень*; приставка *без-* + корень + суффикс *-к(а)*: *беззуб-к-а*; приставка *под-* + корень + суффикс *-ик*: *под-лиц-ик*; и т. д.

С точки зрения морфологического строя в образовании зоологизмов в сопоставляемых языках определенное место занимает суффиксальная аффиксация, и в этом отношении производные единицы идентичны с точки зрения их словообразовательного значения. Необходимо наличие суффикса и основного терминообразующего корня.

Основываясь на сопоставительном анализе языкового материала можно отметить, что аффиксальное образование является одним из важнейших (высокопродуктивных) способов образования слов со значением «животные».

Анализ словообразовательной структуры сложных слов со значением «животный мир» показал, что при создании данного пласта лексики используются собственные ресурсы русского и таджикского языков. Высокопродуктивными способами словообразования среди исследуемых единиц являются основа + суффикс, основа + словосложение, сложносуффиксальный, морфолого-синтаксический способы. В качестве мотивирующей части при образовании слов со значением «животный мир» важнейшую роль играют существительные, прилагательные и причастия.

В русском языке одним из продуктивных словообразовательных типов при создании зоолексем является сложение двух существительных при помощи соединительного гласного (*тигрокот, овцебык, оленебык*). Деривационное значение данного типа определяется посредством отражения семантики производящих основ в производных, которые характеризуются эквивалентными или взаимодополняющими отношениями, т. е. оба члена или логически равноправны (*овца + бык → овцебык, олень + бык → оленебык*),

или семантически удалены друг от друга (*грызун листьев* → *листогрызун*, *вестник бури* → *буревестник*).

В таджикском языке сложение двух (трех: *шутур* + *гов* + *паланг*) существительных (в основном без соединительных гласных) является одним из основных способов словообразования, особенно при образовании слов, обозначающих самки животных и их детёныши (*харгӯшбача*, *шутурбача*, *гургбача*, *модахар*, *модабуз*, *модагов* и т.д.).

Как в таджикском, так и в русском языке были отмечены слова-зоолексемы, перешедшие из разных частей речи в имена существительные (морфолого-синтаксический способ словообразования): *парранда*, *даранда*, *хазана*, *сангпушт*, *пресмыкающиеся*, *борзая*, *гончая* и т.д.

В целом сопоставляемые языки проявляют общность в наличии способов словообразования: аффиксация, словосложение, конверсия.

Кроме того, во второй главе рассматривается стилистическая характеристика слов со значением «животный мир».

Суффиксы могут иметь различное значение и принадлежат к различным стилям речи: высокому (книжному) и сниженному (разговорному). Суффиксы, используемые при образовании слов разговорного стиля, часто имеют стилистическую окраску. Часто используются суффиксы, имеющие уменьшительно-ласкательное значение. Например, в таджикском языке суффикс –ак часто имеет уменьшительно-ласкательное значение. Например: *Кали Курбон духтараки нотавонро чун гунчишкак бардошту ба доду фареди у ахамият надода, ба дахлез баровард* [Ч. Икроми. Духтари оташ].

« -*Выехали мы только в сумерки и тащились всю ночь с ноги на ногу, - сколько позволяла малосильным лошадёнкам их стопудовая кладь*» [И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность]. В этом примере суффикс использован для обозначения пренебрежительного отношения.

Основываясь на материале исследования, следует подчеркнуть, что русские и таджикские писатели, поэты, используя слова со значением

«животный мир» придают разные оттенки или окраски (ласковый, пренебрежительный, уменьшительно-ласкательный и т.п.). Они активно используют возможности словообразования и стилистики. В своих произведениях при помощи языковых средств передают интонации своих героев.

Говоря об изучении стилистики таджикского языка, надо отметить, что научное изучение стилистики и язык художественной литературы началось только после Октябрьской Революции. Его изучение в последнее время значительно развивался. В этой области нельзя не отметить заслуги таджикских лингвистов и литературоведов. В исследовании стилистики значительный вклад внес таджикский ученый, мыслитель Садриддин Айни. Он был не только великим писателем, мастером слова, но и безукоризненным литературоведом, языковедом и специалистом по стилистике. В его научных произведениях помимо анализа идеи Рудаки, Фирдоуси, Саади, Бедил и др. говорится и о научных стилях и языковых особенностях их произведений.

Разные стилистические окраски слов в сопоставляемых языках создают хорошие возможности для его использования и внимательного употребления в речи. Писатель, работая над языком своих произведений, придает большое значение выразительным средствам, которые дают яркую эмоциональную окраску.

Таким образом, в русском и таджикском языках очень часто встречаются слова со значением «животный мир», которые имеют стилистическую окраску.

Заключение

В воде и на суше, в почве, в воздухе и даже в органах растений животных и человека, всюду на Земле живут самые различные живые организмы. Среди них более 1 млн. видов насекомых (мух, бабочек, стрекоз, жуков, комаров), около 130 тыс. видов моллюсков (прудовиков, слизней, жемчужниц), множество видов червей, рыб, птиц, зверей. В настоящее время насчитывают около 2 млн. видов различных живых существ.

Мир животных всегда имел и имеет большое значение для человека. Животный мир является составной частью природной среды. Зоолексемы широко использовались в произведениях таджикских и русских поэтов и писателей.

Животный мир и в русском и в таджикском языке является объектом научного изучения, и это не может не отражаться на дефинициях слов и на самих списках этих слов. Значения собственно именований животных, входящих в представляемое множество, включают семантические компоненты, отражающие ту или иную степень изученности соответствующих реалий.

Названия животных в сопоставляемых языках отличаются многообразием и самобытностью, богатством семантических значений. Они играют важную роль в обогащении словарного состава языка.

Исследуя лексику, обозначающую «животный мир» в русском и таджикском языках мы пришли к следующим выводам:

1) Коннотации одного слова в разных языках (особенно в сопоставляемых нами языках) могут быть одинаковыми: например, слово *лиса/рӯбоҳ* в русском и таджикском языках и во многих европейских языках имеет одну коннотацию. Но могут быть и неодинаковыми (различными): слово *волк* в русском языке ассоциируется с жадностью, а в таджикском языке слово *гург* ассоциируется с ловкостью, т.е. у этого слова отмечаются разные коннотации.

2) Большинство слов со значением «животный мир» в сопоставляемых нами языках имеют свой эквивалент. Однако следует отметить, что среди зоолексем русского и таджикского языков наблюдается частичная эквивалентность. Частичная эквивалентность отмечается при сравнении объема значений языковых единиц. Так, русскому слову *корова* (1. самка крупного домашнего рогатого скота, домашнее молочное животное, самка быка, 2. о толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине) в таджикском языке соответствует слово *гов* (1. чорпои шоху сумдори ширдеҳи маъруф, гав (четвероногое, рогатое, молочное, копытное известное животное), 2. қадах, суроҳӣ, чом, зарфи шароб, ки ба шакли гов сохта шудааст (чаша, которая похожа на облик коровы-животного), 3. *маҷ.* пахлавон, мубориз, далер (силач, борец, отважный), 4. *маҷ.* бузург, калон, муътабар (великий, большой, уважаемый), 5. *маҷ.* нодон, аблах, ахмак (глупый, бестолковый, тупой)). Указанные лексемы совпадают только в одном прямом значении.

3) Немало русских слов со значением «животный мир», которые не имеют эквивалента в таджикском языке и наоборот. Среди рассмотренных тематических групп лакуны имеют место в тематической группе «животные, обитающие на поверхности земли», но чаще всего они встречаются в тематической группе «животные, обитающие в воде, на воде». На наш взгляд, главная причина данной проблемы заключается в том, что на территории Таджикистана очень мало мест, где могут обитать рыбы и другие живые организмы, обитающие в воде, соответственно некоторые из зоологизмов не имеют своего названия в таджикском языке. Примером таких слов со значением «животный мир» могут служить такие слова, как «нарвал», который в «Русско – таджикском словаре» под редакцией М.С. Осими имеет такое толкование: «ҳайвони баҳри аз оилаи делфинҳо» [106, с. 532], «единорог», который в этом же словаре имеет такое толкование: «ҳайвони нодири баҳри аз чинси делфин, ки дар фукаш як шох дорад» [106, с. 248]. В таджикском языке можно обнаружить большое количество таких

заимствований из русского языка или посредством русского языка, как например, *ерш, лоцман, налим, линь, краснопёрка* и т.д.

Особо следует подчеркнуть тот момент, что есть слова со значением животных, обитающих в воде/на воде, которые вообще не имеют ни перевода, ни толкования в таджикском языке. К таким словам относятся лексемы *колюшка, подлещик, аргаш, бобырь, баланит, мирон* и т.д. Например, *мирон* – «речная рыба из семейств карповых, водящаяся на юге России [25, с. 1048].

Лакунами для русского языка являются такие таджикские слова со значением «животный мир», как *тагал, тайлоқ, хачир* и т.п. Они из таджикского языка на русский передаются при помощи словосочетаний или описательно: *тагал* – не кастрированный баран с закрученными рогами, *тайлоқ* – молодая, еще ни разу не телившаяся корова.

4) Вся лексика исследуемого пласта в русском и таджикском языках дифференцирована по следующим признакам: на основе дифференциального признака «сфера обитания животных» разделены на следующие тематические группы: 1) названия животных, обитающих на поверхности земли, которые подразделяются на названия домашних и диких животных; 2) названия птиц: домашние птицы, дикие птицы; 3) названия животных, обитающих в воде, на воде.

В тематической группе «названия животных, обитающих на поверхности земли» по дифференциальному признаку «способ существования животных» выделены 2 тематические подгруппы: 1) названия домашних животных, 2) названия диких животных. К названиям домашних животных относятся такие слова, как *рысак, аргамак, теленок, пес, козел, верблюд, валух, кот, конь, козленок, коза* и т. п. К словам, которые обозначают диких животных относятся следующие лексемы: *волк, лиса, лев, обезьяна* и т.д.

Также выделены тематические группы «домашних птиц» и «диких птиц». Слова *курица/мург, павлин/товус, утка/мургоби* и т.д. относятся к

названиям домашних птиц, а слова *журавль/қуланг, турна, коршун/калхот, ворон/зоғ, шўрнўл, сова/бум, ибис/гавдара, зяблик/саъва, дятел/эзорсурхак, галка/зоғча* и т.п. относятся к названиям диких птиц.

К тематической группе «названия животных, обитающих в воде, на воде» относятся такие слова, как *кашалот/вол, кит/кит, омар/харчанги баҳри, рак/саратон, рыба/моҳи, краб/харчанг, навага/симмоҳӣ* и т.д.

По дифференциальному признаку «возраст» зоолексемы тематических групп слов со значением «животные, обитающие на поверхности земли» и «птицы» в сопоставляемых нами языках разделяются на взрослых животных и их детёнышей. Примерами слов, обозначающих взрослых животных могут служить слова *аргамак/ арғусоқ, собака/сағ, волк/гург, голубь/кабутар, орёл/уқоб, ворона/зоғ* и т.д. К словам, обозначающим детёнышей животных относятся следующие: *козлёнок/бузича, верблюжонок/ шутурбача, ослёнок/курра, голубёнок/кафтарча (чўҷаи кафтар)* и т.д.

На основе дифференциального признака «пол» выделены такие тематические подгруппы как «самка животных» и «самец животных». К самкам животных относятся слова *курица/мурғ, корова/гов, львица/модашер, тигрица/модабабр* и т.п., а к самцам животных относятся следующие зоологизмы: *петух/хурус, бык/буққа, лев/шер, гусь/қоз, медведь/хирс* и т.д.

5) Лексико-семантическая система характеризуется парадигматическими и синтагматическими отношениями и представляет собой совокупность элементов взаимосвязанных между собой. Например, к ЛСГ «пресмыкающиеся» относятся существительные (*черепаха/сангнушт, змея/мор, ящерица/калтакалос, крокодил/тимсоҳ* и др.), у которых есть одна общая категориально-лексическая сема (КЛС) - 'животные, способ передвижения которых – ползание, пресмыкание по земле'. В отличие от ЛСГ, тематическая группа не имеет КЛС; слова в ТГ объединяются на основе экстралингвистических признаков.

6) В каждой тематической группе рассматриваются однозначные и многозначные зоологизмы таджикского и русского языков.

Сравнение семантики зоологизмов, денотатами которых является одно и то же животное или животные одного класса, позволило обнаружить наличие параллелизма в образовании у них вторичных значений. Это свидетельствует о существовании живой связи между первичными и вторичными значениями зоологизмов, об обусловленности системы вторичных значений реальными свойствами первоначального денотата зоолексемы.

Не только прямые, но и переносные (вторичные, неосновные) значения слов со значением «животный мир» в каждом из анализируемых языков играют важную роль, они обогащают словарный состав языков. Зоолексемы ассоциируются с человеком разного характера, разного поведения и т.д. Образные, экспрессивные устойчивые сочетания слов с зоологизмами часто используются и на страницах художественной и публицистической литературы.

Исследование материала показало, что в семантической системе русского и таджикского языков значения превосходят слова. Другими словами большинство слов являются многозначными (ср. *мышь/муш, слон/фил, корова/гов, петух/хурус, бык/буққа* и т.д.).

Как в русском, так и в таджикском языке слова с семой «животный мир» играют важную роль в обогащении словарного состава языков производными значениями. Именно благодаря системности языковых значений возможно познание наивного образа мира того или иного народа, лежащего в основе его ментальности.

7) С точки зрения словообразования в русском языке в образовании слов со значением «животный мир» продуктивными являются суффиксальный способ (особенно в образовании: а) детенышей животных с помощью суффиксов –онок/-ёнок-: *орёл – орлёнок, волк – волчонок*; б) самок животных с помощью суффиксов –иц-а, –их-а: *волк – волчица, лев – львица*; в) уменьшительно-ласкательность с помощью суффиксов –ик / -ок / -ек, -чик, -к(а), -ушек, -ушк, -ич, -ик: *слон – слоник, ягнёнок – ягнёночек, рыба – рыбка*,

собака – собачка, петух – петушок, зверь – зверёк, воробей – воробушек, зверь – зверушка, попугай – попугайчик, корова – корвёнка; г) увеличительность, большой размер тела с помощью суффикса –ище: сом – сомище, верблюда – верблюдище), отдельные зоологизмы образованы сложением двух основ или слов, чаще всего при помощи соединительных гласных о и е (пчелояд (птица), жукоед (оса), тигрокат, овцебык, оленебык и т.п.). Отдельные зоолексемы в русском языке образованы префиксально-суффиксальным способом (выползен, подлещик, накожник, насадка).

В русском языке небольшую группу представляют сложные составные термины – билексемы (термин Р.И. Хашимова), образованные по образцу «слово+слово», для которых характерно не отсутствие нулевого интерфикса, который графически заменяется дефисом, а отношение интеграции, основанной на агглютинации, т.е. отсутствие в ретроспекции сочинительных или подчинительных отношений между компонентами сложного слова: *молот-рыба* (рыба), *лягушка-бык* (лягушка), *жук-олень* (жук), *воробей-сторож* (воробей), *птица-носорог* (птица), *лебедь-кликун* (лебедь), *лебедь-трубач* (лебедь), *пчела-плотник* (пчела) и т.д.

Данный словообразовательный тип является непродуктивным для исследуемого пласта лексики в таджикском языке.

Надо отметить, что с точки зрения семантической структуры производящей базы в русском языке выделяются такие типы билексем, как: а) зооним + зооним типа *лягушка-бык* (ящерица), *жук-носорог* (жук) и т.д., в которых каждый компонент обозначает животное, принадлежащее какому-либо другому типу; б) интеграция зоонима и незоморфного слова (*жабы-долгожители*) или смешанные билексемы-зоологизмы, образованные сложением зоологизма и слова, обозначающего артефакт или субъект действия: *ремень-рыба* (рыба), *волк-отец* (волк); в) объединение двух незоморфных слов: *толстоголовка-запятая* (бабочка). Метафорические билексемы-зоологизмы образованы сложением слов, не обозначающих изначально животных. Данный тип характеризуется сложением компонентов,

не относящихся к таксономическому разряду «животные», а билексема-дериват в целом обозначает зоологический объект: *стрелка-девушка* (бабочка). В этом типе зообилексем слова строятся по модели «определяемое + определяющее», в котором оба компонента билексемы выражают единую, композиционную номинацию животного, для которого характерны признаки двух номинаций.

В таджикском языке продуктивным способом словообразования является суффиксальный способ (–ак «уменьшительно-ласкательность» и «невзрослость»: *буз – бузак, гург – гургак, мург – мургак, харгуш – харгушак, гунчишк – гунчишкак*). Способом основосложения образованы отдельные зоолексемы (в отличие от русского языка без соединительных гласных). Этим способом образованы зоолексемы, обозначающие самки животных и их детенышей (*шутур+бача, мода+хар, мода+гов* и т.д.). В таджикском языке (в отличие от русского) префиксально-суффиксальный способ словообразования является не продуктивным.

С точки зрения семантической структуры производящей базы в таджикском языке можно выделить следующие типы слов со значением «животный мир»: а) зооним + зооним типа *мормоҳӣ, шутурмурғ, сағмоҳӣ* и т.д., в которых каждый компонент обозначает животное, принадлежащее какому-либо другому типу; б) интеграция трех слов со значением «животный мир», т.е. зооним + зооним + зооним типа *шутур+гов+паланг – шутурговпаланг*. Данный тип словообразования в русском языке не продуктивен; в) довольно значительную и продуктивную группу зоологизмов составляют зоолексемы образованные способом интеграция зооним + незоморфное слово: *сағобӣ, харгушбача, гавазнбарра* и т.д. Эти зоологизмы образованы сложением слов со значением «животный мир» и слова, обозначающего детёныши животных (*барра*) и прилагательных (*обӣ*); г) небольшая группа зоологизмов образована способом незоморфное слово + зооним: *калгов, кӯрпашиа, шофмоҳӣ, лаққамоҳӣ, модабуз, шӯрмоҳӣ* и т.д. д) соединение двух незоморфных слов: *эзорсурхак, ҳазорпо* и т.д.

метафорические термины-зоолексемы – это такие единицы, которые образованы сложением слов, не обозначающих изначально животных. Как и в русском языке, этот тип характеризуется сложением компонентов, не относящихся к таксономическому разряду «животные». В данном типе слова-зоологизмы строятся по модели «определяемое + определяющее». Здесь оба компонента выражают единую, композиционную номинацию животного, для которого характерны признаки двух номинаций; е) небольшое количество зоолексем создано соединением трех незооморфных слов: *куршабпарак*, *куликчернокрылка*. В этом типе незооморфные слова сочетаясь, выражают единую номинацию животного. В сопоставляемых языках данный способ является малопродуктивным для анализируемого пласта лексики.

Основываясь на материале исследования, надо подчеркнуть, что в таджикском языке (в отличие от русского языка) способом сложения основ или самостоятельных слов образованы слова, обозначающие самца/самки животных и их детёныши.

Модель «существительное + существительное» присуща при образовании детеныши животных. Эти слова образованы по модели зооним + слово *бача* или *барра* (эти слова обозначают «молодой, детеныш»): *охубарра*, *шутурбача*, *морбача*, *рӯбоҳбача*, *шербача* и т.д. С некоторыми словами (которые обозначают верховых или вьючных животных) соединяется слово *курра* (детеныш животных): *харкурра*.

Определенную группу составляют сложные слова-зоологизмы, обозначающие самцов животных: *нархук*, *наршутур*, *нарбуз*, *наргов*, и т.д. Данные зоолексемы созданы путем соединения слово *нар*, которое в русском языке переводится как *самец* + зооним. Эта модель характерна при создании наименований животных, обитающих на поверхности земли.

В таджикском языке способ образования слов, обозначающих самок животных является продуктивным способом: *модагург*, *модабуз*, *модагов*, *модашер* и т.д. Эти зоолексемы образованы способом интеграция слово *мода* (самка) и (+) зооним. Хари мода → *модахар* (ослица), гурги мода →

модагург (волчица), саги мода → *модасаг* (сука), бузи мода → *модабуз* (коза), гови мода → *модагов* (корова), шерИ мода → *модашер* (львица).

Данный тип словообразования является непродуктивным в русском языке.

Анализ исследуемого материала показывает, что в таджикском языке не менее продуктивен такой способ образование зоологизмов, как прилагательное + зооним: *пирсаг*, *шӯрмоҳӣ*, *калбуз*, *калгов*, *калзоғ* и т.д. Первая часть этих слов характеризуют облик животного, его внешний вид, или возраст животного: саги пир → *пирсаг* (старая собака), бузи кал → *калбуз* (безрогая, комолая каза), гови кал → *калгов* (безрогая корова) и др.

Малое количество зоонимов образовано, моделью «зооним + прилагательное»: *мурғобӣ*, *сағобӣ*. Здесь зоолексемы *мурғ* (курица) и *сағ* (собака) соединяются с прилагательным *обӣ* (водяной, живущий в воде). В результате образуются новые слова, которые обозначают других животных *мурғобӣ* – утка, *сағобӣ* – выдра. Моделью «причастие + зооним» образованы слова со значением «животные»: *даррандасағ*, *гуррандашер*.

В таджикском языке сложением прилагательных и слов обозначающих животных, образованна, довольно значительная группа зоологизмов. В основном этим способом образованны наименований животных, обитающих на поверхности земли и рыб.

Как в русском, так и в таджикском языке именно прилагательные, способные выражать различные качественные и относительные признаки животного мира, являются важнейшей мотивационной базой создания многочисленного класса специальных номинаций животных.

В сопоставляемых нами языках были отмечены слова-зоолексемы, перешедшие из разных частей речи в имена существительные (морфолого-синтаксический способ словообразования): *пресмыкающиеся*, *борзая*, *гончая*, *парранда*, *хазана*, *сангпушт* и т.д.

В образовании слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках лексико-синтаксический способ является не продуктивным.

Таким образом, проведённое нами исследование позволяет выявить сходство и различие в сопоставляемых языках на примере лексики, обозначающее животный мир. К сфере универсального следует отнести сам факт, что зоолексемы, относящиеся к лексико-семантическим группам и тематическим группам «животные», представляют собой один из значительных пластов словарного состава обоих языков.

Список условных сокращений

1. БАС - Большой академический словарь русского языка
2. БСЭ – Большая советская энциклопедия
3. БТС - Большой толковый словарь русского языка
4. БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание
5. КЛС – категориально-лексическая сема
6. ЛСВ – лексико-семантический вариант
7. ЛСГ – лексико-семантическая группа
8. МАС - Малый академический словарь русского языка
9. РТС – Русско-таджикский словарь
10. ФТЗТ – Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка)

Список использованной литературы

1. Абаева, В. И. Сложные слова – хранитель древней лексики / В.И. Абаева // Вопр. языкознания. – 1983. -№ 4. - С. 75-85.
2. Абдуллозода, Р. Ибораҳои илмӣ (Научные выражения) / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Дониш, 1971. – 204с.
3. Аكوпова, С. П. О зоонимической лексике / С.П. Аكوпова // Русс. яз. в школе. – 1983. - № 3. - С. 89 – 91.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки русской культуры»: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. - 267с.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимичные средства языка / Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки русские культуры»; Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. - 474с.
6. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. - № 1. - С. 54.
7. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л.А. Абаева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – 222с.
8. Арапова, Н. С. Три зоонима / Н.С. Арапова // Русс. яз. в школе. – 1979. -№ 2. - С. 79-79.
9. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб, 1999. - 435с.
10. Арутюнов, С.А. Народные механизмы языковой традиции / С.А. Арутюнов // Язык – культура - этнос / С.А. Арутюнов / под ред. С.А. Арутюнова, А.Р.Багдасарова, В.Н.Белоусова. - М.: Наука, 1994. - 223с.
11. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. - 369с.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнов. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 695с.

13. Балабанова, А. В. Зоонимическая лексика в художественном дискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Балабанова Альбина Владимировна. – Курск, 2008. - 19с.
14. Балалыкина, Э.А. Русское словообразование: учебное пособие / Э.А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань: КазГУ, 1985. - 184с.
15. Белошапкина, В. А. Современный русский язык / В.А. Белошапкина. - 2-е изд. - М., 1989. - 800с.
16. Белошапкина, В. А. Современный русский язык: учеб. для филолог. спец. высших учебных заведений / В. А. Белошапкина, Е. А. Земская, Е. А. Брызгунова и др.; под ред. В. А. Белошапкиной. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. - 928с.
17. Бельчиков, Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации / Ю.А. Бельчиков // Филологические науки. – 2002. - № 4. - С. 66-73.
18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 447с.
19. Березин, Ф. М. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. - М.: Просвещение, 1979. - 236с.
20. Блохина, Г. В. Изучение темы «Состав слова в начальной школе» / М.Д. Блохина. – Псков: ПГПИ, 2000. - 120с.
21. Бобомуродов, Ш. Луғати мухтасари калимасозии забони адабии тоҷик (Краткий словообразовательный словарь таджикского литературного языка) / Ш. Бобомуродов, А. Мӯминов. – Душанбе: Маориф, 1983. – 116с.
22. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. - Л., 1977. – 204с.
23. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. - М.: Изд. АН СССР, 1963. – т. 2. - 391с.
24. Большая советская энциклопедия / А.М. Прохоров. – М., 1978. – 3800с.

25. Большой академический словарь русского языка: в 17 т. / В.И. Чернышев. – М.;Л., 1950. – 13329с.
26. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536с.
27. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В.И. Ярцева. – М., 1998. – 685с.
28. Брагина, А.А. Лексика языка и культуры страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. - М.: Русский язык, 1986. - 176с.
29. Брэм, А. Э. Жизнь животных: в 3 т. Т. 2. Птицы / А. Э. Брэм; под ред. А. М. Никольского. - М.: Терра, 2007. - 324с.
30. Будагов, Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. - М., 1967. – 376с.
31. Будагов, Р.А. Сравнительно-семантические исследования (романские языки) / Р.А. Будагов. - М.: Изд-во Моск. унт-та, 1963. - 102с.
32. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. - М.: Логос, 1964. - 528с.
33. Василевская, Е. А. Словообразование в русском языке: очерки и наблюдения / Е. А. Василевская. – М.: Учпедгиз, 1962. - 132с.
34. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. - М.: Высшая школа, 1990. - 421с.
35. Васильченко, С. М. К вопросу о множественности словообразовательной структуры производного слова / С. М. Васильченко // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А. Н. Тихонова. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 77-82.
36. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1996.- 416с.
37. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 777с.

38. Вельмешева, В. С. К изучению поэтической ономастики И. Ильфа и Евг. Петрова (Опыт лингвистической интерпретации текста) / В. С. Вельмешева // Труды Самаркандского у-та. Вып. 214. Вопросы ономастики. – Самарканд, 1971. – С. 72-85.
39. Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин. - М.: Русский язык, 1980. - 320с.
40. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965: Материалы и исследования по индоевропейским языкам. - М.: Наука, 1967. – 285с.
41. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 155-165.
42. Виноградов, В. В. Словообразование имен существительных: морфология: Курс лекций / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во МГУ, 1952. - 519с.
43. Виноградов, В.В. Основные типы лексического значения слова / В.В. Виноградов // Вопр. языкознания. - 1953. - № 5. - С. 15-67.
44. Виноградов, В.В. Предисловие / В.В. Виноградов // Ефимов А.И. Стилистика русского языка. - М., 1969, - С. 5-6.
45. Виноградов, В.В. Избранные труды: в 5-ти т. Т. 3. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1977. - С. 32.
46. Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию. Морфология: курс лекций // Избранные труды по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1959. – 460с.
47. Войтик, Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Войтик Л.С. - Алма-Ата, 1974. - 180с.
48. Войтик, Л.С. Методика описания смысловой структуры наименований животных / Л.С. Войтик // Аспекты лексического значения слов. - Воронеж: ВГУ, 1982. -С. 97-99.

49. Гак, В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности / В. Г. Гак // Вопр. языкознания. – 1972. -№ 5. – С. 12-22.
50. Галенко, И. Г. О некоторых особенностях составных слов / В. Г. Галенко // Вопр. русс. языкознания. – 1969. – Кн. 4. – С. 60-76.
51. Гафарова, К.Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Гафарова Киматой Таваровна. – Душанбе, 2007. - 164с.
52. Головин, В. Г. Словообразовательная интеграция / В. Г. Головин // Очерки по русской морфемике и словообразованию. – Воронеж, 1990. – С. 53-64.
53. Голуб, И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка / И.Б. Головин. – М.: Высшая школа, 1989. - 448с.
54. Горбенко, М. В. Восприятие зоонимов наследием Г. Костаная / М. В. Горбенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. - Вып. 24, № 33 (124). – С. 41-46.
55. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. - М., 1969. - 202с.
56. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ч. I. – Душанбе, 1985. - 358с.
57. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. - 184с.
58. Диброва, Е. И. Современный русский язык. Ч. I: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Морфемика и словообразование / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, И. И. Щеболева. – М.: «Академия», 2001. - 480с.
59. Диброва, Е. И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. Ч.1. / Е. И. Диброва; под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2008. - 624с.

60. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. - 128 с.

61. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология (Современный литературный таджикский язык. лексикология, фонетика и морфология). Ч. 1.-Душанбе: Ирфон, 1973. - 447с.

62. Закирова, Л. А. Человек как общественное существо в зоонимной фразеологической картине мира (на материале английского, русского, башкирского и татарского языков) / Л.А. Закирова // Вестник ВЭГУ. - 2008. - № 4. - С. 112-117.

63. Замалетдинов, Р.Р. Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека / Р.Р. Замалетдинов, Л.Р. Мухаметзянова, Д.Х. Хуснутдинов; под. ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2012. - 196с.

64. Камолиддинов, Б. Услубшиносӣ (Стилистика) / под ред. Д.Т. Тоҷиева. – Душанбе, 1973. - 114 с.

65. Карам, Р. А. Структура и семантика зоокомпонентов в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карам Рахим Али. – Елец, 2010. - 206с.

66. Кожина, М. И. Стилистика русского языка / М.И. Кожина. - М.: Просвещение, 1977. - 223с.

67. Козлова, М.А. Биология / под ред. М. А. Козлова. - 23-е издание - М., 1993. - 256с.

68. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2006. - 672с.

69. Косериу, Е. Лексические солидарности / Е. Косериу // Вопросы учебной лексикологии и лексикографии. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 87-95.

70. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / под ред. Н. И. Шанского /. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1971. - 542с.
71. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 199с.
72. Кузнецов, А. М. Национально-культурное своеобразие слова / А.М. Кузнецов // Язык и культура. - М.: АН СССР, 1987. - 293с.
73. Кузнецова, Л.И. Сопоставительно-семантический анализ сравнений как метод выявления национальной специфики слова / Л.И. Кузнецов // Методы и приемы лингвистического анализа в общем и романском языкознании. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. - 142с.
74. Куражова, И.В. Имена животных как отражение ценностей картины мира в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Куражова Ирина Владимировна. – Иваново, 2007. - 23с.
75. Курилович, Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение / Е. Курилович. - М., 1962. - 210с.
76. Курбонов, М. Услубшиносӣ. Созмони услубии забони адабии хозираи тоҷик (Стилистика. Стилистический строй современного литературного таджикского языка) / М. Курбонов. - Душанбе, 1991. - 102с.
77. Лекант, П. А. Современный русский литературный язык: Учебник / под ред. П.А. Леканта / П.А. Лекант. – М.: Просвещение, 2004. - 304с.
78. Лексико-семантические группы русских глаголов / под общ. ред. Т. В. Матвеевой. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. - 453с.
79. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 683с.
80. Лингвокультурологический словарь / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова; под ред. И.В. Захаренко. – М., 2004. - 318с.

81. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. - М., 1976 -С. 40-56.
82. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1993. - 958с.
83. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления как специфический объект лексикологии и лексикографии / Н.А Лукьянова, Т.А. Трипольская // Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. тр. - Новосибирск, 1984. - С. 114-130.
84. Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / А.П. Евгеньева. – М., 1985. - 2980с.
85. Мачидов Х. Забони адабии муосири тоҷик (Современный литературный таджикский язык). Т. 1. Луғатшиносӣ / под ред. Х. Мачидова. – Душанбе, 2007. - 254с.
86. Мирзоев, Х.Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.0.20 / Мирзоев Хабибулло Холович. - Душанбе, 2013. - 48с.
87. Моисеева, Л.Ф. О чем говорят названия птиц / Л. Ф. Моисеева // Русская речь. - 1974. - № 4. - С.93-98.
88. Молчанова, А.Н. О переноснообразных значениях слов / А.Н. Молчанова // Аспекты лексического значения слов. - Воронеж: Высш. школа, 1982. - С.27-28.
89. Муравьев, В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун / В.Л. Муравьев. - Владимир: ВГПУ, 1980. -109с.
90. Неделяева, Т.Г. О метафорической семантике в сопоставительном плане / Т.Г. Неделяева // Вопросы теории романо-германских языков. - Днепрпетровск, 1976. -С.56-57.
91. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 438с.

92. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. - М.: Высш. школа, 1988. - 160с.
93. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностранные языки» / М.В. Никитин. - М.: Высшая школа, 1983. - 120с.
94. Никитин, М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях / М.В. Никитин // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. - СПб.: Тригон, 2000. - С. 34-36.
95. Никитский, Н.Б. Насекомые красной книги СССР / Н.Б. Никитский. - М.: Педагогика, 1987. - 107с.
96. Новиков, Л.А. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л. Г. Новиков, Л. Г. Зубкова. - 3-е изд. - СПб., 2001. - 864с.
97. Новый толково-этимологический словарь русского языка / Т. Д. Ефремова. - М., 2000. - 1233с.
98. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. - М., Высш. школа, 1974. - 350с.
99. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Филологические записки. - Воронеж, 2001. - Вып. 16. - С.119-120.
100. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М., 1988. - С.33-35.
101. Потebня, А. А. Мысль и язык / А.А. Потebня. - М.: Лабиринт, 1998. - 269с.
102. Потebня, А.А. Из лекций по теории словесности / А.А. Потebня // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. - М.: АCADEMIA, 1997. - С.69-71.

103. Пуйо, И.Ю. Скотоводческая лексика украинских говоров р-на Карпат: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / И.Ю. Пуйо. - Одесса, 1980. - 186с.
104. Ретунская, М.С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речи / М.С. Ретунская // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. - Горький, 1987. - С. 98 - 116.
105. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 536с.
106. Русско-таджикский словарь / под ред. М.С. Осими. - М.: Русский язык. 1985. - 1279с.
107. Рыжкина, О.А. Зооморфные характеристики группы «asinus» в русском и английском языках / О.А. Рыжкина, Ф.А. Литвин // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. V. - Новосибирск, 1976. - С. 98-99.
108. Сентенберг, И.В. Многозначные слова как лексико-семантическая парадигма: К вопросу о смысловом варианте многозначного глагола в английском языке / И.В. Сентенберг // Исследования по романо-германскому языкознанию. - Волгоград, 1974. - С. 55 - 72.
109. Сетаров, Д. С. Именованіе животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Сетаров Длсеват Садыкович. - Шяуляй, 1992. - 343с.
110. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская энциклопедия, - 1966. - 598с.
111. Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева; под ред. А. П. Евгеньевой - М., 1985-1988. - 2984с.
112. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») / А. И. Смирницкий // Труды института языкознания АН СССР. - М., 1954. - Т. 4. - С. 4 - 49.
113. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / пер. с франц. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256с.

114. Стернин, И. А. Лексическое значение и энциклопедическое знание / И.А. Стернин // Аспекты лексического значения. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. - С.115-117
115. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. - 136с.
116. Столярова, Е.А. Стилистика русского языка / Е.А. Столярова. – М.: Приор-издат, 2004. – С. 6-8.
117. Таджикско-русский словарь (Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ) / под ред. Д. Саймиддинова. – Душанбе, 2006. - 784с.
118. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слов в языке / В.Н. Телия. - М.: Наука, 1981. - 269с.
119. Телия, В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. - М., 1991. - С. 211-212.
120. Тер-Минасов, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасов. - М., 2000. – 624с.
121. Тихонов, А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке: монография / А. Н. Тихонов. – Елец.: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. – 270с.
122. Тихонов, А. Н. Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 1. – Ташкент, 1975. - С. 7-13.
123. Тихонов, А. Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков / А. Н. Тихонов // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 105-111.
124. Тихонов, А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов. – Самарканд.: Самаркандский гос. ун-т, 1971а. - 387с.

125. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб., 1863-1866. – 2810с.
126. Толковый словарь иноязычных слов. – 5-е изд. / под ред. Л. П. Крысина. – М., 2003. – 856с.
127. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии». 2007. – 944с.
128. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ГИИиНС, 1935 – 1940. – 1280с.
129. Толстой, Н. И. Язык и культура / Н.И. Толстой // Русский язык и современность. Проблемы перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 72 -123.
130. Трубачев, О. Н. Русская ономастика и ономастика России / О.Н. Трубачев; под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Школа – Пресс, - 1994. – 288с. («Русская энциклопедия»).
131. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 372с.
132. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 255с.
133. Улуханов, И.С. О семантической классификации мотивированных слов / И. С. Улуханов // Актуальные проблемы словообразования: ученые записки. – Ташкент, 1975. – С. 72-78.
134. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М., 1962. – 257с.
135. Уфимцева, Н. В. Слово, значение и языковое сознание / М. И. Уфимцева - М., 2007. – 145с.
136. Уфимцева, А. А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. - М., 1980. - С. 5-81.
137. Уфимцева, А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. - М.: Наука, 1986. - 239с.

138. Фарҳанги гӯишҳои чанубии забони тоҷикӣ (Словарь южных говоров таджикского языка) / под ред. М. Махмудова. – Душанбе, 2012. – 945с.
139. Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка) в 2 т. / под ред. М.Ш. Шукурова. – М., 1969. – 1905с.
140. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка): в 2 т. / под ред. С. Назарзода. – Душанбе. 2008. – 1895 с.
141. Филлин, Ф. И. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф. П. Филлина. – М.: Советская энциклопедия, 1957. – 632с.
142. Фомина, М. И. Лексика русского языка / М. И. Фомина. - М.: Высш. школа, 1973. – 146с.
143. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология / М.И. Фомина. – М., 1990. – 410с.
144. Фразеологический словарь русского языка / Молотков А.И.; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. - 543с.
145. Хачатурова, Л. А. О словообразовании существительных – названий животных / Л. А. Хачатурова // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы VI республиканской научно-практической конференции. Ч. I. – Самарканд, 1991. – С. 156-158.
146. Хачатурова, Л. А. Проблемы изучения словообразовательных гнезд названий животных / Л.А. Хачатурова // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы научно-практической VI республиканской конференции. Ч. II. – Самарканд, 1991. – С. 64-67.
147. Хашимов Р. И. Билексема как особая единица языка / Р. И. Хашимов // Вопросы филологии. - 2008а. - № 4. – С. 30-38.
148. Хашимов, Р. И. Номинация и арсенал создания слов / Р. И. Хашимов // Русский язык: история и современность: сборник научных трудов. К 80-летию профессора В. В. Щеулина. – Липецк-Елец: ЕГУ, - 2008б. – С. 321-333.

149. Хашимов, Р. И. О билексемах русского языка / Р. И. Хашимов // Европейские языки: историография, теория, история: межвузовский сборник научных работ. – Вып. № 6. – Елец, 2007. – С. 39-48.
150. Хашимов, Р. И. Об одном способе словообразования / Р. И. Хашимов // Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики и дидактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора Н. Н. Алгазиной. – Елец: ЕГУ, 2002. – С. 316-324.
151. Хашимов, Р. И. Однокоренные слова и синонимия / Р. И. Хашимов // Русский язык в школе. 1972. - № 3. – С. 87-92.
152. Царев, П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П.В. Царев. - М.: Изд-во Московского университета, 1984. - 224с.
153. Черепанов, М. В. О разграничении словосложения и аффиксации / М. В. Черепанов // Русский язык в школе. 1968. - № 5. – С. 99-104.
154. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М., 1972. – 324с.
155. Шанский, Н. М. Основы словообразовательного анализа / Н. М. Шанский. – М.: Учебгиз, 1952. – С. 56-58.
156. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М.: Из-во Моск ун-та, 1968. – 310с.
157. Шанский, Н. М. Современный русский язык / Н. М. Шанский. – М., 1971. - 256.
158. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 335с.
159. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелёв. - М.: Наука, 1973. – 279с.
160. Шмелёв, Д.Н. Слово и образ / Д.Н. Шмелёв. - М.: Наука, 1964. – 120с.

161. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1940. - №3. - С. 89-110.

162. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. - Л.: Наука, 1974. - 427с.

163. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М., 1974. - 255с.

164. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. М. Фасмера. – М., Прогресс, 1987. – 2944с.

165. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504с.

Художественная литература

1. Айнӣ С. Акнун навбати калам аст. Марги Судхур (Теперь очередь пера. Смерть ростовщика) / С. Айнӣ; под ред. Ш. Шарафа. – Душанбе: Ирфон. 1978. – 462с.

2. Бунин, И. А. Собр. Соч. в 4 т. / И.А.Бунин. - М.: Правда, 1988. - 2160с.

3. Гончаров, И.А. Избр. соч / И.А. Гончаров. – М.: Худ. Лит-ра, 1990. – 255с.

4. Грибоедов, А. С. Горе от ума: комедия в 4-х действиях / А. С. Грибоедов. - М.: Дет. лит., 2008. – 204с.

5. Гудков, Г. Ф. Незаконченная повесть С. Т. Аксакова «Наташа» / Г. Ф. Гудков, З. И. Гудкова. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. – 232с.

6. Чалол И. Духтари оташ (Дочь огня) / Ч. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560с.

7. Крылов, И.А. Басни / Издательство: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 304с.

8. Некрасов, Н.А. Избр. произведения / Вступит. ст. и примеч. Н.Н.Скатов. - Л.: Лениздат, 1972. - 550с.

9. Розов, В.С. В поисках радости. Комедия в двух действиях / В.С. Розов. – М.: Театр, 1957. – 160с.
10. Струве Н. «Роман-загадка» / М. Агеев. Роман с кокаином. – М., - 1990. – 206с.
11. Улуғзода С. Восеъ. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 366с.
12. Устинова, Т. Подруга особого назначения. – М., 2005. – 352с.
13. Шерозӣ С. Гулистон. Бустон / под ред. Бахрома Фируза. – Душанбе: Маориф, 1977. – 160с.
14. Шерозӣ Ҳ. Избранные газели /Х. Шерозӣ; сост. Шокир Мухтор, Муаззам Диловар. – Душанбе: Ирфон. 1993. – 253с.